

СЕРЕДНІ
ВІКІВ

КОНАН
І ВІНІВА

ВЕССМЕРТНИХ

Східно-Європа

Annotation

Очередная история из жизни неугомонного киммерийца, в которой смешались колдовство, драгоценный груз с Жемчужных островов и таинственная хозяйка боевых мастафов...

- [Кристина Стайл](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава I](#)
 -
 - [Глава II](#)
 -
 - [Глава III](#)
 -
 - [Глава IV](#)
 -
 - [Глава V](#)
 -
 - [Глава VI](#)
 -
 - [Глава VII](#)
 -
 - [Глава VIII](#)
 -
 - [Глава IX](#)
 -
 - [Глава X](#)
 -
 - [Глава XI](#)
 -
 - [Глава XII](#)
 -
 - [Эпилог](#)
 -
-

Кристина Стайл

Дань с жемчужных островов

Пролог

Среди темно-голубых вод моря Вилайет, игравших и переливавшихся под лучами жаркого летнего солнца, раскинулись Жемчужные острова. Казалось, боги, несколько тысячелетий назад обрушившие на неразумных людей свой гнев и превратившие некогда населенные земли в бескрайние водные просторы, вдруг опомнились, сменили гнев на милость и создали эту благословенную твердь. Словно зализывая давние раны, морские волны мягко касались песчаных берегов. Легкий ветер играл в кронах сильных, крепких деревьев, обильно покрывавших пологие горные склоны. Всего тут хватало для спокойной, сытой, размеренной жизни: плодородная земля щедро делилась моими плодами, горы не прятали ни железа, ни меди, ни шиша, леса поставляли превосходную древесину, море давало рыбу и, самое главное, жемчуг.

Нигде во всем мире было не сыскать перлов прекрасное. И молочно-белые, и нежно-розовые, словно небо на ранней зорьке, и голубые, как прозрачная вода в горных ручьях, и желто-золотистые, напоминающие солнечный свет, и темно-синие, похожие на сердитую грозовую тучу, и черные, как безлунная ночь, зеленые, красные — только у берегом Жемчужного Архипелага можно было отыскать такие сокровища. Говорили, что в далеком Китае тоже добывают жемчуг. Но там он встречался лишь белый да изредка ка розоватый, и, кроме того, очень редко он бывал правильной круглой формы. Нет, определенно, в миг, когда боги создавали эти острова, их сердца были полны любовью к несчастным детям своим, которые порой сами не ведают, что творят.

Конечно, и на Жемчужных островах цветы цветут и земля плодоносит не круглый год. Иногда Светоносный Митра не удостаивает этот край своим взглядом. Слышатся и страшные дни, когда ветры становятся злыми и колючими, а море вздыбливает волны, словно грозит всему живому десятками огромных кулаков. И болезням, и смертям не заказана сюда дорога, и нищие и калеки ходят по этой земле, но все же это хорошее место. Воздух тут теплый и влажный, хотя дожди выпадают редко, зимний ветер не слишком жесток. Обилие чистых ручьев, добрая почва, крепкие, здоровые леса — что еще надо человеку, умеющему трудиться, чтобы не жаловаться на судьбу?

А местные земледельцы, ремесленники и ловцы жемчуга — аки, как их тут называли, умели и любили работать. Труд аки, правда, был и наиболее тяжел, и наиболее опасен. В море водились прожорливые хищники, злобные огромные спруты и очень странные существа, которых аки считали морскими демонами. По виду демоны почти ничем не отличались от раковин, в нежно-розовой плоти которых вырастали чудесные жемчужины, разве что были немного покрупней, но тот, кому хоть раз в жизни приходилось спускаться глубоко под воду, подтвердит, насколько обманчивым становится там зрение. Стоило неосторожному или неопытному ныряльщику приблизиться к морскому демону, как тот мгновенно смыкал тяжелые челюсти, напоминавшие створки обыкновенных раковин, и несчастный оказывался в ловушке. Ему оставался лишь один выход — расстаться с ногой или рукой, оставив ее кровожадному чудовищу, но зато спасти свою душу. Пожалевшие свою бренную плоть, как рассказывали бывалые аки, были обречены бродить по дну морскому, путая подводных обитателей и невыразимо страдая оттого, что их души никогда не воссоединятся с душами близких им людей.

И все же ремесло аки, хоть и такое опасное, постоянно привлекало все новых и новых

юношней и девушек. Ловец жемчуга должен был обладать незаурядной силой, иметь Прекрасные легкие, чтобы набранного в них воздуха хватало на долгое пребывание под водой, а также очень зоркие глаза, чтобы не тащить наверх всякий мусор, а определить ценность жемчужины еще на глубине и чтобы не стать жертвой демонов. Несмотря на все это, девушек среди аки было гораздо больше, чем мужчин. К тому же за тот короткий срок, что был отпущен аки для активного труда, многие из них успевали нажить кое-какое состояние, которого хватало на то, чтобы построить небольшой аккуратный домик, обзавестись семьей и позволить себе заниматься чем-нибудь для души. Видимо, поэтому женщины и стремились в море, ибо другой возможности заработать деньги и обрести самостоятельность у них не было. О том же, что короткий срок обычно отпущен аки не только для работы, но и для жизни, старался не думать никто. Главное — вовремя остановиться, чтобы морские боги и демоны не успели выпить все жизненные соки смельчака.

Не думала о печальном и Аделла, собиравшаяся ранним теплым утром выйти в море. Солнце уже поднялось над водной гладью и окрасило мелкий прибрежный песок и светло-золотистый с легким оттенком розового цвет. Ветра почти не было, и крошечные лазурные волны, лениво плескавшиеся в небольшой удобной бухточке, слегка поглаживали пологий берег. Вдвоем с Хакканом, вызвавшимся сопровождать девушку, они легко оттолкнули лодку от берега, и Хаккан сел на весла. Наиболее осторожные аки, не стремившиеся побыстрее расстаться с жизнью, никогда не отправлялись в море поодиночке. Кроме того, гребля отнимает немало сил, а ловцу жемчуга они всегда были необходимы ничуть не менее, чем запас воздуха в легких.

Хаккан был очень удобным спутником. Бывший аки, доживший до преклонного возраста, он всегда мог дать дальний совет, поделиться опытом, рассказать что-нибудь интересное. Кроме того, он был нежадным и всегда довольствовался самой малой долей от добычи. Да это и неудивительно, ибо стариk так и не обзавелся семьей, а много ли ему одному было надо?

— Хорошая вода сегодня. Теплая и прозрачная, — сказала молодая ныряльщица, поглаживая рукой волну.

Однако стариk не поддержал разговор, а лишь молча кивнул и сильнее налег на весла. Какое-то время они плыли в тишине, нарушаемой лишь плеском воды, взбудороженной веслом. Когда лодка отошла от берега довольно далеко, Хаккан остановился, перегнулся через борт и долго смотрел вниз, словно мог увидеть самое дно. Потом он покачал головой, сделал еще несколько сильных гребков и только после этого втащил весла в лодку.

— Здесь? — спросила Аделла. — Ты уверен?

— Болтай поменьше, — сурово ответил стариk. — Силы тебе еще пригодятся. Не трать их понапрасну.

Хорошенькая аки улыбнулась, покивала головой и начала готовиться к прыжку в воду. Она подняла со дна лодки два увесистых камня, старательно обвязала каждый из них прочной веревкой, подергала ее, проверяя, насколько надежны узлы, а затем прикрепила другой конец веревки к щиколоткам. Теперь к каждой ноге был привязан увесистый груз, который не даст всплыть раньше времени. После этого Аделла скинула легкое платье, оставшись в тонкой набедренной повязке, не стеснявшей движений, и повязала на талию узкий кожаный пояс. К поясу она привесила сетчатую сумку и маленький, но очень острый нож в ножнах. В руку девушка взяла другой нож, побольше, и поднялась со скамьи.

— Ну, старик, пожелай мне успеха, — слегка дрогнувшим от волнения голосом попросила она и поставила изящную босую ступню на бортик лодки.

— Не спеши, — остановил ее Хаккан. — Дай-ка мне взглянуть, все ли в порядке. — Он внимательно осмотрел аки, подергал пояс, проверил, крепки ли ячейки в сетке, и только после этого улыбнулся: — Ступай. Да хранят тебя боги от беды.

Аделла глубоко вдохнула, набрав полную грудь воздуха, и решительно шагнула вниз. Тяжелые камни тут же потянули ее ко дну. Она не ошиблась: вода в это утро действительно была теплой, нежной и на удивление прозрачной. Совсем еще юная, но уже достаточно опытная ныряльщица снова как в первый раз ощутила восторг от ощущения полета. Ей казалось, что она плавно парит в небе и, стоит раскинуть руки, ни превратятся в крылья, уносящие ее в безбрежную даль. Это и правда был полет, но полет вниз, ко дну морскому, скрывавшему множество своих тайн.

Вода быстро меняла цвет, становясь все более темной. Нежно-лазоревая на поверхности она теперь больше напоминала роскошный, сверкающи отполированными гранями сапфир. Мелкие рыбки, любопытные, как малые дети, подплывали к Аделле и внимательно смотрели на нее большими выпученными глазами. Любаясь ими, девушка снова и снова изумлялась их необычной красоте. Перламутровые, голубые, желтые, полосатые, пятнистые — такого разнообразия красок ей никогда не приходилось видеть на земле. Аки не удержалась и протянула руку, чтобы погладить одну из рыбок, подплывших к ней слишком близко, но подводная красавица отшатнулась и, едва заметно махнув хвостиком, исчезла.

Глубже, глубже... До дна оставалось совсем немного, и Аделла подняла над головой руки, чтобы ускорить свой полет. Длинные волосы струились у нее над головой, изо рта время от времени вырывались вереницы мелких пузырьков, однако воздуха в легких оставалось еще много. Сердце застучало сильнее, но это было, скорее, от переполнявшей душу аки радости, которую она испытывала каждый раз, когда попадала в подводное царство.

Вдруг ноги Аделлы коснулись твердой почвы — она достигла дна. Здесь было гораздо прохладнее, чем наверху, однако холода девушка не чувствовала. Откуда-то далеко вверху лился мягкий рассеянный свет, словно это светила бледная луна, скрывшаяся за плотным облаком. Босые ступни аки слегка погружались в мягкий песок, но это нисколько не мешало ей идти. Сделав несколько шагов, Аделла увидела небольшую подводную скалу, густо покрытую все время шевелившимися водорослями, а возле нее — довольно крупную раковину. Сборки ее были плотно сжаты, но опыт подсказал девушке, что раковина не пустая. Аккуратно подняв находку, она положила ее в сетку.

Еще пара шагов — и снова зоркие глаза рассмотрели желанную добычу. Потом еще одну, еще... Скоро уже шесть раковин лежали в сетке, приятно оттягивая ее. Вот это удача! Аделла засмеялась бы от восторга, если бы могла. И тут она почувствовала, что запас воздуха почти истощился. Странно, но она совсем не думала об этом. Быстрым и точным движением аки перерезала веревки, крепившие к ее ногам камни, прижала руки к бокам и быстро, словно стрела, выпущенная умелым и сильным воином, устремилась наверх, прорезая воду, распугивая стайки рыб.

Вода становилась все светлее и светлее, призрачный свет сменился ослепительным сиянием, и, пробив последний слой, Аделла вынырнула на поверхность совсем неподалеку от лодки. Она с наслаждением вдохнула теплый воздух и, резко взмахивая руками, поплыла вперед. Еще через пару мгновений она уже достигла борта и, уцепившись за протянутую Хакканом руку, забралась внутрь.

Тяжело дыша, аки показала своему спутнику сетку, затем, распустив завязки, вывалила ее содержимое на дно лодки. Старик довольно хмыкнул и принялся помогать Аделле раскрывать створки раковин. В пульсирующей нежно-розовой мякоти первой же раковины оказалась чудесная нежно-голубая жемчужина, во второй — белая. Довольная ныряльщица счастливо рассмеялась, но тут же нахмурилась: третья и четвертая раковины были пустыми. Но зато пятая и шестая!.. В пятой лежало истинное сокровище, редчайшее чудо — черная жемчужина, крупная, идеально круглая, а содержимое последней раковины восхитило Аделлу так, что она не удержалась и завопила от счастья. В шестой раковине скрывались две темно-синие жемчужины. Две! Это была удивительная удача, знак, который все аки расценивали как особую милость морских божеств.

— Ты посмотри, старик! — захлебываясь от восторга, вскричала девушка. — Ты посмотри!

Хаккан держал добычу на раскрытой ладони и любовался ее потрясающей красотой. — Нет, я буду нырять снова! — воскликнула Аделла. — Это благоприятный знак!

— Будешь, будешь, — кивнул Хаккан. — Но позже. Отдохни как следует.

— Как они великолепны! — не унималась аки.

— Да... — протянул старик. — А сколько с ними связано удивительных историй...

Аделла затахла, понимая, что сейчас может услышать один из необыкновенных рассказов, которыми славился Хаккан.

— Таких удивительных что не сразу и поверишь, что такое вообще могло случиться, — добавил он и замолчал.

Аделла тоже не произносила ни слова, боясь, что старик передумает и не расскажет ей ничего. Но бывший ловец жемчуга задумался так глубоко, что его юная спутница в конце концов не выдержала

— Может, ты расскажешь...

Хаккан внимательно посмотрел на нее и усмехнулся.

— Слышала ли ты когда-нибудь о Конане? — неожиданно спросил он.

— О Конане-киммерийце? — удивилась Аделла. — Да кто же о нем не слышал? Но при чем тут жемчуг?

Не обращая внимания на ее вопросы, старик снова улыбнулся, долго смотрел вдаль я наконец заговорил:

— Это было очень давно. С тех пор прошло более двух десятков лет. Ты тогда и на свет-то не появилась, а я, глупый искатель приключений, хоть и знал о Жемчужных островах, но не бывал еще тут ни разу...

Глава I

Конан стоял на вершине облепленного водорослями громадного валуна, о который со страшным грохотом бились высокие волны, распадавшиеся от удара на тысячи крохотных брызг. Они сверкали и искрились в лучах солнца, медленно поднимавшегося над морем, и в их волшебном сиянии валун выглядел огромным призраком, вынырнувшим из морских глубин. Только что киммериец пережил одно из самых удивительных приключений в своей жизни, настолько походившее на кошмарный сон, что Конан сам себе и то верил с трудом. Он понимал, что если и расскажет кому-либо обо всем случившемся, то очень и очень не скоро, ибо любой слушатель, конечно же, обвинит его в сумасшествии.

Вскинув над головой согнутую в локте руку, чтобы отражавшиеся от воды солнечные лучи не били по глазам, варвар пристально взглядался в горизонт, где плавно покачивался на волнах едва доступный взору корабль. Он медленно приближался, и вскоре стало ясно, что это галера. «Ильбарс», на котором плыл Конан, попал в бурю и разбился об эти скалы, но киммериец надеялся, что две другие галеры, сопровождавшие погибшее судно, спаслись и теперь разыскивают тех, кто остался в живых. Галера подошла еще ближе, еще... Так и есть. «Ксапур»! Слава всем Светлым богам! Он снова спасен. Жизнь продолжается.

С галеры заметили человека, стоявшего на камне, и до Конана донеслись отголоски восторженных криков. Несколько воинов сотни Синих Тюбанов, находившихся на борту, Воздели над головами руки и что-то радостно вопили, потрясая оружием. Конан замахал руками в ответ, ловко, словно ящерица, спустился по почти отвесному склону, прыгнул в моду и поплыл навстречу галере.

Вскоре он уже поднимался на борт, стряхивая с длинных волос соленые брызги и счастливо улыбаясь, глядя в знакомые приветливые лица. Окружившую его толпу раздвинул широкоплечий коренастый мужчина с пронзительными темно-карими глазами. Он положил на плечи Конана тяжелые сильные руки, мощные мускулы которых вполне могли поспорить с великолепными мускулами киммерийца, и, явно предчувствуя ответ, спросил:

— А где остальные?

Варвар показал на обломки «Ильбарса», разбросанные по скалам:

— На дне.

— И Кер Вардан?

Конан молча кивнул, понимая, насколько Салиду, кормчему «Ксапура», тяжело слышать о гибели друга, и искрение разделяя его горе.

— Глазам своим не верю! Тебя и Драконы Челюсти не пережевали! — послышалось из толпы, и к варвару шагнул Талаи — сотник Синих Тюбанов. Он окинул киммерийца долгим взглядом, а затем вздохнул: — Что ж, хоть один жив, и то ладно. — Потом улыбнулся и добавил: — Один-то один, зато какой!

Конана теребили, тормошили, расспрашивали. Сотня Ги них Тюбанов, славившаяся удивительной сплоченностью, направлялась в Шандарат на трех разных галерах, которые, попав в жуткую бурю, потеряли друг друга из вида. «Ильбарс», как только что выяснили те, кто плыл на «Ксапуре», погиб, а о судьбе «Ветра Акита» пока ничего было не известно, поэтому-то воины и спешили выяснить, что ведомо киммерийцу, чтобы знать наверняка, справлять по своим друзьям тризну или надеяться, что боги смилостилились над ними. Конан долго рассказывал о гибели своей галеры, но в конце концов рассердился и рявкнул:

— Хорошо же вы встречаете того, кто одной ногой ступил на Серые Равнины! А где увесистый кусок мяса и выпивка?

— Как где? — отозвался один из воинов. — В каюте.

— Так чего же мы ждем? — воскликнул варвар и поспешил вниз по трапу туда, где ему было приготовлено обильное угощение, о котором давно тосковала его бездонная утроба.

Буйное пиршество длилось долго, пока наконец все не уснули, кто прямо на столе, лицом в лужице пролитого вина, кто под лавкой, кто под столом. На всей галере не выпил ни капли лишь кормчий. Это был закаленный морской волк, свято соблюдавший правила, которые подсказал ему солидный опыт мореплавания. Команда и гребцы получили свою долю угощения, но весьма скучную. Сыты они, конечно, были, но зато нисколько не кривя душой вполне могли бы пожаловаться на жажду. Однако никто не роптал, прекрасно зная, что, стоит достичь порта, и они наверстают упущенное с лихвой.

Утром следующего дня кормчий Салид, обладавший не менее острым зрением, чем Конан, заметил на горизонте мачту.

Ко всеобщему ликованию, это оказалась «Акита», которую ураган отнес к Жемчужным островам. Теперь она, как и «Ксапур», шла на поиски пропавшего «Ильбарса». «Акита» начала приближаться, и когда расстояние между галерами сократилось настолько, что между бортами уже можно было перебросить доску, на палубу «Ксапура» спрыгнули несколько человек. Среди них выделялся могучий рослый кушит, на черном лице которого сияла ослепительно белая улыбка. Он кинулся к Конану и с силой сжал киммерийца в объятиях. Окажись мускулы варвара хоть чуточку не такими крепкими, его кости превратились бы в груду мельчайших обломков. Но Конан лишь радостно рассмеялся и похлопал огромной ладонью по широкой спине давнего приятеля.

— Юма! Как хорошо снова видеть тебя, черный мерзавец! — возопил Конан.

— Мне тоже приятно посмотреть в твою нахальную рожу, — тут же отозвался кушит, — Я уже начал опасаться, что ты переселился на дно!

— И не надейся. Мне еще по земле ходить не надоело.

— А остальные? — вдруг став серьезным, спросил Юма.

— Остальным повезло меньше, — тоже серьезно ответил Конан. — Все погибли.

— А как же ты выкрутился?

— Я попозже расскажу тебе. — Киммериец помолчал немного и добавил: — Если поверишь.

С небес спустилась волоокая красотка и, прижав тебя к пышной груди, бережно отнесла на вершину скалы? — И хотел кушит, к которому снова вернулось хорошее настроение. Он вообще редко пребывал в дурном расположении духа, а сейчас радость от того, что друг жив и здоров, просто переполняла его.

С небес-то с небес, только не красотка. — Конан нахмурился. — Ну да ладно, все потом.

— У вас еще будет время поболтать, — вмешался Талаи, стоявший рядом и с улыбкой наблюдавший за дружеской перепалкой. — А сейчас пора отправляться в путь. Мы и так потеряли много времени. Нас ждут дела.

Люди с «Акита» вернулись обратно, и обе галеры медленно направились к Шандаратур, куда и лежал изначально их путь. Как ни тяжела была утрата, поручение блистательного Илдиза Туранского все же надлежало выполнить до конца, а для этого вполне достаточно и двух галер.

Солнце уже миновало середину небосклона и начало медленно катиться к горизонту, когда впереди показались очертания шандаратской гавани. Справа и слева от нее выселились две башни. Одну из них Конан узнал сразу же — маяк, а вот вторая появилась тут, видимо, уже после его памятного посещения этого города. Однако долго рассуждать, для чего она предназначена, киммерийцу не пришлось. Стоило галерам подойти к прибрежным водам, как с башни раздался удар гонга, а следом за ним, чуть позже, — еще один. Талаи, заметив недоуменный взгляд варвара, пояснил, что, когда к гавани приближается галера, на сторожевой башне бьют в гонг один раз, если подходит торговое судно — два, пиратское — три. Галеры на пристани встречал отряд городской стражи, торговцев — сборщики даней и купцы, а к пиратам выходили особо доверенные люди, которые вели с ними переговоры.

Кормчие «Ксапура» и «Ветра Акита», а также сотник Синих Тюбанов переговорили с начальником стражи, и вскоре воины Илдиза Туранского и несколько человек из команд галер уже ступили на берег и поспешили к городским воротам. Впереди еще был целый вечер, суливший отдых и развлечения.

Великолепный, блестательный Шандарат встретил их шумом, гомоном, суетой и разноголосицей. Совсем неподалеку от Южных ворот, почти у самой городской стены, гудел пестрый базар, один из многих в этом богатом торговом городе. Всюду: и под навесами из соломенных циновок, и в палатках из разнообразнейших тканей, и прямо под открытым небом — шла бойкая купля-продажа. Гудели и визжали голоса торгующихся, взмахивали руки в роскошных шелках и простых полотняных одеяниях, звенели монеты... Хлопали двери многочисленных харчевен, впуская жаждущих и выпуская пьяных и сытых.

Среди всей этой столы милой сердцу Конана суеты под оглушительный грохот больших и маленьких барабанов, нестерпимый рев медных труб и нескончаемый визг разнообразнейших дудочек показывали свое удивительное искусство фокусники, шуты, заклинатели змей, танцовщицы, канатоходцы, пытаясь привлечь к себе внимание и хоть что-то заработать на хлеб, а если повезет, то и на мясо, вино и ночлег.

Конан невольно задержал шаг, залюбовавшись тем, как виртуозно работает заклинатель змей. Высокий сухощавый темнолицый старик, похожий на вендинца, сидел, поджав под себя ноги, на ветхой циновке и с полузакрытыми глазами, приложив к тонким губам тростниковую свирель, играл тягучую жалобную мелодию. Полностью покорные звукам свирели, перед стариком раскачивались, почти стоя на хвостах, две сонные змеи. Заклинатель на мгновение оторвал свирель от губ, и обе ядовитые гадины тут же пробудились и грозно зашипели, раскрыв огромные капюшоны с замысловатым рисунком, на котором отчетливо выделялись два круга. Но вот мелодия зазвучала снова, и обе твари, порождения Сета, покорно улеглись каждая в спою корзину. Не переставая играть, старик с трудом поднялся на ноги и плотно закрыл корзины тяжелыми крышками. Только после этого его свирель замолчала, и на смену музыке из корзин послышалось зловещее шипение, переходящее в тонкий свист, от которого кровь леденела в жилах.

Киммериец бросил заклинателю мелкую монету и хотел было порасспрашивать старика о его необычном ремесле, как откуда-то сверху донеслась барабанная дробь. Конан поднял голову, и увиденное заставило его позабыть обо всем на свете.

На невообразимой высоте по едва различимому глазом тонкому канату плавно скользил маленький человечек, державший в руках длинный шест. Он был одет лишь в ярко-желтые шаровары из какой-то легкой материи, которые нещадно трепал ветер. К талии смельчака был прикреплен маленький барабан, и канатоходец не только подпрыгивал, кувыркался,

высоко подбрасывал шест и снова ловил его, но еще и умудрялся бить одной рукой в барабан.

— Вот бы так научиться! — восхищенно шепнул Юма, дергая Конана за рукав. — Представляешь, куда мы с тобой могли бы забраться?

Киммериец лишь усмехнулся в ответ и повернулся туда, откуда послышался новый, необычный звук. Возле яркого высокого шатра из красного, синего и зеленого шелка собралась горстка зевак, ожидающих какого-то представления. Они окружили невысокий, но очень большой барабан, который только что выкатили два кхитайца. Третий держал в руках странный предмет, похожий на узкую тыкву, и с силой дул в него, извлекая из этого музыкального инструмента дребезжащий, ноющий звук, напоминавший зудение осы. От этого звука у Конана заныли его вполне здоровые зубы, но киммериец продолжал смотреть, надеясь увидеть что-нибудь необычное.

Его ожидание оказалось не напрасным. Полог шатра откинулся, и оттуда выбежала маленькая танцовщица. Ей было не больше пятнадцати лет. Миловидное лицо с золотистой кожей, обрамленное иссиня-черными тяжелыми волосами, казалось еще прелестнее из-за застывшего на нем притворного испуга. Гибкую фигурку окутывали полосы разноцветного шелка, игравшего и причудливо переливавшегося в вечерних лучах солнца. Метнув на зрителей быстрый взгляд черных, слегка раскосых глаз, девушка легко вспрыгнула на барабан, слегка ударив в него босыми пятками.

Музыкант задул в свой инструмент еще сильнее, и противный звук стал громче. Маленькая танцовщица склонила голову набок, прислушиваясь, и вдруг, прижав ладони к щекам, начала беспокойно оглядываться, словно искала злую осу, летавшую где-то совсем близко. Вот назойливое насекомое попыталось напасть на девушку, и она начала отбиваться: тело ее изгибалось, руки взлетали, как две золотистые птицы, маленькие ножки часто-часто били в барабан, все громче гудевший под крохотными ступнями. Танцовщица падала на колени, вскакивала, снова падала, уже на живот, перекатывалась на спину и опять поднималась. Руки непрерывно мелькали, стараясь найти в складках одежды привязчивую осу и все разматывая и разматывая шелка.

Вот девушка уже обнажилась до пояса, и восхищенным взорам открылась юная упругая грудь, но тут хитрое насекомое залетело снизу. Плясунья завертелась с бешеною скоростью, разноцветные полосы вихрем взлетели вверх и тут же опали, оставив девушку обнаженной. Вдруг она вскрикнула, выгнулась дугой, запрокинув голову, и замерла. По телу, словно выточенному из драгоценного камня, прошла судорога: оса все же настигла бедняжку.

Зрители восторженно заревели, а юная красавица упорхнула в шатер. Конан, ошелевший от увиденного, шагнул за ней следом, но чья-то рука удержала его.

— Остынь, приятель, — понимающе улыбнувшись, сказал Талаи. — Нас ждут дела.

Киммериец, тяжело вздохнув, согласился с сотником, и пни двинулись дальше. Яркие краски, одуряющие запахи, разнообразнейшие звуки, которыми изобиловали базарные и посады Шандарата, вскоре вытеснили из его души соблазнительный образ кхитаянки, и когда Конан подходил к дверям харчевни «Приют странника», он уже не думал о красавице.

— Располагайтесь, — велел своим воинам Талаи, переговорив с хозяином харчевни, — а я отправляюсь во дворец Ашарата, чтобы доложить о нашем прибытии. Затем будем ждать, когда владыка позовет нас. Так что, по крайней мере, до утра все свободны. Не тратьте все жалованье в один вечер. Кто знает, сколько мы еще пробудем здесь.

Он, как и все остальные, прекрасно понимал, что Ашарат вряд ли заставит долго ждать людей, прибывших от Илдиза Туранского. Но даже вассал мог потомить слуг своего

господина день-другой. Впрочем, кто как, а Конан не спешил и обратный путь, ибо знал толк во всевозможных утехах и умел ценить отдых, столь редко выпадавший ему.

Глава II

Воспользовавшись неожиданно выпавшей возможностью отдохнуть, расслабиться и развлечься, Конан немедленно отправился побродить по городу. В свое прошлое пребывание здесь он так и не рассмотрел Шандарат как следует, ибо сначала просто отъедался и отсыпался, не выходя из харчевни, а затем, после удачной вылазки в менятьную лавку Хеолота Даstry, богатейшего шандаратского ростовщика, был вынужден перебраться на городскую свалку, чтобы стражи порядка не могли разыскать его. Со свалки же он прямиком направился в поместье Неджеса, который тогда был советником Ашарата. Киммериец даже не подозревал, что задумал обобрать не простого толстосума, а сильного стигийского мага, способного раздавить его, как муху, одним пальцем.

Вспомнив, чем могло закончиться для него это приключение, не помоги ему старый верный дух Шеймис и воин Митры Фарал, варвар поморщился, словно у него разом заболели все зубы. Да, он был молод, глуп и чрезмерно самонадеян. С тех пор прошло около семи лет, за которые Конан успел многому научиться. Нет, он не стал намного более осторожным или менее самоуверенным, но зато изрядно поумнел, да и воинского опыта и мастерства у него заметно прибавилось, а кроме того, он в совершенстве овладел ремеслом вора и контрабандиста.

Он по-прежнему был молод, красив дикой, грубой мужской красотой, но черты юного необузданного хищника надежно скрыл хоть и весьма тонкий, но довольно прочный им пет цивилизации, окружавшей его в последние годы. Теперь он не дал бы так дешево купить себя и не ринулся бы в очередную авантюру сломя голову, не прикинув шансов на успех. Во всяком случае, он так думал.

Посетив несколько небольших трактирчиков, в каждом из которых он выпивал по паре кружек терпкого красного шиш, закусывая их то свежей сочной рыбой, то солидным куском в меру прожаренного мяса, Конан наконец-то более-менее удовлетворил свою ненасытную утробу, и душа его возжаждала зрелищ. Он жестом подозвал хозяина харчевни, и тот мгновенно очутился возле его стола.

— Чего-нибудь еще? — спросил он, ощупывая опытным взглядом кошелек, висевший на поясе киммерийца.

— Нет. Хочу задать тебе пару вопросов, — съело улыбаясь, ответил Конан.

Хозяин заметно поскучнел, но тем не менее весь его вид по-прежнему выражал готовность услужить посетителю.

— Мне бы хотелось посмотреть что-нибудь эдакое... Такое, чего нет в других местах...

Конан сам не знал, чего ему хочется, и потому выражал свои мысли весьма невразумительно. Однако трактирщик понял его и радостно закивал головой, так что его жирные щеки быстро закачались из стороны в сторону.

— Ты когда-нибудь бывал в Шандарате? — спросил он.

— Нет, — соврал Конан, вовсе не желая делиться с трактирщиком своими воспоминаниями.

— Но ты слышал хотя бы о мастерах?

— Еще бы не слышал! Не только слышал, но и видел и даже сам чуть не стал для них сытным обедом. Эта стигийская гадина, обворовать которую киммериец так и не сумел, поймала его, связав заклинанием неподвижности и вышвырнула, словно падаль, на

Обглоданный остров, где, кроме голых камней и своры дряхлых, но все еще достаточно свирепых мастифов, ничего не было. И не окажись рядом Шеймис, который разбудил в псах такую ярость, что они пожрали друг друга, не сидел бы Конан сейчас в этой харчевне.

— Сторожевые псы? — изображая изумление, спросил киммериец. — Что в них интересного?

— Если бы только сторожевые, — начал пояснять трактирщик. — Их разводят только в нашем городе, ибо справиться с целой сворой этих кровожадных тварей могут лишь очень и очень немногие. Вырастив до определенного возраста, псов обучаю. Кто-то из них становится сторожами, и надо сказать, что те, кто покупает их для охраны, могут спать спокойно с открытой дверью. Но чаще мастифов натаскивают для боев. Боевая собака стоит очень дорого, ведь она может принести хозяину немалую прибыль, если победит. Но несмотря на высокую цену, их охотно покупают. Раз в неделю устраиваются бои. Чтобы посмотреть на них, надо заплатить серебряную монету, но, уверяю тебя, оно того стоит.

— Ладно, не тяни! — вскричал Конан. — Куда мне идти?

— Неподалеку от Южных ворот, откуда идет Туранская дорога, есть небольшой амфитеатр. Он построен специально для собачьих боев. Если хочешь увидеть это, поторопись. Бои идут до захода солнца.

Конан поблагодарил трактирщика, бросил ему мелкую монету, которую тот поймал с неожиданной для такого увальня ловкостью, и поспешил к выходу. Ему не надо было спрашивать, куда идти, ибо он прекрасно помнил, как добраться до Южных ворот, ведь именно близ Туранской дороги находилось когда-то поместье Неджеса, и киммериец не раз побывал возле него.

Жирный трактирщик не обманул, и вскоре Конан увидел амфитеатр. В центре его располагалась площадка, посыпанная плотно утрамбованным морским песком, которую окружала высокая и, по-видимому, прочная решетка из толстых металлических прутьев. От площадки двумя полукругами вверх расходились ряды скамеек. Один проход между скамьями предназначался для зрителей, по другому выпускали псов, каждый раз поднимая для этого тяжелую решетку с зубьями.

Бросив человеку, стоявшему возле входа, серебряную монету, киммериец бесцеремонно отодвинул нескольких зевак и не без труда освободил себе местечко поближе к площадке. Кто-то попытался было возражать, но, взглянув ми увесистые кулаки Конана и на лицо, увенчанное боевыми шрамами, тут же замолчал, Варвар усился поудобнее и приготовился к небывалому зрелищу.

Он пришел как раз вовремя. Только что закончился очередной поединок, с площадки унесли изодранный в клочья труп неудачника, а победитель застыл в грозной позе, исподлобья поглядывая на решетку, откуда должен был появиться следующий противник. Это был роскошный зверь, и даже Конан, отнюдь не питавший к мастифам добрых чувств, не мог не восхититься им. Весь облик огромного, мощного кобеля дышал силой. Под ярко-рыжей лоснящейся шкурой бугрились мышцы, крупная лобастая голова была слегка опущена, резко очерченные ноздри подрагивали, улавливая множество возбуждающих запахов, из слегка приоткрытой пасти по мясистым брыльям стекала слюна, толстый тяжелый хвост, слегка загнутый кверху, был прижат к отставленной назад задней лапе.

Раздался противный скрежещущий звук, и решетка медленно поднялась. На площадку ленивой трусцой выбежал крупный светло-палевый мастиф, но стоило ему увидеть противника, как шерсть за загривке палевого поднялась, и он с глухим рычанием бросился на

рыжего. Одно неуловимое движение, и рыжий отскочил в сторону. Ослепительно белые клыки его противника сомкнулись, но его добычей оказался воздух. Не дав врагу опомниться, рыжий прыгнул и тут же расположился на палевом шею. Тот вззвизгнул и замотал головой, разбрызгивая ярко-алую кровь, однако не оставил попыток растерзать рыжего, снова стремительно бросился к нему и толкнул широкой грудью, очевидно намереваясь сбить его с ног. Попытка не удалась. Рыжий вновь ускользнул от него, успев при этом выдрать из бока палевого солидный кусок плоти.

Зрители вопили, размахивали руками, били кулаками по скамьям и плечам соседей, на что те совершенно не обращали внимания, увлеченные кровавым зрелищем. Конан, дрожа от восторга и возбуждения, сжал стальные кулаки, не отрывал жадного взгляда от рыжего пса. Он всей душой желал великолепному зверю победы, и она пришла даже раньше, чем на то рассчитывала улюлюкающая толпа.

Рыжий в длинном прыжке повалил палевого на мокрый от крови песок, впился издыхающему противнику в горло и изо всех сил замотал головой так, что во все стороны полетели клочки мяса, шкуры и шерсти. Несчастный бил лапами по воздуху, но вскоре, издав длинный вой, удивительно напоминавший человеческий стон, затих. Рыжий выплюнул добычу и, сделав несколько шагов в сторону, сел и принялся зализывать незначительные раны, которые успел нанести ему враг.

Толпа взорвалась оглушительными криками. Кто-то орал от восторга, кто-то сыпал проклятиями, и только равнодушных в амфитеатре не было. Возле одной из скамеек, стоявшей совсем близко к проходу, откуда выпускали собак, шел ожесточенный спор. Люди кричали так громко, что Конан невольно заинтересовался и обратился к своему соседу:

— Что там происходит?

Щуплый низкорослый человечек, напоминающий невероятную помесь крысы и обглоданного кота, с готовностью откликнулся:

— Ты здесь впервые, приятель?

Киммериец окунул недомерка взглядом и досадливо поморщился, однако кивнул:

— Да. Я вообще впервые в Шандарете.

— Тогда сейчас все объясню* На тех скамьях обычно сидят владельцы собак. По правилам боев, установленным давным-давно и никогда не нарушаемым, пес должен участвовать не более чем в трех поединках. Вообще-то справедливое требование. Так вот, это был третий бой рыжего. Скорее всего, его хозяйка отказывается снова выставлять пса сегодня, а хозяин палевого, у которого есть еще несколько собак, наверное, настаивает на четвертом поединке...

— Хозяйка? — не скрывая своего изумления, перебил своего собеседника Конан.

— Сразу видно, что ты чужак в нашем городе, — усмехнулся щуплый. — Иначе ты знал бы, кто такая прекрасная Амарис.

Конан вытянул шею и попытался разглядеть таинственную хозяйку роскошного бойцовского пса, который привел киммерийца в такой восторг. Спор у скамьи владельцев собак утих, люди разошлись, и варвар наконец увидел эту женщину. Высокая, стройная, прекрасно сложенная, она резко поднялась со своего места и решительно направилась вниз, на площадку. Великолепные темно-каштановые волосы, отливавшие на солнце старой медью, были уложены в несложную прическу, служившую, по всей вероятности, не для красоты, а для удобства. Гибкую фигуру, в каждом движении которой чувствовалась уверенность и сила, плотно облегал костюм из мягкой серой кожи: узкие брюки,

заправленные в высокие сапоги, и короткая куртка без застежки, из-под которой выглядывала ярко-зеленая шелковая блузка. В правой руке, облаченной в перчатку, Амарис держала сложенный пополам маленький хлыст, которым нервно постукивала по голенищу сапога. Стремительная, как порыв ветра, она быстро спустилась вниз и подошла к рыжему мастифу.

Остановившись в нескольких шагах от зверя, женщина пристально взглянула на него и что-то сказала. Пес повернул к хозяйке тяжелую голову с черной, словно одетой в маску, мордой и медленно, как бы нехотя, подошел, вильнул хвостом и сел возле ее ног. Амарис положила руку на голову собаки, слегка потрепала ее, почесала за ухом и снова что-то проговорила. Пес поднялся на ноги и не спеша потрусили к выходу. Женщина удовлетворенно кивнула и вернулась на свою скамью.

Конан не отрываясь глядел на красавицу. Его любвеобильное сердце стучало в горле, щеки заливала безумный жар, а тело колотил озноб. Хороша! Необыкновенно хороша! Ему еще никогда в жизни не приходилось встречать женщин, в которых грация, изящество и потрясающая женственность так блестяще сочетались бы с силой, уверенностью, волей и смелостью, причем сила эта, скорее, была внутренней, скрытой и от этого еще более притягательной. Он до такой степени размечтался, обдумывая, как бы подобраться к Амарис поближе, что не услышал гонга, возвещавшего о начале следующего боя, и пришел в себя только тогда, когда сосед подергал его за рукав:

— Садись! Представление продолжается.

На площадку выпустили двух следующих бойцов. Один из них, темно-серый с черными рваными полосами, как у тигра, сразу привлек внимание Конана. Ростом и силой серый явно не уступал рыжему, но если тот запугивал противника грозным рычанием, то этот дрался молча, лишь скаля белоснежные клыки в жуткой улыбке. Второй, шоколадно-коричневый, был ниже ростом, но значительно более тяжелым и мускулистым. Оба не торопились начинать драку, а, застыв как вкопанные, стояли друг против друга, присматриваясь и примериваясь.

Зрители тоже замерли и, затаив дыхание, ждали начала поединка. Наконец кто-то не выдержал и громко засвистел, и тогда вся толпа заверещала и заулююкала, подбадривая собак, призывая их уничтожить друг друга. Шоколадный повернул голову к зрителям, приветливо махнул хвостом, приняв на мгновение добродушнейший вид, и вдруг, зарычав, бросился в середину круга. В тот же миг серый напал на него. В красивом легком прыжке он настиг врага, укусил его в бок и моментально отскочил. Сумел ли он нанести серьезную рану, не мог сказать никто, ибо на темно-коричневой шкуре кровь была почти незаметна.

Шоколадный взвизгнул и попытался догнать серого, но тот, изогнувшись, словно пантера, вильнул в сторону, а его соперник едва успел остановиться возле самой решетки. Зрители, сидевшие в первом ряду, отшатнулись. Не обращая на них внимания, коричневый снова погнался за серым, но тот вдруг резко встал и так щелкнул челюстью, что этот звук услышали даже на задних рядах. Из шеи коричневого брызнула кровь, но он, похоже, даже не заметил этого. Оттолкнувшись от земли лапами, он кинулся на врага, рассчитывая ударить его в плечо и опрокинуть. Серый не сумел устоять на ногах, и острые зубы оставили глубокую отметину на его шелковистой шерсти. Рассвирепев, он, все так же не издавая им звука, рванулся вперед и, опрокинув противника, начал рвать его зубами. Какое-то время по площадке катался рычащий и визжащий комок, от которого во все стороны летели ключья мяса и брызги крови. Казалось, коричневому мастифу пришел конец, однако жажда жизни,

видимо, была в нем настолько сильна, что он все-таки вывернулся, отбежал м сюда и замер, тяжело дыша и роняя на песок капли розовой слюны. Его темная шерсть превратилась в ярко-алую, толстый тяжелый хвост был поджат, пес припадал на все четыре лапы, но сдаваться не собирался.

Позволив себе короткую передышку, собаки снова сцепились. Теперь их атаки стали недолгими. Оба наносили противнику небольшие раны и снова расходились. Казалось, и один, и второй пытаются взять врага измором. Небольшое рост шоколадного мешал серому перегрызть ему горло, но серый не оставлял попыток добиться успеха. Наконец он изловчился и вонзил зубы в ненавистную плоть. Однако он слегка промахнулся. Сомкнувшись зубы чуть выше, и коричневый перестал бы существовать, но хватка пришла низко, ближе к груди, и поэтому не была смертельной.

Шоколадный мастиф пробовал освободиться, сбросить с себя противника. Он метался из стороны в сторону, кружился, прыгал, вилял, обезумев от боли. Серый держал его намертво, и, лишь когда у бедняги совсем не осталось сил и он тяжело рухнул на влажный песок, едва дыша, серый, осторожно передвигая челюсти, словно прожевывая коричневую шкуру, добрался до горла, резко перевернул врага на спину, на мгновение завис над ним и со страшным хрустом перекусил хребет. Толпа взревела, а победитель, выплюнув труп побежденного, застыл возле него, словно памятник силе, мужеству и упорству.

Публика топала ногами, свистела, орала, размахивала руками. Какая-то женщина, досадливо отмахнувшись от своего спутника, который пытался ее образумить, вскочила на скамью и запрыгала, воздев руки над головой, и Конан невольно втянул голову в плечи, чтобы не получить удар каблуком. Замок великолепного браслета, украшавшего ее точеную руку, не выдержал, с едва слышным щелчком раскрылся, и золотая безделушка, осыпанная крупными сапфирами, сверкнула в воздухе. Киммериец поднял руку, чтобы поймать украшение, но браслет, стукнувшись о подставленную ладонь, описал кругую дугу и мягко шлепнулся на песчаную площадку прямо перед носом мастифа.

— Идиот криворукий, — прошипела сквозь зубы дама, мгновенно переставшая прыгать и орать. — За один такой камень на тебе надо всю жизнь воду возить.

Конан почувствовал, как краска ярости бросилась ему в лицо. Он резко выпрямился, смерил богатую фурию презрительным взглядом и прыгнул вперед, перемахнув разом несколько рядов скамеек. В следующее мгновение он уже оказался возле решетки и ловко, словно огромная ящерица, вскарабкался на нее. Толпа замерла. Казалось, никто даже не осмеливается дышать, глядя, как этот могучий воин добровольно лезет в пасть чудовища. Пес поднял голову и с удивлением смотрел на смельчака, словно раздумывая, разорвать его сразу или сначала немного поиграть с неразумным.

Киммериец ничего не замечал: ни молчания зрителей, ни пристального взгляда собаки. Оскорбление, нанесенное ему, было столь велико, что он просто не мог не достать браслет и не швырнуть его надменной красотке. Он быстро спустился вниз и спрыгнул на мокрый от крови песок. Мастиф сделал несколько шагов и сел рядом с блестящей игрушкой, исcosa поглядывая на человека. Бойцовых собак, в отличие от сторожевых псов, не натаскивали на людей, и потому животное пребывало в некоторой растерянности.

Никто, кроме хозяйки, никогда не приближался к нему ближе чем на пятьдесят шагов. От всех людей, которых ему когда-либо приходилось видеть достаточно близко, исходил явно ощущимый запах страха, и стоило собаке оскалить зубы, как запах исчезал вместе с человеком, его распространявшим. От этого наглеца пахло мясом, вином, потом — чем

угодно, только не ужасом. Более того, от него веяло первобытной силой и звериной яростью, но ярость была направлена вовсе не на собаку.

Человек решительно приближался, явно собираясь отпить игрушку, и пес на всякий случай положил на нее лапу. Это никак не отразилось на поведении странного чужака. Мастаф склонил голову набок, придинул браслет поближе и слегка рыкнул. Человек на мгновение остановился, но тут же снова двинулся вперед. Пес зарычал громче. Шерсть на его загривке встала дыбом. Другой бы давно понял, кому принадлежит игрушка, и отвязался бы, но этот нахал подходил все ближе и ближе. Мастаф поднялся и грозно прижал хвост к задней лапе, что означало боевую стойку, но человек, словно не понимая, какая опасность ему грозит, вытянул вперед руку и тихо, но твердо приказал:

— Отдай.

Глубоко вырезанные ноздри влажного черного носа зашевелились, обнюхивая протянутую руку. Может, хоть чуть-чуть незнакомец боится? Ничего подобного. Как это странно!

— Отдай! — решительно повторил человек и подошел совсем близко.

Зверь глухо ворчал, но даже не пытался нападать, сам себе удивляясь. Человек присел на корточки и, глядя в глаза собаке, коснулся браслета. Какое-то время они смотрели друг на друга, ярко-синие глаза против темно-карих, и пес уступил! Он опустил голову и, не переставая ворчать, отошел в сторону.

Конан поднял украшение, крепко зажал его в кулаке и, не задерживаясь больше ни на миг, отрыгнул к решетке. Ее успел мастаф опомниться, как киммериец был уже на самом верху. Встрепенувшись, словно сбрасывая с себя оцепенение, зверь бросился вслед за непрошеным гостем, но было уже поздно. Конан быстро спустился вниз и, подойдя к замершей от ужаса хозяйке драгоценности, швырнул ей на колени браслет.

— Не скакала бы, как обезьяна, не потеряла бы игрушку, — прощедил он, едва сдерживая ярость.

Женщина задохнулась от возмущения, но не нашла слов, чтобы осадить нахала. Она повернулась к своему спутнику, ища у него поддержки и защиты, но тот, мгновенно оценив силу и решительность противника, сделал вид, что никогда прежде не встречал эту женщину и оказался рядом с ней совершенно случайно. Бедняжке ничего не оставалось, как встать и гордо направиться к выходу.

Насмешливо глядя ей вслед, Конан вдруг почувствовал, что кто-то не сводит с него глаз. Он резко обернулся и встретился взглядом с прекрасной Амарис. Ее яркие губы приоткрылись, в желто-зеленых, как у дикой кошки, глазах светился кровеный интерес. Киммериец улыбнулся ей и совсем было собрался подойти, но Амарис отвернулась, что-то сказала стоявшему рядом мужчине и быстро удалилась.

Трижды прозвенел гонг, и зрители, разочарованно гудя, начали расходиться. Поднялся и сосед Конана.

— Что это значит? — спросил у него варвар.

— Бои окончены. Поздно уже.

Конан взглянул на небо. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, и на город медленно опустились сумерки. Еще немного — и станет совсем темно.

— А завтра? — повернулся Конан к проходившему мимо мужчине.

— Что завтра? — удивился тот.

— Завтра бои будут?

— Скорее всего, да. Они обычно начинаются после полудня, когда жара спадает.

Придешь — увидишь.

— А если их не будет?

— Придешь в другой раз, — пожал плечами неразговорчивый мужчина и поспешил прочь, видимо, чтобы попасть домой до наступления полной темноты.

Тяжело вздохнув, киммериец поплелся к выходу. Перед его глазами стояла Амарис, и он на многое согласился бы, чтобы сегодняшнюю ночь провести не в харчевне, а в объятиях этой роскошной женщины, тем более что до утра он был совершенно свободен. А может, попытаться отыскать ее? Если она держит знаменитых бойцовых псов, то, наверное, любой прохожий укажет, где ее дом. Конан расправил плечи и решительно зашагал вперед, подгоняемый надеждой, которая с каждым шагом становилась все сильнее и сильнее.

Глава III

Шелковистые кудри цвета старой меди струились, словно полноводная река, омывая белоснежные плечи, ниспадали на пышную, жаждавшую ласки грудь, касались упругих бедер. Желто-зеленые глаза, полные томной неги, смотрели ласково и нежно, маленький розовый язычок быстро-быстро пробегал по влажным губам. Она была полна истомы, его красавица, ее ненасытное тело манило и требовало все новых и новых ласк. Она стонала и извивалась, звала и завораживала.

— Конан, иди ко мне... — Легкая рука тихо погладила его по щеке, коснулась плеча и слегка потрясла его. — Что же ты медлишь, Конан?.. Конан...

— Конан! Задери тебя сотня демонов! Ты что, собираешься проспать всю жизнь?!

Киммериец с трудом открыл глаза. На него смотрела улыбающаяся рожа Юмы. Кушит изо всех сил тряс приятеля за плечо, и, похоже, занимался этим уже давно.

— Кром! Что тебе надо от меня, бесхвостая обезьяна? — злобно пробормотал Конан.

— Клянусь ядовитыми зубами Дамбаллаха! Солнце уже прошло половину небосвода! Что тебя так вчера утомило? Не успел войти в город, как уже облюбовал себе красотку?

Конан с удовольствием бы врезал ногой по этой морде, расплывшейся в белозубой улыбке. Но, в конце концов, жизнерадостный, никогда не унывающий кушит вовсе не виноват в том, что вчера все получилось так глупо. Киммериец без труда отыскал дом Амарис, даже не дом, а роскошную усадьбу. Для этого, правда, ему пришлось выйти за пределы города, ибо она жила, так и большинство шандаратских богачей, в южном предместье.

Прекрасный дом из розового камня стоял между Туранской дорогой и побережьем, ближе к морю, утопая в зелени окружавшего его фруктового сада. Невысокая металлическая ограда не остановила бы варвара, но псы... Когда Конан узнал, что Амарис — хозяйка бойцовых собак, он решил, что она содержит двух-трех, ну, может, пять, пусть даже десять животных, но на самом деле оказалось, что их сотни.

Неподалеку от дома располагались псарни, похожие на солдатские казармы. Из подслушанных разговоров киммериец выяснил, что в каждом помещении содержится не меньше двадцати собак, от молодняка до матерых, прекрасно обученных зверей. Только Амарис разводила и продавала мастифов. Больше никто в городе этим не занимался, ибо промысел, хоть и давал огромные доходы, был связан с немалым риском и требовал особых умений и навыков.

Нечего и говорить, какие песики охраняли по ночам покой своей хозяйки и сколько их бродило по двору. Похоже, в этот дом приходили только по приглашению. Ко всему прочему, пока Конан кружил возле поместья, с каждой минутой все отчетливее понимая, что ночевать ему сегодня все-таки придется в харчевне, городские ворота благополучно закрылись до утра. Варвар даже не пытался договориться со стражниками, ибо они имели строгий приказ никому и ни при каких обстоятельствах ночью ворота не открывать. Киммерийцу ничего не оставалось, как вспомнить свою воровскую юность и пробираться назад тайком.

Строители, которым было поручено воздвигнуть городские стены, потрудились на славу, честно отработав каждую полученную ими монету. Ровные, почти идеально гладкие камни были подогнаны друг к другу так тщательно, что любой сразу же отказался бы от мысли преодолеть укрепление. Любой, но не киммериец. Для него, выросшего среди неприступных гор, даже самые крошечные неровности в стене заменяли удобную лестницу. Побродив вдоль

стены и в кровь ободрав руки и плечи о колючий кустарник, вплотную примыкавший к ней, он все-таки обнаружил место, где вполне можно было забраться наверх. Со стороны Турана шандаратский владыка не ожидал особой опасности, и поэтому за южной стеной следили не так пристально, как за со верной, откуда в любую минуту могли подойти гирканские орды.

Внимательно присмотревшись, Конан заметил, что некоторые камни потрескались от времени, а раствор, скреплявший их, рассохся и кое-где совсем выкрошился. Подпрыгнув, и уцепившись за более-менее крупную выбоину, варвар легко подтянулся на сильных руках, и вскоре его нога нашупала удобную щель, оттолкнувшись от которой можно было лезть дальше. Не производя ни малейшего шороха, ни разу не сорвавшись, словно на его руках и ногах вдруг выросли присоски, Конан благополучно поднялся наверх, но тут же был вынужден броситься ничком на холодные камни и прижаться к ним всем телом, чтобы укрыться от глаз дозорных, несколько раз за ночь обходивших городскую стену.

То ли природные инстинкты, которые не смогла выгнать из него цивилизация, то ли полученные за время

обучения и промысла в воровском городе Шадизаре навыки, то ли удача, так часто сопутствовавшая киммерийцу, то ни нее это вместе взятое в конце концов сделало свое дело, и Конан благополучно достиг харчевни, не избежав, правда, одной-двух мелких стычек. Неудачливые грабители ушли ни с чем, а варвар все-таки добрался до своей постели и тут же провалился в глубокий сон, из объятий которого его так нещадно вырвал Юма.

— Ты разбудил меня, чтобы сообщить, что солнце уже поднялось? — уже менее злобно спросил Конан кущита.

— Талаи сказал, что Ашарат примет его сегодня вечером. Ты пойдешь с ним, так что времени на развлечения у тебя осталось не так много.

Конан тут же вскочил с постели, быстро умылся, воспользовавшись кувшином с водой и тазиком, приготовленными у служивым хозяином харчевни, и спустился вниз. Усевшись за отдельно стоявший стол, он жестом подозвал женщину, разносившую угощение, и заказал небольшой кувшин вина, головку сыра и несколько свежеиспеченных хлебцев. Кое-как утолив первый голод, он бросил на стол монету и поспешил прочь.

Кущит не обманул его. День был в полном разгаре, и, когда Конан ступил на базарную площадь, его окружила гудевшая, кричавшая и беспрерывно двигавшаяся многоголосая и разноцветная толпа. Шум стоял невообразимый. Кричали все: купцы, на все лады расхвалившие свой товар, погонщики, водоносы, брадобреи, предлагавшие каждому свои услуги, сомнительного вида врачеватели, предсказатели и гадальщики. От множества красок рябило в глазах. Яркие халаты, пестрые тюрбаны, полосатые попоны, ковры с замысловатыми рисунками — все это блестело и играло в ослепительных лучах полуденного солнца.

Киммериец старался не обращать ни на кого внимания, торопясь к Южным воротам, к амфитеатру, где, наверное, уже начались собачьи бои. Вот он миновал гончарный ряд, в котором громко звенели чаши, чашечки и кувшины под ударами тонких палочек. Это мастера-горшечники показывали возможным покупателям высокое качество своего товара. Если кто-то проходил, не оглядываясь, мастера без зазрения совести хватали его за руку, кушак, полу халата, уговаривая при этом остановиться, послушать звонкую песню кувшина или посмотреть на его великолепную отделку.

Чуть далее демонстрировали свое искусство чеканщики. На ярко блестящих медных пластинках крошечными острыми и тупыми молоточками они выбивали сложнейшие

рисунки, создавая прямо на глазах зевак потрясающие узоры. Даже не взглянув в их сторону, Конан прибавил шаг и вскоре попал в ювелирные ряды. И здесь мастера творили у всех на виду. Они плавили серебро в переносных горнах, вытягивали серебряную и золотую проволоку, которую тут же свивали в изящные браслеты или тяжелые серьги, шлифовали камни. Тонкая пыль от шлифовальных кругов взвивалась в воздух, напоенный ароматами благовоний, духов, розового масла, пряностей. Этот благоухающий шлейф тянулся от рядов, где продавали духи и приправы. Дальше шли ковровые ряды, шелковые, оружейные, и казалось, не будет им конца.

Одуревший от всевозможных запахов, полуоглохший от непрекращающихся криков, киммериец все же благополучно миновал базарную площадь и через несколько минут очутился возле амфитеатра. Подходя к входу, он достал серебряную монету и собрался расплатиться, но стариk, собирающий деньги, остановил его.

— Не ты ли вчера достал с площадки браслет? — сощурив выцветшие от старости глаза, спросил он Конана.

— Я. А тебе что за дело?

— Тебя приказали пропустить бесплатно, — нисколько не обиделся на грубость стариk.

— Кто приказал? — удивился Конан.

— А кто тут еще может приказывать? — вопросом на вопрос ответил стариk. — Хозяйка. Амарис. Сегодня ты будешь ее гостем.

— Амарис? — еще сильнее удивился киммериец, — Но ведь она не знает меня.

— Она знает и видит больше, чем ты думаешь, — нахмурился стариk. — Долго ты еще собираешься тут стоять? Или передумал заходить?

— Вовсе нет.

— Тогда торопись. Тебе оставлено место в гостевом ряду. Это возле выхода, откуда выпускают собак.

Не чуя под собой ног от радости, Конан помчался вперед. Еще вчера он не знал, как подойти к красавице, а сегодня она сама зовет его!

Ее он увидел сразу. На сей раз на Амарис было надето темно-зеленое длинное платье, плотно облегавшее точеную фигуру. Разрез сбоку, начинавшийся от бедра, приоткрывал стройную ногу в высоком сапоге из мягкой кожи со шнурковкой. При виде жемчужно-белой кожи, выделявшейся на фоне темного бархата, Конан замер, почувствовав, что у него пересохло во рту, а сердце забилось у самого горла. Да, эта женщина, сидевшая на простой скамье, словно богиня на бриллиантовом троне, была достойна восхищения.

Восторженный взгляд могучего варвара не остался незамеченным, и Амарис, едва заметно улыбнувшись, поманила его рукой. С послушанием, достойным прилежного школьара, киммериец поспешил на зов.

— Кто ты? — Желто-зеленые глаза с интересом рассматривали резкие черты лица Конана, пробегали по бугристым мускулам, и в этих глазах явно светилось одобрение.

— Конан. Солдат армии Илдиза Турнского. Сотня Синих Тюбанов.

— Синих Тюбанов? — тихо смеясь, переспросила Амарис. — Скорее, синих глаз. Ты не похож на туранца.

— Я киммериец.

— Киммериец? — приподняла тонкую бровь красавица. — Я ничего не знаю об этой стране.

— Это далеко на Севере.

— Дальше Нордхейма?

— Нет, — покачал головой Конан. — Ближе. Между Нордхеймом и Пограничным Королевством.

— И все твои соотечественники такие синеглазые и сильные? — лукаво сощурившись, поинтересовалась Амарис.

— Большинство. Киммерия — страна храбрых воинов и красивых женщин.

— Интересно... Ты расскажешь мне о своей родине?

— О, это будет долгий рассказ, — усмехнулся варвар, мысленно скользя с покатых плеч зеленый бархат. — Может, отложим его до вечера?

— До вечера? — задумалась Амарис и вдруг, что-то вспомнив, тряхнула головой. — Нет, сегодняшний вечер у меня занят.

— Кром! — воскликнул киммериец. — Совсем забыл, что и у меня тоже. Мы с моим сотником, Талаи, должны быть на приеме у Ашарата. Мне скоро придется уходить.

— Что ж, — притворно вздохнула красавица, — иди.

— Пообещай, что мы еще встретимся, — попросил Конан.

— Мы обязательно встретимся, — улыбнулась Амарис. — И даже раньше, чем ты думаешь.

Киммериец поднялся, положил ладонь на рукоять меча, которым никогда не расставался, и склонил голову, как это делали турецкие воины, выражая собеседнику крайнее почтение. Затем он резко развернулся и зашагал к выходу. Оглянись он хоть на миг, недвусмысленное выражение прекрасных желто-зеленых глаз, вполне возможно, заставили его вернуться. Но он не оглядывался, ибо, как ни любил Конан женщин и как ни была соблазнительна Амарис, варвар прежде всего был воином, и его чувство долга да оказывалось сильнее иных чувств. Сотня Синих Тюрбанов прибыла в Шандарат с поручением от Илдиза Турнского, и вечером должна состояться встреча, во время которой киммерийцу и его сотнику надлежит это поручение выполнить.

Когда край ослепительного Ока Митры коснулся морской глади, окрасив ее в нежно-розовые тона, Конан и Талаи, облаченные в парадную форму, стояли у ворот дворца шандаратского владыки. Дворец мудрого и опытного правителя из славного рода Ратридов располагался на невысоком холме в южной части города. Это было грандиозное и вместе с тем изящное здание с высокой башней, в которой, по слухам, находились любимые покой владыки, его спальни и залы для отдыха, роскошно украшенные и обставленные с тонким вкусом. В башню, однако, допускали только самых приближенных и особо доверенных, и, как киммерийцу ни хотелось хоть бы одним глазком взглянуть на знаменитую коллекцию оружия, которую Ашарат собирал нею жизнь, он понимал, что об этом не стоит даже и думать. Дальше тронного зала, где обычно устраивались большие приемы, их с Талаи вряд ли пустят.

Судя по оживлению, царившему возле дворца, то и дело прибывавшим роскошным паланкинам и легким богатым каретам, сегодня владыка Шандарата проводил как раз очень большой прием. Тронный зал был полон гостей, но не обилие красивых женщин и блестящих нарядов поразило киммерийца, а то, с каким тонким вкусом и умом был обставлен зал. Он был велик и просторен, в стенах на одинаковом расстоянии друг от друга светились узкие зеркала, над которыми в веерных подсвечниках горели витые свечи. Их было настолько много, что весь громадный зал сиял теплыми золотистыми тонами. Освещение было продумано так ловко, что легкий ореол окружал толпу гостей блеском, который украшал и

выделял каждого, превращая даже самую простенькую женщину в неописуемую красавицу, придавая всем благородство и необычайную изысканность. Весь свет и блеск были направлены в середину зала и на трон, а ближе к стенам четкие контуры предметов постепенно расплывались, и едва уловимое мерцание, походившее на легкий туман в лунном свете, струилось и плыло к потолку.

Противоположная от парадного входа стена была целиком зеркальной. Возле нее на возвышении стоял белый трон с высокой спинкой, которую венчал изящный золотой кораблик. На трон с продуманной небрежностью была накинута пурпурная мантия, ниспадавшая мягкими складками к его подножию. Возле него стоял владыка Ашарат в наряде из серебристой ткани, напоминавшем металлические доспехи. Седую благородную голову украшал тонкий обруч из белого металла, украшенный замысловатым узором из синего и голубого жемчуга. Хотя владыке уже давно минуло шестьдесят, подтянутое мускулистое тело и лицо, которое пощадила старость, говорили о том, что он полон сил и здоровья и пока не собирается передавать трон Илкасу, сыну своей сестры. Умные, проницательные глаза внимательно смотрели на гостей, и каждого входящего в зал владыка встречал легкой улыбкой и едва заметным кивком, однако при этом всем казалось, что Ашарат рад видеть именно его.

Конан и Талаи, приблизившись к трону, положили ладони на рукояти мечей и почтительно склонили головы, ожидая, когда владыка заговорит первым, и он не заставил их долго ждать.

— Я рад приветствовать доблестных воинов моего господина, Илдиза Туранского, — бархатным глубоким голосом проговорил Ашарат.

— В твой блестательный город нас привело поручение туранского властителя, — ответил Талаи, — мы...

Но владыка не дал ему продолжить.

— Дела — чуть позже, — улыбнулся он, и сотнику ничего не оставалось делать, как согласится.

Гости продолжали прибывать. Когда все приглашенные засвидетельствовали свое почтение владыке Шандарата, молчаливые слуги внесли резные столики на тонких изогнутых ножках, уставленные бутылями с напитками и хрустальными вазами с фруктами. Ашарат поднял руку, еще раз приветствуя собравшихся, и спустился с возвышения. Торжественная часть приема была закончена.

— Следуйте за мной, — обратился владыка Талаи и Конану и решительно зашагал к широкой мраморной лестнице, ведущей из тронного зала в башню.

Они поднялись в просторный зал, не менее великолепный, чем тронный. На полу лежал мягкий пушистый ковер с четким геометрическим рисунком. Поилок был расписан рукой настолько талантливого художника, что казалось, люди и животные, изображение в сценах битв и охоты, просто замерли на миг и вот-вот оживут. На однотонных стенах висели доспехи разных времен и народов и всевозможное оружие.

Его было так много, что Конан чуть не забыл, зачем пришел во дворец. Ему, избравшему ратное дело своим ремеслом, было тут на что посмотреть. Он даже остановился, но Талаи дернул своего спутника за руку и ожег его свирепым взглядом. Ашарат заметил эту секундную сценку, но ничего не сказал, а лишь едва заметно улыбнулся и, подойдя к стене, нажал на яркий рубин, вделанный в рукоять одного из кинжалов. Часть стены отодвинулась, и открылся проход в небольшую комнату, куда владыка жестом пригласил туранских воинов.

Это оказался тайный кабинет Ашарата. Вдоль стен на полках, идущих от пола до потолка, стали многочисленные книги в кожаных переплетах, посредине возвышался массивный стол, а возле него были расставлены удобные мягкие кресла.

— Присаживайтесь, — пригласил владыка и указал на кресла. — Теперь мы можем поговорить о делах.

— Приближается срок уплаты дань с Жемчужных островов, — решительно начал Талаи.

— Так, — кивнул Ашарат. — Я никогда не забываю об этом.

— Илдиз Туренский, — как будто не замечая слов Ашарата, продолжил сотник, — послал нас известить тебя, что отныне намерен отказаться от твоего посредничества и будет присыпать за данью на Архипелаг свои боевые корабли.

— Но дань уже собрана, — возразил Ашарат, — и подготовлена к отправке. Через два дня судно с жемчугом должно покинуть шандаратскую гавань.

— Мы прибыли на двух галерах, — сказал Талаи. — Илдиз велел нам забрать дань и доставить ему.

— Долг вассала — подчиняться приказам своего господина, — ответил владыка. — Но я считаю решение Илдиза Туренского неразумным. Ему невыгодно самому собирать дань.

— Почему? — удивился сотник. — Наши корабли уже здесь. Просто обратно мы поплыем с грузом.

— И не довезете его, — продолжил владыка фразу Талаи.

— Ты сомневаешься в нашей честности?! — воскликнул Конан, забыв, что разговаривает с правителем города, в котором сейчас находится.

— Нисколько, — улыбнулся Ашарат. — Позвольте напомнить вам, друзья мои, что на море Вилайет полно пиратов. Нисколько не умаляя ваших достоинств и будучи уверенным в доблести туренских воинов, я все же смею утверждать, что двум военным галерам не справиться с пиратами, которые знают, каков груз этих галер. Ставка слишком высока. Перлам с Жемчужных островов цены нет.

— Но ты-то многие годы переправляешь в Турен жемчуг, и ни разу не было случая, чтобы пираты позарились на него, — возразил Талаи.

— Придется приоткрыть вам некоторые секреты, — вздохнул Ашарат.

И он рассказал вот что. Шандарат, будучи самым северным крупным портом на Вилайете, основную часть доходов получал от торговли. Красное Братство, безраздельно властвовавшее на море, естественно, развитию торговых отношений сильно мешало, ибо купцы, прекрасно знавшие о беспощадности и алчности пиратов, предпочитали передвигаться по суше. Когда угроза опустошения юродской казны стала реальностью, правитель города решился на вполне оправданный и довольно разумный шаг. Он договорился с обеими сторонами. Теперь у Шандарата были заключены договоры и с купцами, и с пиратами. Те и другие платили городу дань, за что торговцам обещалась безопасность, а пиратам было дозволено спокойно обирать те корабли, на мачтах которых не висел вымпел, выданный в Шандарате. Мореплавание, став гораздо более спокойным и надежным делом, восстановилось, купцы хлынули на богатые рынки северного порта, и пираты в крайних случаях могли рассчитывать на поддержку сильного владыки.

Все, казалось бы, утряслось, однако дань, собираемая с Жемчужных островов, по-прежнему оставалась слишком лакомым кусочком, чтобы можно было рассчитывать на честное слово членов Красного Братства. Тогда изворотливый ум Ашарата подсказал ему блестящий выход из сложного положения. О том, когда и на каком судне повезут дань,

туранскому правителю, теперь знали только три человека: сам Ашарат, его доверенное лицо и капитан корабля. Доверенные лица часто менялись по выбору владыки, и потому узнать заранее их имена было невозможно. Назначенный Ашаратом человек присматривал подходящий, по иго мнению, парусник и извещал капитана, что жемчуг привезут на борт. Однако к этому дню на судне не должно было оставаться ни одного человека, кроме доверенного. Он сам прятал сокровище, иногда в одном месте, а иногда и распределяя по всему кораблю. Перлы могли находиться где угодно, вплоть до обшивки.

По вполне понятным причинам, при такой постановке дола вычислить драгоценный парусник никто не мог. Не стали бы ведь пираты разбирать каждое судно по доскам в надежде, что правильно выбрали цель!

— Это гениально! — воскликнул Талаи, выслушав Ашарата. — Но мне кажется, что против хорошо вооруженных воинов Илдиза пираты вряд ли сумеют устоять.

— Возможно, — кивнул владыка. — Но только в том случае, если корабль с жемчугом будет сопровождать целая флотилия. Теперь прикинь, во что обойдется туранскому правителю доставка груза, и ты будешь вынужден согласиться, что его решение было необдуманным. А кроме того, — он окинул долгим изучающим взглядом Конана, — я могу предложить твоему воину отправиться в Туран на торговом паруснике, который повезет перлы, на «Длани Митры». Пусть он сам убедится, насколько такой способ доставки дани надежен и безопасен.

— А почему только одному воину? — поинтересовался сотник.

— Чтобы не вызывать лишнего интереса к обычному торговцу, — пояснил Ашарат,

— Где спрятан груз? — спросил киммериец.

— А этого, — рассмеялся владыка, — не знаю даже я. Доверенный человек все делает сам. Только вот его имя для вас, друзья мои, останется неизвестным. — Он повернулся к Конану: — Сумеешь определить, кто это, значит, я в чем-то просчитался, а нет — значит, перевозка дани останется прежней. Что скажете?

— Все настолько разумно, владыка, — ответил за двоих Талаи, — что нам нечего возразить. Я со своими людьми завтра же отбуду в Туран, чтобы доложить Илдизу о нашей беседе. А тебя, — он взглянул на варвара, — ждем двумя днями позже.

— Да будет так, — провозгласил Ашарат, поднимаясь из кресла. — Все вопросы решены? Если да, предлагаю вам вернуться к гостям и отдохнуть. Вас ждут хорошее вино и приятная беседа с красивыми женщинами и неглупыми мужчинами.

Талаи и Конан спустились вниз по той же мраморной лестнице, по обеим сторонам которой в молчании застыли телохранители владыки, готовые в любой миг поразить любого, кто осмелится покуситься на жизнь господина. «Незавидная работенка, — подумал киммериец, проходя мимо них. — Стой тут, как деревянная кукла, и глазом лишний раз не моргни. Их, наверное, дрессируют, как хороших сторожевых псов». С этой мыслью он вошел в тронный зал и сам замер, словно каменное изваяние: прямо перед ним стояла Амарис, державшая в изящной ладони высокий бокал с вином темно рубинового цвета. Казалось, вино она выбрала под стать своему наряду. На красавице было надето строгое платье из тяжелого темно-красного бархата с глубоким декольте. В миленьких ушках висели длинные золотые серьги с мелкими рубинами, а длинную шею охватывала широкая бархотка, к середине которой был подвешен крупный драгоценный камень со сложной огранкой, отбрасывавший розовые блики на белоснежную кожу. Третий раз встречал варвар эту женщину, снова и снова удивляясь, какой разной и всегда невыразимо великолепной умела

она быть.

— Ты удивлен? — улыбаясь, подошла к нему Амарис. — А я ведь говорила, что мы скоро встретимся. Я стараюсь не пропускать приемов во дворце.

— Мне бы хотелось встретиться с тобой в менее людном месте, — быстро оправившись от изумления, нахально ответил Конан.

— К сожалению, это вряд ли возможно. Через два дня я навсегда покину Шандарат.

— Почему? Мне казалось, тебе тут неплохо живется.

— Неплохо, — ответила Амарис. — Но я хочу пожить в Туране.

— Со своими собачками?

— Конечно. Они мне как дети. Куда же я без них?

— Ты отправляешься по сущем? — поинтересовался Конан, настроение которого заметно ухудшилось.

— Нет, морем. Я договорилась с капитаном *Длани Митры*, и он любезно согласился взять на борт мой необычный груз.

— «Длани Митры»?! — чуть не подпрыгнул киммериец. — Какое потрясающее совпадение! Я тоже возвращаюсь в Туран на этом корабле.

— Прекрасно! — рассмеялась Амарис. — В таком случае у нас впереди еще много времени для бесед.

Глава IV

День отплытия выдался хмурым, серым и безрадостным. Небо закрыли густые облака, словно Животворящий Митра не желал благословлять это морское путешествие. Однако ветер был умеренным, море достаточно спокойным, и потому «Длань Митры» не собиралась оставаться в гавани. Когда Конан вошел на причал, погрузка товаров уже заканчивалась, носильщики лениво подносили последние мешки и сундуки, и лишь пара купцов наблюдала за их работой, тогда как остальные торговцы уже поднялись на палубу. Паруса еще были убраны, и корабль тихо покачивался на ленивых прибрежных волнах.

Киммериец легко взбежал по трапу и, разыскав кормчего, представился ему. Кормчий Арам кивнул и указал на корму:

— Твоя каюта там, возле каюты нашей богатой пассажирки, Амарис.

— Она уже здесь? — поинтересовался Конан.

— Нет, — покачал головой Арам. — Женщины редко приходят куда бы то ни было вовремя, так что, скорее всего, придется ее ждать.

Однако он ошибся. Словно в ответ на его нелестные слова о женщинах на причале показались носильщики, катившие на двух тяжелых платформах клетки с собаками, а следом за ними — хозяйка псов, ведущая на короткой сворке еще пятерых зверей. На всех животных были надеты массивные металлические ошейники с шипами наружу, с которых на цепочках толщиной в палец свисали медные нагрудники, а на собаках, которых вела Амарис, — еще и прочные кожаные намордники. По знаку прелестной ручки, затянутой в замшевую перчатку, носильщики затащили клетки на палубу и осторожно спустили их в трюм. По бледным лицам, на которых выступил обильный пот, легко было догадаться, что несчастные до смерти боятся мастифов. Однако их опасения оказались напрасными: ни один зверь даже не рыкнул. Вообще псы в клетках казались не то сонными, не то больными, чего нельзя было сказать об их вольных собратьях, которые, впрочем, тоже притихли, стоило Амарис что-то тихо сказать им.

Поднявшись на борт, она обратилась к кормчему:

— Арам, приготовил ли ты для меня каюту, как мы договаривались?

— Конечно, прекрасная, — поспешил ответил тот. — Но ты ничего не говорила о том, что и все собаки поедут в трюме.

— Эти останутся со мной. Они слишком ценные, чтобы я могла перепоручить их кому бы то ни было.

— Но... — начал кормчий.

— Никаких «но», — перебила его Амарис. — Я ручаюсь своим именем, что эти собаки не причинят никому вреда и ни на миг не покинут моей каюты. А кроме того, — улыбнулась она, — за них ты получишь дополнительную плату.

Кормчий поспешил откланяться, и Амарис повернулась к Конану, словно только что заметил его:

— Рада тебя видеть, Конан из Киммерии. Какую каюту предложил тебе этот мошенник?

— Возле твоей, — ответил варвар, краем глаза следивший за псами, которые, в свою очередь, не сводили глаз с него.

— Хорошо, — кивнула Амарис. — А теперь я, пожалуй, пойду к себе и устрою поудобнее моих песиков, а то они нервничают.

Конан тоже поспешил в свою каюту и с удовольствием вытянулся на койке, прислушиваясь к происходящему на палубе. Он услышал, как Арам начал громким голосом отдавать команды, раздался треск разворачивающихся парусов, судно вздрогнуло и плавно отошло от причала. Путешествие, обещавшее быть вполне приятным, началось.

Киммериец, которому довольно быстро надоело валяться на койке, вышел на палубу. Свежий морской ветер, сильно надувая белые паруса, быстро гнал корабль на юг, и берег вскоре скрылся из виду. Облака немного поредели, и сквозь них изредка стали пробиваться узкие лучики солнца. Парусник летел вперед, выбивая на лазурной глади пенные узоры, и так же стремительно летело время, полное новых для Конана впечатлений, так как бывать в море ему приходилось нечасто. Незаметно подкрался вечер.

Конан лихорадочно обдумывал, как напроситься в гости к Амарис или завлечь ее в свою каюту, и с досадой отбрасывал все свои планы. Ему не хотелось идти напролом, ибо путешествие предстояло долгое и времени на обхаживание красавицы у варвара было предостаточно. Он с головой ушел в свои мысли, как кто-то легко тронул его за рукав. Обернувшись, варвар увидел стоявшего за его спиной матроса.

— Чего тебе от меня надо? — рявкнул киммериец, раздосадованный тем, что ему помешали думать.

— Кормчий приглашает тебя на ужин в свою каюту, — едва не заикаясь от испуга, ответил матрос.

— На ужин? — переспросил Конан, внезапно почувствовав, что и в самом деле проголодался. — Так чего же ты медлишь? Веди меня.

К величайшей радости варвара, войдя в каюту Арама, он сразу же увидел Амарис.

Ужин был богатым и обильным, кормчий оказался занятным собеседником, но больше всего в застольных разговорах Конану понравилось то, что Арам пригласил его и Амарис обедать и ужинать до конца путешествия. Это заметно улучшило настроение киммерийца. К тому же он неоднократно ловил на себе заинтересованный взгляд желто-зеленых глаз и к концу ужина нисколько не сомневался, что ночь проведет не в одиночестве.

Каково же было его изумление и разочарование, когда капризная красавица наотрез отказалась разделить с ним ложе.

— Не думай, киммериец, что я невижу твоих достоинств, — с легкой улыбкой сказала она. — Но у меня есть свои принципы, и я никогда от них не отступаю.

— Если принципы мешают жить, их надо менять, — заявил Конан.

— Ты так же упрям, как мой первый муж, — рассмеялась Амарис. — Или все северяне одинаковы? Он был из Нордхейма.

— Первый? — ошеломленный киммериец. — Сколько же их у тебя было?

— Пять, — ответила красавица и почему-то отверла взгляд.

— Пять?! Кром! И куда они подевались?

— Последний раз я овдовела чуть больше года назад, — вздохнула Амарис, по-прежнему не поднимая на Конана глаз.

— А первый? — зачем-то поинтересовался варвар.

— Первый? Около шести лет. — Она наконец-то взглянула на вытянувшееся лицо киммерийца, и печальная улыбка чуть тронула уголки ее губ. — Да, около шести, — повторила она. — Оллеб был славным малым и чем-то походил па тебя. Хочешь, я расскажу о нем?

— Расскажи. Это, наверное, интересно.

— Гораздо интереснее, чем ты думаешь. Слушай.

* * *

Удивительной была судьба Оллеба. Он родился и вырос в суровом Ванахейме, в kraю, где живут жестокие воины, сильные женщины и мрачные колдуны. Но Оллеб не любил оружия и потому воином не стал. С малых лет он выходил с отцом в море добывать рыбу и морских животных, и этот промысел стал смыслом его жизни. Оллеб был смел и ловок, ого совсем не напрасно считали лучшим рыбаком в округе.

В тот год, когда началась эта невероятная история, ему едва минуло восемнадцать. Это был рослый, статный юноша с густыми золотисто-рыжими волосами, серо-стальными глазами, смотрящими на мир весело и беззаботно, и яркими обветренными щеками, на которых только-только наметились первые признаки бороды.

Близилось к концу короткое северное лето, все чаще хмурилось небо, из низких туч то и дело принимался лить дождь. Рыбаки ворчали, поглядывая то*вверх, то в даль, где холодные волны с силой ударяли в прибрежные камни, но выйти в море не решались. Никто не осмелился бы назвать их трусами, но уж слишком часто лодки не возвращались обратно, и мужчины, которых и так в селении оставалось немного, предпочитали безрассудству умеренную осторожность.

Наконец Имир, Ледяной Гигант, повелитель бурь, пожалел своих детей, что с ним бывало нечасто, и однажды небо прояснилось, а беспробойные волны перестали биться о скалы и покорно улеглись, нежно полизывая холодные камни. Десять рыбаков, быстро собрав снасти и кое-какую еду в дорогу, уселись в две лодки и оттолкнули их от берега. Лодки у них были плохонькие, но в этом рыбакском селении никто их мастерить не умел, да и особо не из чего было.

И так приходилось идти на поклон к соседям, жившим южнее, ближе к лесам. Те требовали за свой товар непомерно высокую плату, но торговаться не имело смысла, ибо других продавцов все равно не было.

Не напрасно рыбаки недоверчиво относились к милостям Имира. Море хоть и было спокойным, но оказалось совершенно пустым. Все дальше и дальше уходили лодки от берега, но сети по-прежнему не приносили ни одной рыбешки. Достигнув маленьких каменистых островов, лежавших далеко на западе от родного берега, но так и не поймав ничего, рыбаки решили было возвращаться, но их остановил Оллеб.

— Легко же вы сдались! Может, лучше поменяем штаны на юбки и будем сидеть дома? — насмешливо воскликнул он. — Море большое. Не нашли рыбы здесь, надо идти на север.

— Оллеб прав, — кивнул старый седой рыбак. — Не можем ведь мы оставить голодными женщин, стариков и детей.

С ними согласились все остальные и, поставив паруса, повернули к северу. Сначала им повезло. Закинув сеть на новом месте, рыбаки из лодки, в которой плыл Оллеб, сразу вытащили пять крупных, жирных рыб. На радостях устроили пир и с удовольствием съели первый улов. Но первый улов оказался последним. Больше море не дало им ничего. Снова рыбаки собирались поворачивать назад, и снова Оллеб уговорил всех не делать этого.

Они уходили все дальше и дальше от родного дома, надеясь, что удача все же вернется к

ним. Но, похоже, «поим упрямством рыбаки рассердили Имира, своего жестокого бога.

Поднялся сильный ветер, волны заходили ходуном, то и дело окатывая отчаянных смельчаков ледяной водой и грозя опрокинуть углое суденышко.

— Заходим в бухту! — крикнул Оллеб. — Переждем непогоду.

Его спутники попытались подвести свою лодку ближе к берегу, но не тут-то было. Ветер играл ею, словно щепкой, полны трепали ветхие борта, которые жалобно скрипели и стонали под натиском бури. Пришлось выйти в открытое море, чтобы не разбиться о скалы. Но и это не помогло. Лодка, не желая вставать к волне носом, резко развернулась, черпнула бортом воды и опрокинулась. Рыбаки оказались и бушующем море на перевернутой лодке.

Держались они долго, но, когда день подошел к концу, холод и усталость сделали свое дело. Один за другим разжимали мужчины окоченевшие пальцы, и море проглатывало людей, как ненасытное чудовище. Наконец Оллеб остался один. Собрав последние силы, он кое-как забрался на лодку, сел на нее верхом и вцепился в киль мертвый хваткой. Он слышал голоса рыбаков из второй лодки, но в творившемся вокруг кошмаре ничего не видел.

Сильный порыв ветра толкнул его в спину, еще и еще. Волны подняли лодку, закружили и куда-то понесли. Этот безумный бег длился всю ночь, а на рассвете, когда первые лучи солнца едва пробились из-за туч, суденышко вдруг ударились обо что-то твердое, а Оллеб, перевернувшись через голову, полетел вперед и, еще не веря своему счастью, рухнул в снег. Лодку прибило к берегу!

Однако радовался он рано. За спиной было темно-серое море, а впереди, справа и слева — бесконечные снега. Но он решил не стоять на месте, ожидая, когда превратится в глыбу льда, а, с трудом переставляя окоченевшие ноги, упрямо побрел вперед. Сколько он шел, Оллеб не знал, но Имир все же сжался над ним: вдали, чуть слева, полуослепшие глаза рыбака разглядели тоненькую струйку дыма. Там был чей-то дом. А дом означал жизнь. Уже почти теряя сознание, юноша доплелся до большой, покрытой снегом землянки и упал на пороге.

Когда молодой рыбак открыл глаза, он увидел, что лежит на мягкой шкуре полярного волка, а над ним склонился старик, такой дряхлый, что казалось, он видел сотворение мира.

— Очнулся, — сказал старик кому-то. — Неси питье. Выживет.

С этими словами он отошел в сторону, а к ложу Оллеба приблизилась старуха, не менее древняя, чем ее муж. В сухих жилистых руках она держала плошку, от которой исходил чудесный аромат горячего травяного отвара.

— Можешь сесть? — ласково спросила она, и Оллеб слабо покачал головой, ибо понимал, что не может даже пошевелиться.

Старуха поставила плошку и с силой, которую в ней нельзя было даже подозревать, усадила юношу на постели. Затем она вновь взяла питье и поднесла к губам больного.

— Пей! — коротко приказала старуха.

Оллеб безропотно подчинился и сделал первый глоток. По телу разлилось приятное тепло. После второго глотка он уже смог сам держать плошку, а допив отвар до конца, вдруг почувствовал, что силы вернулись к нему. Отдав молчаливо ждущей хозяйке плошку, юноша сел на своем ложе, опустил ноги на пол и огляделся.

В дальнем углу, закутавшись в шубу из серебристых лисиц, сидел старик-хозяин и не мигая смотрел на слегка отодвинутый полог, закрывавший вход в землянку. У входа вились большие серебряные мухи, то вылетая за порог, то возвращаясь обратно.

— Опять один олень куда-то запропастился, — вдруг громко сказал старик и быстро-

быстро что-то забормотал под нос.

Оллеб решил, что хозяин совсем свихнулся от старости, никаких оленей поблизости и в помине не было, но позже, пожив несколько дней в землянке, понял, как сильно ошибался. Старик оказался колдуном. Он видел все на таком расстоянии, что обычный человек и представить себе не мог, и потому его стадо всегда паслось очень далеко, там, могло отыскать под снегом мох и остатки травы. Если нога выпадало слишком много, колдун посыпал навстречу стаду ветры, чтобы они унесли лишний покров и обнажили землю. Так же он поступал и тогда, когда оленям пора было возвращаться. Только в этом случае ветры служили ему погонщиками. Не боялся старик ни волков, ни медведей, так как умел заговаривать их и не пускать ни и оленям, ни к землянке.

Он очень многое умел, но тогда, в первый день пребывания у него, Оллеб ничего об этом не знал. Почувствовав себя вполне здоровым, он вышел за порог и направился к берегу, чтобы отыскать лодку и посмотреть, можно ли на ней вернуться домой. Свое суденышко он нашел быстро. Вытащив лодку на сушу, юноша обошел несколько раз вокруг нее, снова и снова удивляясь, как эта жалкая посудина вообще может держаться на плаву. Вот бы смастерить настоящую, надежную лодку! Нос сделать острым, поднять его повыше, бока округлить, чтобы волна не могла ее опрокинуть! Нечего и думать пускаться в плавание одному на этом старом корыте. И Оллеб задумал построить новую лодку.

Дни шли. Дело не продвинулось ни на волосок. Юноша каждое утро уходил на берег моря, сидел там и мечтал о новом судне, но почему-то ничего даже не пытался предпринять. Вечерами он беседовал со старухой, которая вскоре привязалась к нему как к родному сыну, и слушал нескончаемое бормотание старика, к кому так привык, что вскоре перестал его замечать.

Однажды вечером Оллеб, возвращаясь к землянке, увидел старуху, вышедшую ему навстречу.

— Я хочу поговорить с тобой, сынок, — сказала она.

— А почему не в доме? — удивился юноша.

— В доме нельзя. Муж не должен слышать мои слова. Скажи, ты очень хочешь вернуться домой?

— Очень, — вздохнул Оллеб.

— А может, останешься? Когда-то и у меня был сын, но много лет назад, повздорив с отцом, он ушел из дома, и с тех пор я даже не знаю, жив ли он. Ты стал бы мне сыном, — Старуха умоляюще взглянула на рыбака.

— Нет, мать, не могу, — твердо ответил он. — Пойми, что и мои родители сейчас не знают, где я. И у них тоже нет другого сына.

— Как мне ни жаль, — опечалилась старуха, — но не могу не согласиться с тобой. Тогда слушай. Мой муж — не простой колдун. Он колдун злой. Бормотание, которое ты все время слышишь, — заклинания против твоей новой лодки. Хорошему судну не страшна стихия, и тогда старик не сможет держать в страхе рыбаков и брать их жизни, которыми питается его сила.

— Что же мне делать? — воскликнул Оллеб.

— Сама не знаю, — пожала плечами старуха. — Но ты не отчаивайся. Что-нибудь придумаем. Да, я совсем забыла! Память совсем как решето стала. Серебряные мужи — волшебные. Не вставай между ними и стариком.

Наутро рыбак услышал, как колдун ворочается, поднимаясь со своей любимой теплой

золы, и, притворившись спящим, стал наблюдать за стариком. Тот с кряхтением встал, подошел к выходу из землянки, откинул полог и замер на пороге. Затем он поднял руки и начал чертить в воздухе волшебные знаки, которые вспыхивали огнем и тут же гасли. Когда исчез последний знак, из-под полы лисьей шубы вылетели несколько мух, покружились возле головы старика и разлетелись в разные стороны. Оллеб вспомнил, что однажды видел такую муху. Она появилась в прошлом году в их селении, укусила старого Матте, а через несколько дней тот умер. Значит, колдун рассыпает всюду смерть? Как же противостоять этому порождению зла?

Дни и ночи юноша думал о том, как ему дальше быть, но ничего так и не сумел придумать. Однажды вечером старуха поведала ему, что раз в год неподалеку от Валгаллы, где обитает сам Имир, в ледяной пещере собираются колдуны и ведьмы. Скоро этот день наступит, а значит, старик должен покинуть землянку. Вне дома он пробудет не меньше недели, ведь колдуны и ведьмы будут рассказывать друг другу о своих делах, а потом те, кто за прошедший год нашел учеников, представят их собравшимся и проведут обряд посвящения. Пока старика не будет дома, Оллеб сможет бежать.

Через день колдун поднялся на рассвете и, выбрав самую большую плошку, принялся готовить в ней отвратительно пахнувшее зелье. Он долго бросал и в плошку, и в огонь корешки, травы, кусочки чьей-то засушенной плоти, все время что-то приговаривая. Затем он снял плошку с огня, залпом выпил зелье и, затянув скрипучим голосом заунывную песню, начал кружиться на месте. Он пел все громче и кружился все быстрее и быстрее, пока вдруг не раздался громкий хлопок и там, где только что находился колдун, не взвилась тоненькая струйка смердящего дыма.

Со всех ног пустился Оллеб на берег, едва успев проститься со старухой. Он понимал, что плыть в старой лодке опасно, но другой у него все равно не было, и юноша старался об этом не думать. Прибежав к морю, он кинулся к лодке и хотел было перевернуть ее и столкнуть в воду, но стоило ему лишь протянуть к ней руки, как лодка прямо на глазах начала разваливаться. Доски трещали и ломались, словно невидимая рука с ожесточением опускала на них топор.

Оллеб догадался, что даже издалека колдун держит его и ни за что не собирается отпускать. Юноша без сил опустился на землю и завыл, словно волк, потерявший свою стаю. Он качался из стороны в сторону и выл, выл и качался, и казалось, рассудок вот-вот покинет его, как со стороны моря донесся голос:

— Хочешь, я отвезу тебя домой?

От неожиданности Оллеб вздрогнул, замолчал и обернулся на голос. У самого берега, где еще несколько мгновений назад ничего не было, плавно покачивалась на волнах длинная изящная лодка с приподнятым носом и округлыми просмоленными боками. В ней сидел незнакомец, одетый в шубу мехом внутрь и в лохматую шапку, закрывавшую его лицо.

— Так отвезти тебя? — снова спросил он.

— Ты еще спрашиваешь! — вскричал рыбак и прыгнул в лодку.

Незнакомец поднял парус, Оллеб встал у руля. Лодка медленно отчалила от берега и поплыла, все быстрее и быстрее, Словно ее влекла неведомая сила. Но стоило им отдалиться от берега на приличное расстояние, как на море начала подниматься буря. Небо потемнело, задул сильный ветер, вздыбились крутые волны. Однако лодка продолжала нестись вперед, словно вокруг было не бушующее море, а тихое лесное озеро. Она легко рассекала огромные волны и все скользила и скользила вперед, как рыба в родной стихии.

От непрерывного воя ветра звенело в ушах, вода заливала лицо, небо и море слились в черную, ежесекундно угрожавшую смертью бездну, и Оллеб уже не надеялся увидеть землю, когда вдруг снова услышал голос незнакомца.

— Вот ты и дома.

И, словно кто-то зажег свечу в темной комнате, рыбак отчетливо увидел родной берег, покосившийся причал, маленькие домики с плотно закрытыми дверями и окнами. Стоило ему шагнуть на причал, как буря утихла, а призрачная лодка исчезла. Юноша бегом бросился к лодочному сараю, стоявшему у самой воды, заперся изнутри, схватил кусок угля и принялся рисовать на стене чудо-лодку, боясь забыть хотя бы маленькую деталь.

Много дней и ночей провел Оллеб в сарае, снова и снова переделывая чертежи необыкновенной лодки, пока наконец не решил, что пора приступить к строительству. Его родные сбыклись с чудацествами юноши, да и что им еще оставалось? Ведь оттуда, почти из самой Валгаллы, еще не возвращался никто, а он не только пришел живым и здоровым, но и приобрел какое-то новое знание.

Всю зиму Оллеб строил лодку, тщательно подбирая каждую досочку. Зимний день короток, и юноша часто засиживался за полночь, спал урывками тут же, на куче древесных опилок, сожалея о времени, потраченном на сон. Он почти ничего не ел и страшно исхудал, но глаза его светились счастьем, когда он смотрел на почти готовое детище,

И вот настал день, когда лодка была почти готова. Оставалось лишь поставить уключины и вырезать весла с большими, слегка изогнутыми лопастями, и можно спускать лодку на воду. Одуревший от радости, сидел Оллеб, не сводя глаз с кругобокой красавицы, остро пахнувшей свежеобработанным деревом. Он гладил выпуклые борта шершавой ладонью, бормотал что-то ласковое и нежное, словно перед ним стояло не рыбакское суденышко, а любимая женщина.

Вдруг дверь сарая распахнулась, словно в нее ударил сильный порыв ветра, и внутрь влетела большая серебряная муха. Она покружила возле юноши, оцепеневшего от ужаса, потом с противным стуком шлепнулась на борт лодки и поползла по нему. Там, где ее мохнатые лапки касались дерева, начинали проступать черные полоски и появлялись мелкие трещины. Скоро вся лодка покрылась тонкой сеткой трещин, словно огромный паук оплел ее черной паутиной, и стоило Оллебу слегка дотронуться до своего изделия, как оно осыпалось под его рукой, обратившись в кучку легкой трухи.

Юноша закричал, словно вражеская стрела пронзила его грудь.

— Не кричи так громко, — послышалось у него за спиной. — Я уже тут. Ведь это меня ты звал?

Оллеб обернулся. Возле двери стоял колдун, все так же зябко кутаясь в лисью шубу. Юноша схватил топор и кинул его, метя в ненавистное лицо. Тяжелое лезвие угодило прямо в лоб, прошло сквозь него и вонзилось в стену сарая. Оллеб ожидал, что сейчас брызнет кровь и колдун грузно осядет на пол, но ничего подобного не произошло. Лицо старика задрожало, словно водная гладь, потревоженная тяжелым камнем, по нему пробежали волны, но они быстро успокоились, и старик захохотал.

— Исчезни, демон! — завопил юноши. — Оставь меня в покое!

Старик продолжал хохотать. Его смех становился все более громким и пронзительным, от него закладывало уши, кружилась голова и темнело в глазах. Когда Оллеб вновь обрел способность видеть и слышать, колдун уже не смеялся. Он пристально взглянул в лицо юноше и приказал:

— Смотри.

Не веря своим глазам, Оллеб с изумлением поглядел по сторонам. На месте его старого лодочного сарая стояло совершенно новое строение, больше напоминающее крытую верфь, а на воде плавно покачивалась роскошная восьмивесельная лодка.

— Что все это значит? — оторопело уставившись на море, спросил юноша.

— Ты упрям, сынок, — ответил старик. — Мне это нравится, вот я и решил тебе помочь.

— Дождаться от тебя помощи труднее, чем от Имира ласки, — огрызнулся рыбак.

— Не будь неблагодарным, сынок, — покачал головой колдун. — А кто тебя привез домой?

— Так это был ты? — Оллеб чуть не задохнулся. — А...

— Не задавай лишних вопросов, — сурово прервал его старик. — Ты хочешь строить новые лодки?

— Что ты за это потребуешь? — недоверчиво покосился на него юноша.

— А ты еще и не глуп, — усмехнулся колдун. — Хорошо. Очень хорошо. Я многого не попрошу. Ты теперь будешь строить совершенные, прекрасные лодки. Отбоя от желающих купить их не будет. Можешь назначать любую цену, никто не откажется. Но каждая шестая лодка — моя.

— Я должен отгонять тебе их или ты сам будешь за ними являться?

— Сам, сам, — захихикал старик. — Я даже буду помогать тебе их доводить до ума. Правда, вряд ли ты меня увишишь. Чуть-чуть старания, и моя лодочка больше не увидит берега.

— Ты хочешь сказать...

— Я уже сказал, — оборвал его на полуслове колдун.

— Уходи! — крикнул Оллеб. — Я никогда не приму твои условия!

— Примешь. Не буду тебя торопить. Надумаешь — возьми в руки инструменты и позови меня.

С этими словами старик исчез, а Оллеб вышел на берег и долго смотрел туда, где всего несколько мгновений назад гордо покачивалась на волнах восьмивесельная красавица. «Как далеко в море можно уходить на такой лодке, не боясь ни бурь, ни штормов! — думал он. — Сколько жизней с у moet она спасти! А сколько жизней унесет каждая шестая лодка?.. Но ведь старика можно обмануть. Я буду тщательно проверять все лодки, прежде чем они выйдут в море. Неужели я не замечу изъяна?»

Он решительно тряхнул головой, вернулся в сарай, взял в руки инструменты и мысленно окликнул старика: «Я согласен, кровожадная нежить». И тут же работа пошла как по маслу. Доски словно сами изгибались под рукой и ладились друг к другу. Вскоре была готова первая лодка, вторая... Шестую Оллеб внимательно осмотрел, простучал молотком, несколько раз обмерил и, убедившись, что она идеальна, счастливо рассмеялся.

Вскоре он сбился со счета, но так как проверял по несколько раз каждую лодку, то не стал особо волноваться по этому поводу. Он строил по две лодки в год, покупателей было хоть отбавляй, и скоро Оллеб настолько разбогател, что уже мог нанять помощников. Все думали, что теперь дело пойдет еще быстрее, но мастер не мог позволить себе торопиться, ибо помнил слова колдуна. Все лодки, которые он делал, по-прежнему казались ему безупречными, богатство его росло, число заказчиков тоже, и Оллеб уверовал, что сумел перехитрить старика, тем более что тот не давал о себе знать, словно и вовсе забыл о сделке.

Однажды мастер построил совершенно необычную лодку — десятивесельный бот.

Лодка получилась такой великолепной, что Оллеб решил подарить ее отцу, которого любил больше всего на свете. Отец долго отказывался принять такой роскошный подарок, но в конце концов уступил просьбам сына, видя, как искренне того огорчает отказ.

На следующий же день отец, собрав своих лучших друзей, вышел в море на новом боте. К вечеру они не вернулись, но Оллеба это нисколько не обеспокоило, ведь рыбаки часто проводили вне дома по несколько дней. Ночью он спал спокойно, но на рассвете его разбудил тихий шорох, будто кто-то царапался в дверь, но не мог открыть ее.

— Пошли все вон! — крикнул Оллеб. — Утром приходите. Совсем одурели, ни днем, ни ночью покоя нет, — пробормотал он, переворачиваясь на другой бок и собираясь снова заснуть.

Однако непрошеные гости не ушли. Дверь медленно отворилась, и в комнату, ступая совершенно бесшумно, вошел отец Оллеба, а следом за ним — его друзья. Все они были бледны до синевы, лица их искали мученические гримасы, а с одежды на пол тонкими струйками стекала вода. Все они не проронили ни звука, но их молчание оказалось красноречивей любых слов.

Оллеб сразу все понял. Он понял, почему не вернулся бот, понял, что колдун ничего не забыл и забирал, как и договаривались, каждую шестую лодку, понял, сколько смертей лежит на его совести и что всей его жизни не хватит, чтобы искупить свою безмерную вину.

Едва дождавшись утра, Оллеб кинулася к верфи и уничтожил все готовые и строившиеся лодки. Он ломал их, крушил, рубил топором с такой яростью, что никто не решился даже попытаться остановить его. Когда от последней лодки осталась лишь груда искореженных досок, Оллеб вернулся в дом, вынул из сундуков и раздал все свои богатства, после чего вскинул на плечо тощий дорожный мешок с запасом еды и поспешил прочь от родного селения.

Он шел, ни от кого не таясь и не разбиная дороги, мечтая лишь о том, чтобы смерть поскорее нашла его. Но гибель обходила несчастного стороной, а ноги уносили его все дальше и дальше на юг. Только однажды, уже в Киммерии и, колдун настиг его. Оллеб сидел на берегу маленькой лесной речки и, задумавшись, глядел на полупрозрачную голубую воду. Сам не понимая, что делает, он взял в руки, отковырнул кусок коры от стоявшего рядом дерева и начал вырезать маленькую лодочку. Доделав игрушку до конца, он хотел было пустить ее по реке, но стоило ему встать и протянуть руку к воде, как лодка вспыхнула и глаза Оллеба обожгло горячим дымом. И тут же откуда-то сверху послышался громкий хохот.

Когда слезы на нестерпимо болевших глазах высохли, Оллеб взглянул наверх и увидел над собой призрачное лицо колдуна.

— Ты предал меня, — грозно нахмутившись, произнес тот. — Ты отнял у меня души рыбаков. Но не радуйся. Я еще приду за твоей душой, и ты пожалеешь, что осмелился спорить со мной. Стоит тебе ступить в воду, которая хотя Вы покроет твои колени, ты мой. Но даже если ты погибнешь на суще, тебе все равно не избежать наказания. Любая вода, будь то влага из сосуда обмывальщика покойников или дождь, пролившийся на твой труп в лесу, приведет твою душу ко мне.

Не успел Оллеб опомниться, как призрак задрожал и исчез. Понурив голову, согнувшись под тяжестью своих мрачных дум, несчастный ванир поплелся дальше. Сначала он боялся даже умываться, но вскоре понял, что, пока жив, такая вода ему не страшна. Но это не успокоило его, ибо днем и ночью в его ушах звучали слова старика.

Постепенно он свыкся с этим вечным страхом, его боль, скорбь по погившим и чувство

вины несколько притупились, но он продолжал идти и идти вперед, стремясь попасть в такие края, где ничто не напомнит ему о далекой заснеженной родине. Он честно зарабатывал себе кусок хлеба, не отказываясь ни от какой работы, но нигде подолгу не задерживался, ибо все еще часто встречал людей, которые, взглянув на его золотисто-рыжие волосы, интересовались, не из Ванахайма ли он.

Оллеб побывал в Пограничном Королевстве, Немедии, Коринфии, Заморе и в конце концов добрался до Турана и уже оттуда попал в блистательный город Шандарат. Первые несколько дней он даже не пытался пройти через городские ворота. Он стоял как вкопанный возле верфей и зачарованно следил за тем, как под ловкими руками мастеров возникают никогда не виданные им прежде корабли: то сильные, мощные, стовесельные галеры, то легкие, быстрые парусники, способные нести множество людей и товаров. Каким было бы счастьем работать с этими мастерами! Но проклятие колдуна не позволяло Оллебу даже близко подходить к каким бы то ни было лодкам. Как знать, не начнет ли он снова забирать каждое шестое судно? Пусть отсюда далеко до Ванахайма, но Оллеб не мог больше рисковать жизнями десятков даже незнакомых ему людей.

В конце концов на него обратили внимание, и однажды к нему подошел чуть сгорбленный седоволосый мужчина, от которого так замечательно пахло свежеобработанным деревом и смолой. Внимательно посмотрев на Оллеба, он спросил:

— Откуда ты такой взялся? Я никогда прежде не встречал столь рыжих людей, словно сам Митра провел рукой по их волосам.

— Я пришел издалека, — обрадовался Оллеб тому, что здесь, видимо, и слыхом не слыхивали о его соплеменниках. — С севера.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовался седой мужчина. — Тебе нравятся лодки? У нас всегда найдется работа для хороших рук. Что ты умеешь?

Оллеб вспыхнул, сердце его затрепетало, но он был вынужден солгать:

— Боюсь, не смогу вам пригодиться. — И добавил первое, что пришло ему в голову: — Я умею ухаживать за животными.

— А... — разочарованно протянул его собеседник. — Тогда тебе надо идти в город. Я слышал, прекрасная Амарис искала работника.

— Амарис? Кто это? — спросил Оллеб.

Она разводит собак. Их много, что ей время от времени требуются помощники. Попытай счастья.

И Оллеб попытал счастья. Едва он взглянул на Амарис, понял, что не сможет прожить и дня, не видя эту женщину. Все в ней было прекрасным: и чудесные густые волосы, и желто-зеленые глаза, и стройное, гибкое тело. Даже крутой мужской характер делал ее настолько привлекательной, что, казалось, будь она более мягкой и нежной, ее обаяние не было бы таким сильным.

Спокойный, покладистый, работящий Оллеб тоже понравился Амарис. Она сразу же согласилась взять его на работу, а вскоре он уже гораздо больше времени проводил в беседах с хозяйкой, нежели возле собачьих клеток. Как он ни старался, огромные бешеные псы так и не полюбились ему. Он честно чистил клетки, мыл миски, в которых зверям давали куски сырого мяса, менял воду, но ни разу даже не попытался найти с собаками общий язык. Честно говоря, он до полусмерти боялся их крепких белых клыков, Поэтому всегда радовался, когда заканчивал работу и мог уйти от псарен подальше.

Это нисколько не смущало девушку. Совсем недавно умер ее отец, и дом остался без

мужчины. Уже чувствуя приближение смерти, старик позвал дочь и сказал ей:

— Скоро я покину тебя. Ты росла без матери, и я всегда, как мог, старался заменить тебе ее. Но, как видно, перестарался. В твоем характере гораздо больше от мужчины, чем от женщины.

— Разве это плохо? — удивилась Амарис. — Я думала, ты доволен мной.

— Очень доволен, — слабо улыбнулся умирающий. — Но женщина должна быть женщиной. Поэтому прошу тебя, не тяни с замужеством. Если встретишь человека доброго, мягкого, покладистого, который полюбит тебя, стань его женой.

— А почему мягкого и покладистого? — удивилась Амарис, которая обожала отца, обладавшего весьма крутым нравом.

Отец снова улыбнулся и ласково погладил дочь по руке:

— С другим ты и дня не проживешь. Если бы тебе повстречался тигр, ты и его сделала бы мягким и покладистым.

— Хорошо, — кивнула Амарис. — Обещаю тебе, что обязательно выйду замуж.

— И не тяни с этим. Моя душа возликует, если ты вскоре сможешь прижать к груди ребенка. Жаль лишь, что мне не довелось понянчить внуков.

Теперь, вспоминая последний разговор с отцом, Амарис все чаще задумывалась, не отдать ли свою руку Оллебу. Он был молод, привлекателен, добр и податлив, а уж в том, что она полюбилась ему, сомневаться не приходилось. Однако рыжеволосый работник лишь бросал на хозяйку нежные взгляды и никогда даже не намекал на бушевавшие в его сердце чувства. Амарис не была бы собой, если бы стала дожидаться, когда молодой человек преодолеет свою нерешительность. Однажды, когда день клонился к вечеру, она подошла к Оллебу, который как раз только что закончил работу, и сказала:

— Приходи сегодня ужинать.

Оллеб густо покраснел и даже ничего не смог ответить, а лишь радостно закивал головой. Затем он со всех ног пустился в выделенную ему комнату, переоделся, привел себя в порядок и точно в назначенное время стоял перед дверью любимой. Чопорный слуга распахнул перед гостем дверь и, презрительно поглядывая на него, проводил наверх, где в роскошном зале, украшенном лучшими вендийскими коврами с густым пушистым ворсом, стоял изысканно сервированный стол, уставленный всевозможными яствами.

Оллебу казалось, что прошла вечность, когда тяжелая занавеска из плотного кхитайского шелка, закрывавшая вход в зал, зашевелилась и вошла Амарис. На ней было удивительное платье из тончайшей материи, сверху до низу покрытое искуснейшей вышивкой, изображавшей птиц и зверей. Длинные, густые волосы девушки были уложены в высокую прическу, а в блестящих прядях играли, переливаясь, разноцветные самоцветы. Стройную шею украшало ожерелье из рубинов и сапфиров, на каждый из которых можно было купить дом. Маленькие ступни плотно облегали туфельки из тончайшей кожи с золотым шитьем. Увидев, какое впечатление она произвела на гостя, который до этого встречал ее лишь в кожаных брюках и куртке, Амарис едва заметно улыбнулась и пригласила Оллеба к столу.

Он не чувствовал вкуса ни еды, ни великолепных вин, которые обворожительная хозяйка сама наливала ему в серебряный бокал, он не слышал ее речей и едва ли понимал, что говорил сам. Сердце в груди бедняги билось так же, что, казалось, еще мгновение, и оно разорвется от переполнявшей его любви. Прекрасно понимая, что творится в душе гостя, Амарис играла с ним, как кошка с мышью, пока наконец не решила, что пора приступить к

серьезному разговору.

— Скажи, Оллеб, я нравлюсь тебе? — показав в улыбке ровные белоснежные зубы, спросила она.

— Нет, Амарис, — вдруг осмелел Оллеб, — ты не нравишься мне. Я люблю тебя так, что не смогу жить, если однажды утром не увижу тебя.

На этом его смелость внезапно исчезла, и он замолчал. Яркая краска заливала его щеки, он нервно вертел в руках бокал, но, как ни силился, не мог больше вымолвить ни слова. Тогда снова заговорила Амарис:

— Ты хотел бы стать моим мужем?

Оллеб вскочил, пролил на себя вино, опрокинул стоявшую перед ним тарелку, всплеснул руками и снова, уже совершенно обессиленный, опустился на свое место.

— Хотел бы? — настаивала девушка.

— Я даже мечтать не мог о таком счастье, — наконец выдавил из себя Оллеб.

— Тогда готовься к свадьбе.

Свадьбу назначили через три дня, ибо, решительная во всем, Амарис и тут не желала ждать. День свадьбы выдался Юным и солнечным, словно сам Митра благословлял этот союз и решил взглянуть в счастливые лица влюбленных. В сопровождении двух людей, которые должны были играть роль свидетелей, Амарис и Оллеб, усевшись в разукрашенный благоухающими цветами паланкин, отправились в Шандарат, к городскому судье, чтобы по всем правилам составить брачный договор. Когда на официальной бумаге были поставлены все нужные подписи и печати, молодые поспешили в поместье Амарис, где их ждали многочисленные гости и обильные столы.

Слуги отвели Оллеба в большую комнату, где он должен был дожидаться появления невесты. Там же собрались гости, исключительно мужчины, так как женщины отправились вместе с Амарис, чтобы проследить за ходом церемонии. Невеста непременно желала, чтобы ее свадьба прошла в полном соответствии со всеми обычаями, но так как сама никогда не интересовалась ими, ей понадобились помощницы. Ожидание затянулось, или это только показалось взволнованному и ошелевшему от счастья жениху. Но вот мужчины засуетились, каждый взял в руки зажженную свечу, и все выстроились в два ряда, образовав ярко освещенный коридор от входа в комнату до кресла, в котором сидел Оллеб. Откинулся полог, и появилась Амарис, прекрасная как никогда. На ней было платье из красного атласа, в ушах, на шее и на тонких запястьях сверкали крупные рубины. Она медленно прошла по коридору, плавно покачивая бедрами, от чего у Оллеба закружилась голова, подошла к жениху, низко склонилась перед ним и, сняв с шеи ожерелье, положила украшение у его ног. Затем она выпрямилась и так же медленно удалилась.

Через какое-то время она снова появилась, но уже в нежно-голубом платье, украшенная крупными и мелкими сапфирами. Церемония повторилась. Амарис переменила пять платьев, и каждый раз выглядела все более и более соблазнительной и желанной. Наконец, появившись в роскошной золотой парче, она не стала кланяться и оставлять драгоценности у ног жениха, а взяла его за руку и повела в другую комнату, где молодых и гостей ждало роскошное угощение.

Гости пили и ели, говорили длинные речи, и Оллеб уже начал думать, что все это никогда не кончится и эти люди не уйдут и не оставят их наедине. Но как ни долго тянулось торжество, оно все же закончилось. Амарис и Оллеба проводили до порога спальни, и наконец-то они остались одни.

Амарис быстро скинула с себя блестящий наряд, набросила на плечи прозрачный, как утренний воздух, халат и повернулась к Оллебу:

— Мы сейчас вместе примем ванну, а потом вернемся сюда.

Дрожа от нетерпения и от все возраставшего желания, Оллеб мгновенно разделился и поспешил за своей возлюбленной. Их ждала белая мраморная ванна, наполненная горячей водой, в которую были добавлены благовония, распространявшие легкий, чуть сладковатый запах. Амарис с удовольствием погрузилась в чуть зеленоватую воду и поманила Оллеба за собой. Он шагнул было вперед, но тут из благоуханных паров прямо в воздухе соткалось лицо колдуна. Он ехидно взглянул на молодожена прищуренными глазами и скрипучим голосом проговорил:

— Давай прыгай в воду. С тобой ничего не случится, ибо ты так любишь эту женщину, что я здесь бессилен. Но учти, когда повитуха начнет обмывать вашего первенца, он мой.

Колдун гнусно захихикал и исчез.

— Что это было? — испуганно спросила Амарис.

Оллеб присел на край ванны и принялся рассказывать ей свою историю. Он говорил долго и сбивчиво, пытаясь и оправдаться, и придумать, как жить дальше. Когда он замолчал, Амарис подняла на него испуганные глаза:

— И что же нам теперь делать?

Оллеб долго не отвечал, задумчиво глядя в стену. Потом он повернулся к Амарис, крепко поцеловал ее, стремительно поднялся и сказал:

— Прости меня и пойми. Если поймешь, то и простишь. Я знаю, как мне избавиться от проклятия колдуна.

Он решительно направился к выходу, не обращая внимания на изумленные взгляды слуг, выбежал из дома, пересек двор, влетел на псарню, распахнул клетку самого свирепого пса и шагнул в нее. Зверь несколько мгновений смотрел на неожиданного гостя, затем, не издавая ни звука, прыгнул, и крепкие челюсти, не уступавшие по силе медвежьему капкану, сомкнулись на горле Оллеба.

Умер он мгновенно, но в последний миг, когда его сознание еще не угасло, он был счастлив: теперь-то его душа ни за что не достанется колдуну.

* * *

Амарис закончила свой рассказ и надолго замолчала, глядя на лунную дорожку, подпрыгивавшую на темных волнах. Первым тишину нарушил Конан, причем самым удивительным образом: он расхохотался. Киммериец смеялся долго, всхлипывая и утирая слезы, так что даже один из пяти псов, которых Амарис взяла с собой, вскочил и глухо заворчал.

— Тихо, Олки, — успокоила она пса, положив ему руку на голову. Затем, удивленно взглянув на Конана, спросила: — Что так рассмешило тебя?

— Слабак он, твой Оллеб, — совершенно серьезно ответил варвар. — Баба истеричная.

Олки снова зарычал и шагнул было к Конану, но Амарис жестом заставила собаку сесть.

— Что это он так разнервничался? — изумился Конан.

— Он не выносит, когда кто-нибудь говорит слишком громко, — пояснила Амарис. — Считает, видимо, что со мной хотят поссориться.

— Поссориться с тобой? Когда у твоих ног лежат пять людоедов? — усмехнулся киммериец. — Дураков нет.

— Они не людоеды, — заступилась за своих любимцев Амарис. — Олки — самый старший из них, но когда погиб мой первый муж, его еще и на свете-то не было. Он родился позже.

— Ладно, не сердись, — улыбнулся Конан. — Похоже, за своих драгоценных хищников ты сама можешь перегрызть горло кому угодно.

— Я люблю своих собак, — глядя ему в глаза, ответила Амарис. — И не вижу в этом ничего плохого.

— А я тебя ни в чем и не обвиняю, — пожал плечами киммериец.

— Уже поздно, — резко сменила тему разговора Амарис, — Пора расходиться по каютам. Я устала сегодня. Мне прежде не доводилось путешествовать по морю.

— Как хочешь, — согласился варвар, с горечью отметив про себя, что утро он все-таки встретит в одиночестве. — До завтра, прекрасная. Пусть тебе снятся хорошие сны.

Глава V

Ночной ветер разогнал остатки облаков, и утреннее солнце нещадно палило, словно торопясь отдать тепло, на которое поскутилось вчера. Серое беспокойное Море превратилось в искрящуюся лазурную гладь, по которой лишь время от времени пробегали легкие волны. Словно лаская несущийся вперед парусник, они нежно лизали крутые борта «Длани Митры», изредка обдавая пассажиров мельчайшими солеными брызгами.

Конан скучал. Его деятельной натуре было противно пустое времяпрепровождение, и он с оттенком зависти пни рал на занятую привычным делом команду. Кормчий Арам, во всем доверяющий своим людям, все же старался не упускать из виду ни одной мелочи, а потому не мог уделять много внимания киммерийцу. Купцы оказались малоинтересными собеседниками, и варвар, глубоко вздохнул и в глубине души слегка досадя на свою назойливость, отважился снова постучаться в каюту Амарис. Прекрасная вдова отдыхала после обеда и прогулки по палубе со своими собаками, но, похоже, обрадовалась гостю.

С опаской поглядывая на грозных мастифов, занимавших почти все свободное пространство в каюте, Конан устроился поудобнее на краю койки Амарис, придинулся к пой поближе, накрыл своей огромной ладонью ее изящную ручку и, не встречая сопротивления, хотел было обнять очаровательную женщину за плечи, как псы беспокойно зашевелились, сморщив носы и чуть приоткрыв ослепительно белые клыки.

— Ты специально взяла их с собой, чтобы никто не осмелился беспокоить тебя? — несколько принужденно засмеялся Конан.

— Нет, — совершенно серьезно ответила Амарис. — Кого мне бояться?

— Тогда почему они едут не в трюме?

— Это лучшие мои собаки. Я развозжу мастифов уже много лет. Этим же занимались и мой отец, и мой дед. Но таких псов никому из них не удавалось получить. Они умны, как люди. Каждый из них — единственный в своем помете. К сожалению, среди них нет ни одной суки. Я много раз пыталась получить от них потомство. Щенки рождаются чудесными, но чисто собачья кровь их матерей портит самые выдающиеся качества.

— Чисто собачья?! — От изумления Конан даже отодвинулся от Амарис. — А эти звери кто?

— Я оговорилась, — вспыхнув до корней волос и почему-то сильно смутившись, начала оправдываться Амарис. — Эти кобели настолько умны, они понимают меня даже без слов... В общем, я люблю их настолько, что иногда забываю, что они всего лишь животные... Я часто думаю о них как о людях, как о своих детях... — Окончательно запутавшись она замолчала.

Киммериец подозрительно взглянул на нее, потом перевел взгляд на собак и долго рассматривал их, но ничего необычного не заметил. Собаки как собаки. Сильные, красивые, холеные. Но, по его мнению, почти не отличающиеся от своих собратьев, разве что смотрят как-то странно, как будто вот-вот заговорят. Может, и правда в этих лобастых головах кроется исключительный ум, но ведут они себя как самые обыкновенные псы-охранники. Варвар снова посмотрел на Амарис. Она уже успела взять себя в руки, и лишь более сильный, чем обычно, румянец говорил о том, что она взволнована. В конце концов, если она любит этих тварей больше, чем людей, это ее дело. Кто разберется в женской душе? Да и не душа этой женщины так соблазнительна, а ее роскошное тело. Почему же он, Конан, как последний

идиот, выслушивает бесконечные отговорки, вместо того чтобы сразу уложить ее в постель? Женщина, у которой было пять мужей, должна понимать, какой радостью может одарить ее настоящий мужчина. Впрочем, первый муж, кажется, так мужем для нее и не стал. Может, и остальные так и не притронулись к ней, и потому она даже не догадывается, что такое ласка? Подумав об этом, Конан спросил:

— А твой второй муж, он тоже предпочел провести первую брачную ночь в клетке с мастифом?

— Не смейся! — встрепенулась Амарис. — Оллеб вовсе не променял меня на пса, как ты считаешь. А Фартан...

— Фартан? — переспросил варвар. — Это второй?

— Да, — кивнула Амарис. — Если ты умеешь быть серийным, могу рассказать тебе о нем.

— Хорошо, — согласился Конан. — Обещаю, что не буду смеяться над твоим незабвенным супругом.

* * *

Фартан был родом с юго-востока Бритунии, из маленькою селения, в незапамятные времена возникшего в узкой и извилистой, словно высохшее русло некогда полноводной реки, долине. Ее окружали высокие холмы, за которыми на западе выселились суровые Кезанкийские горы, а с востока вплотную подступали густые девственные леса. Земля тут была плодородной, так как ее обильно орошили многочисленные мелкие ручейки и речушки, в которых водилась рыба, вносящая приятное разнообразие в довольно-таки скучный рацион бритунийцев. Травы, покрывавшей маленькие, как и все в этой долине, луга, вполне хватало, чтобы селяне могли держать по паре овец, которые давали им персть и молоко.

Несмотря на то что до леса было рукой подать, дома из бревен не строили, а плели из лозы и обмазывали стены глиной. Может быть, это делалось потому, что гибкие, упругие ветви кустарника и глину легко было добыть на берегу любой речки, а деревья, столетиями устремлявшие пышные кроны к небесам, требовали тщательной и сложной обработки. Может быть, просто так повелось испокон веков, кто знает? Просто селяне всегда жили в таких домах и ничего менять не хотели.

Мужчины в родной деревне Фартана занимались возделыванием земли и овцеводством, женщины вели хозяйство, растили детей, ткали из шерсти и льна прекрасное полотно. Все они жили простой жизнью, которая цивилизованному человеку показалась бы скучной и примитивной, но были вполне ею довольны, особенно если еда стояла на столе, урожай был не хуже ожидаемого да дети и животные не болели.

Когда Фартан появился на свет, сверстники его родителей уже нянчили внуков. Так уж получилось, что, сколько ни обращалась мать Фартана со слезными просьбами к Виккане, так что даже растрогала ее жрицу, жившую в соседней деревне, свою равная богиня долго отказывала ей в милости. В конце концов отчаявшаяся женщина, глядя, как подрастают дети ее подруг, умоляла жрицу совершить паломничество к священному дубу — любимому дереву Викканы. Через несколько дней женщины вернулись, и по сияющему счастью лицу жены отец Фартана, которому она не рассказала ничего, понял, что благоприятный знак получен. Три дня, забыв обо всех делах и забросив хозяйство, они не выходили из дома, и на сей раз их

труды увенчались успехом. Спустя девять месяцев в доме появился долгожданный младенец.

Нечего и говорить, как тряслись немолодые уже родители над своим сокровищем. Они старались предугадать малейшее его желание, оградить от всех бед и неприятностей. Мальчик пытался проявить характер и настойчиво сопротивлялся бесконечной опеке, но особо в этом не преуспел.

— Матушка, — говорил он, насупив брови, — мне стыдно перед друзьями. Все ушли на рыбалку, а я дома сижу.

— Да хранит тебя пресветлая Виккана! — всплескивала руками мать. — А вдруг ноги промочишь, заболеешь и умрешь? Кто о нас с отцом позаботится, когда старость совсем одолеет нас?

— Отец, — топал ногой Фартан. — Все мальчики пасут своих овец, а ты никогда меня с ними не пускаешь. Мал еще, — хмурился отец. — А вдруг волк из леса выскочит и разорвет тебя на куски? Так дожил он до пятнадцати лет, ничего толком не умея, но постоянно стремясь что-то делать. Однажды, когда только-только закончился сезон дождей, как-то за обедом отец заметил, что не худо бы подправить стены дома.

— Смотри, — показал он узловатым пальцем, обращаясь не то к жене, не то к сыну, — сколько трещин. Эдак мы скоро под открытым небом окажемся. Надо чинить, и быстро.

— Батюшка, — взмолился Фартан, — позволь мне помочь тебе!

— Что ж, — неожиданно согласился отец, — от помохи ли отказываться. Да и ты уже вон какой вымахал.

— А когда начнем? — засветился от радости юноша.

— Через два дня, — пообещал отец и пояснил: — Надо кое-что по хозяйству доделать.

На следующий день Фартан прибежал в сарай, где отец менял овцам подстилку из травы.

— Батюшка! — с порога закричал он. — Я такое придумал! Все удивятся и позавидуют, какой у тебя умный и дальновидный сын!

— Что еще? — недовольно поморщился отец, который очень осторожно относился ко всякого рода новшествам.

— Выслушай меня, — попросил сын. — Только не перебивай.

Отец молча кивнул, продолжая заниматься своим делом.

— Наш дом сплетен из лозы и промазан глиной. Так? Каждый год, после того как пройдут обильные дожди, стены приходится чинить. Так?

— Так, так, — нетерпеливо перебил его отец. — Я и говорил тебе, что скоро займемся починкой.

— Я придумал, что надо сделать, чтобы дом стоял долго без всякой починки! — торжественно провозгласил Фартан. Помолчав немного, он выпалил: — Надо построить его из камней!

— Ты в своем уме? — встрепенулся отец, — Из каких камней?! Наши отцы, деды и прадеды плели свои дома из лозы, а что было хорошо для них, то хорошо и для нас. Не выдумывай глупостей.

— Выслушай же меня до конца, — взмолился Фартан. — Горы близко? Близко. Мы натаскаем камней и сложим новые стены, соединив камни той же глиной. Стены будут толще и прочнее.

Спор их затянулся на целый день, но вечером Фартана неожиданно поддержала мать, которая, как и все матери, считала своего сына необычайно умным и талантливым. Отец

долго ворчал и возражал, но в конце концов сдался.

— Надо же, чего учудили, — ворчал он. — Люди над нами смеяться будут. Что мы, умнее дедов, что ли? Ну да ладно, вас двоих мне не переспорить...

Настало долгожданное утро. Фартан с отцом, плотно и обстоятельно позавтракав, направились к Кезанкайским горам, провожаемые удивленными взглядами односельчан. Горы пользовались дурной славой. Люди, обитавшие там, отличались жестокостью, и миролюбивые равнинные жители старались не раздражать суровых соседей и не появляться на их территории. Поднявшись на холм, отделявший долину от гор, Фартан радостно засмеялся:

— Посмотри, отец, как красиво!

— Здесь не на красоты надо любоваться, — буркнул отец, — а следить, чтобы стрелу в сердце не получить.

— Да не бойся ты, — успокоил его сын. — Мы же не будем подниматься в горы. Смотри, у подножия полно камней. Выберем те, что нам нужны, и отнесем на холм. Потом еще раз вернемся. Глядишь, за пару дней и управимся.

Они действительно быстро нашли вполне подходящие камни. Выбрать-то их было нетрудно, а вот дотащить... Кряхтя, ругаясь сквозь зубы и то и дело утирая обильно струившийся пот, четыре дня таскали они камни от подножия гор на холм, пока не решили, что набрали достаточно для починки дома. Еще два дня ушло на то, чтобы снести вниз значительную часть собранного. К вечеру второго дня отец сказал:

— Все. Хватит. Кончай работу. Завтра продолжим.

— Я не очень устал, — повернулся к нему Фартан. — Ты ступай домой, отдохни. А я еще поработаю.

Отец ушел, наказав ему строго-настрого не задерживаться слишком долго. Однако время шло, взволнованные родители сидели на пороге и напряженно глядывались в сгущающиеся сумерки, но Фартан все не возвращался. Наконец мать не выдержала.

— Ты как хочешь, — сказала она, вставая, — а я пойду ему навстречу. Не иначе, что-то случилось с нашим мальчиком.

Она оказалась права. Случилось. Но такое, чего никто не мог ожидать. Когда они подошли к холму, отец изумлением увидел, что груда камней, которую они с таким трудом стащили вниз, заметно уменьшилась. Ничего не понимая, он закричал:

— Фартан! Где ты, сынок? Что тут происходит?

— Батюшка! — услышал он радостный голос сына. — Я тебе такое расскажу, не поверишь! Я собрался было отнести вниз еще один камень и отправиться домой, как он выскоцил у меня из рук и... Нет, ты представить себе не можешь! Он покатился сам и лег возле груды! Значит, мы напрасно тратили столько сил. Надо было просто толкать их сверху, и они сами бы долетели.

— Так куда делись те камни, что мы уже перенесли? — изумился отец. — Груда должна была вырасти, а не уменьшиться!

— Я отнес их обратно! — гордо заявил Фартан.

— Зачем?! — в один голос воскликнули родители.

— Раз они могут спускаться сами, путь сами и катятся. Завтра мы с тобой к вечеру всю работу закончим!

Только теперь старики поняли, какого сына вырастили, и винить им было некого.

— Что ж, — вздохнула мать. — Не зря повитуха говорила, что пуповину надо резать

вовремя. Что он еще успеет натворить, пока не закроются наши глаза? А каких дров он наломает, когда мы отправимся к предкам, и подумать страшно.

Минуло еще два года. Родители, хоть и очень поздно, но все же понявшие, какую серьезную ошибку допустили, оберегая сына ото всего на свете, всеми силами старались ее исправить. Понемногу Фартан кое-чему научился, но... У него возникало множество идей, и каждую он хотел воплотить в жизнь. К сожалению, как это часто бывает, в неумелых руках все получалось шиворот-навыворот. Пока были живы мать с отцом, никто от деяний Фартана особо не страдал, но все люди смертны, и однажды пришел и их час. Долго прожив вместе в мире и согласии, они и умерли один за другим, словно спешили встретиться там, где обитали все их предки. Фартан остался один.

Терпеливые, спокойные и добродушные, селяне долго закрывали глаза на чудачества юноши и никогда не сердились на него, а наоборот, старались поддержать сироту и помочь ему стать настоящим, по их понятиям, мужчиной. Но однажды он совершил такое, что даже великому терпению односельчан Фартана пришел конец.

Так повелось, что своих овец жители этой деревни всегда пасли сами. В каждой семье всегда находился подросток, которому доверяли этих спокойных, не отличавшихся ни умом, ни сообразительностью животных. Мальчишки и девчонки собирались вместе и целыми днями пропадали на лугах, следя за тем, чтобы овцы досыта наелись сочной травы и вволю напились из чистых, прозрачных ручьев. Поразмыслив, Фартан предложил соседям сделать все иначе.

— Пусть лучше дети пораньше приучаются к хозяйству, — сказал он. — В нашем селении не так много овец, чтобы за ними присматривали много человек. Давайте я займусь выпасом, а вы за это поможете мне обиживать животных и будете давать хлеб.

С ним согласились, потому что и так всему селу приходилось помогать неумехе. Пусть он хоть полезным делом займется, а лишние руки всегда в доме пригодятся. В первый же день Фартан обошел всю деревню, собрал овец и погнал их на луг. Счастливый от сознания, что он все так здорово придумал, лежал юноша в высокой траве, смотрел, как медленно плывут по небу пушистые облака, и размышлял, что бы еще такого полезного сделать. И придумал. Зачем водить овец на водопой к ручью? Воды там мало, овцы — животные глупые, пока одна-две утолят жажду, всю воду замутят. Лучше погнать их к реке. Придумал — сделал.

Хорошо еще, что, зная беспокойную натуру юноши, послали его соседи мальчишку проверить, как идут у Фартана. Прибежал юнец и не поверил своим глазам. Усердный пастух загнал все стадо в речку, и пять-шесть животных уже ушли под воду с головой.

— Куда ты смотришь? — закричал мальчишка. — Они утонут!

— Какой ты глупый, — снисходительно улыбнулся Фартан. — Ты разве не знаешь, что такое тонуть? А я знаю. Сам однажды чуть не утонул, сорвавшись с обрыва. Там было так глубоко, что я не нашупал дна. А они все прочно стоят на ногах. Что с ними может случиться?

Овец, конечно, спасли, но после этого случая Фартану не доверяли никаких общих дел, а вскоре к нему пришли самые почтенные старики и сказали:

— Мы все хорошо тебя знаем, Фартан, и поэтому, подумали и, решили, что лучше бы тебе было уйти от нас.

— Куда же я пойду? — изумился юноша, — Здесь мой дом, и других мест я не знаю.

— За домом мы присмотрим. А другие места... Мир целик. Может, побродив по свету, ты все-таки наберешься ума? Вот тогда и возвращайся. А мы не можем нянчить тебя до

старости.

Они еще что-то говорили, а Фартан уже размечтался о диковинках, которые он увидит в дальних краях, о благодарных людях, которые с пониманием отнесутся к его бесчисленным блестящим идеям, о знаниях и умениях, которых он наберется вдали от дома, о том, как встретят его в родном селении, когда он вернется сюда богатым и знаменитым. Поблагодарив старииков и слегка удивившись, почему это не он сам все так хорошо придумал, Фартан быстро собрался в дорогу и на следующее утро покинул маленькую долину.

То ли Светлые боги одарили его особой милостью, то ли ему просто случайно повезло, но путешествие Фартана проходило без особых приключений. Несколько раз он до нитки промок под внезапно нахлынувшим проливным дождем, однажды чуть не сорвался в пропасть, наступив на шатающийся камень, — вот и все неприятности, с которыми пришлось ему столкнуться в пути. Благополучно миновав горный перевал, через три дня Фартан уже шагал по земле соседней страны — Коринфии. Спускаться с горы оказалось намного легче, чем взбираться на нее, и скоро юноша вступил в лес, столь же чуждый и незнакомый ему, как и неприступные скалы.

Вечерело. Полная луна, бледная и почти незаметная днем, становилась все ярче. Небо постепенно темнело, на нем загорелась первая звезда, следом за ней еще одна, сломи и невидимые мастерицы расшивали темно-синий, почти черный бархат узором из диковинных драгоценных камней. Высокие деревья, окружавшие путника, слились в сплошную темную стену, застоналиочные птицы, подали голоса хищники, вышедшие на охоту. Неприятный холодок пробежал по спине Фартана, но заночевать в лесу он не отважился, и ему ничего не оставалось делать, как упорно идти вперед по узенькой тропинке, освещенной призрачным, блекло-голубым лунным светом.

Тропинка петляла, то ныряя в высокий кустарник, то выводя юношу на крошечные полянки, то пропадая в пушистых мхах. Стارаясь не потерять ее из виду, Фартан внимательно смотрел под ноги, лишь время от времени поднимая глаза, чтобы взглянуть, не видно ли впереди хоть крошечного огонька — спутника человеческого жилья. Постепенно лес начал редеть, и юноша ускорил шаг, торопясь выйти на открытое пространство. Он так спешил, что не сразу услышал, как над его головой в кроне высокого дерева с толстыми корявыми ветвями что-то треснуло, а потом ветви зашевелились, хотя ночь была на редкость тихой, без малейшего ветерка.

Фартан замер, стоя на одной ноге, не отваживаясь опустить вторую, и прислушался. Нет, ему не показалось. На дереве кто-то сидел. Задержав дыхание, он медленно поднял голову и попытался рассмотреть, что происходит там, в вышине. Словно стремясь ему в этом помочь, полная луна выглянула из-за набежавшего на нее облака. Совсем близко, ни расстояния двух-трех локтей от лица Фартана, на той ветви лежало животное, совершенно незнакомое юноше.

Оно было размером со среднюю собаку, но походило на кошку. Надменный взгляд хищника изумил Фартана, но не менее удивительным был и облик зверя. Сильное, мускулистое тело, длинные лапы, короткий, как будто обрубленный, хвост и небольшие изящные уши с кисточками на концах — ничего подобного юноша никогда не видел. Зверь зашипел, оскалившись, и Фартан мгновенно понял, что пятнистая кошка питается отнюдь не травой.

Он полжизни отдал бы сейчас за то, чтобы оказаться подальше от дерева, но ноги отказывались ему служить, а кроме того, бежать все равно было бесполезно: одним прыжком

хищник запросто мог бы настичь свою жертву. Фартан зажмурился, прощаясь с жизнью. Медленно текли минуты, по ничего не происходило. Юноша снова открыл глаза и вздрогнул, встретившись взглядом с кошкой, которая рассматривала его с явным любопытством.

— Что, испугался? — услышал вдруг Фартан.

«Я либо сошел с ума, либо умер», — подумал он, оглядываясь и лишний раз убеждаясь, что, кроме него и зверя, никого тут нет.

— Я к тебе обращаюсь, — раздался тот же голос, и до юноши наконец-то дошло, что с ним разговаривает хищник, вальяжно развалившийся на дереве. — Что за народ пошел? С ними говоришь по-человечески, так нет, даже словечка не вымолвят. Еще раз спрашиваю: испугался?

— Н-н-не оч-чень... — выдавил из себя Фартан.

— Скажешь тоже, не очень! — фыркнула кошка, сощурившись и окидывая Фартана оценивающим взглядом. — И дураку ясно, что у тебя коленки дрожат.

— Н-н-но п-п-поч-чему ты... — начал вдруг заикаться юноша.

— Почему я разговариваю? — Фартан мог чем угодно поклясться, что зверь улыбнулся. — Поживи в нашей деревне и не такое увидишь.

— Я... Я... — Ему явно не хватало воздуха.

— Да перестань ты трястись! — рыкнула кошка. — Не съем я тебя. Я вообще людей не ем. — Она вздохнула. — Нельзя мне. Вот зверя какого-нибудь — пожалуйста. — Она снова вздохнула, а затем, сладко потянувшись, мягко и совершенно бесшумно спрыгнула вниз. — Впрочем, какие теперь звери! У тебя так стучат зубы, что даже глухой услышит. Прекрати! Ты начинаешь мне действовать на нервы.

— Я... Я и не боюсь уже, — попытался оправдаться Фартан.

— Бабушке своей расскажи! — подернула плечами кошка. — Ладно. Я могу тебя понять. К этому надо привыкнуть.

— К чему привыкнуть?

— Ты куда направляешься? — словно не замечая его вопроса, поинтересовалась кошка.

— Да так, никуда, — ответил Фартан. — Мир посмотреть.

— Давно идешь? — продолжала расспрашивать кошка.

— Четвертый день.

— Устал, поди? — В ее голосе промелькнули те же интонации, что когда-то были у его матери.

— Немного, — неожиданно смущился он.

— Ну пойдем, — пригласил странный зверь. — Поживешь у нас, отдохнешь, на диковинки посмотришь. Да, кстати, меня Карапой зовут, а тебя как?

— Фартаном.

Кошка важно кивнула и зашагала вперед, мягко ступая крупными, сильными лапами по корням и веткам, не производя при этом ни малейшего шума. Все еще не оправившийся от изумления, Фартан послушно побрел за ней. Однако вскоре он забыл и об испуге, и об удивлении. У него вообще часто менялось настроение. Тем более Карапа что-то говорила о диковинках, а ведь именно за этим он ушел из дома: как можно больше увидеть и узнать.

Шли они довольно долго. Непроглядная ночной темнота постепенно начала сменяться серыми предрассветными сумерками, когда лес неожиданно расступился и вперед показалось небольшое селение.

— Пришли, — повернулась Карапа к своему спутнику. — Видишь, на противоположном

конце деревни самый больший дом? — Фартан кивнул. — Там живет Лемпситей. Иди туда. У него и поживешь. Ему, кажется, были нужны помощники.

Она прибавила шагу и, поравнявшись с крошечным домиком, смотревшим на дорогу двумя темными окнами, одним прыжком перескакнула забор, толкнула лапой дверь и скрылась внутри.

Юноша огляделся по сторонам. Селение, в которое придела его необычная кошка с кисточками на ушах, было самым обычным и, пожалуй, ничем не отличалось от родной деревни Фартана, кроме одного: тут дома были отделены друг от друга высокими заборами, словно селяне не доверяли кому-то или опасались, что на них могут напасть, и может, просто хранили каждый свою тайну и не хотели, чтобы посторонний увидел лишнего. Будучи по природе своей любопытным, юноша попытался заглянуть хоть в один двор, но щелей между камнями, из которых были сложены заборы, не нашел, и потому его любопытство осталось неудовлетворенным. Пожав плечами, он двинулся к дому, на который указала Карана.

Этот дом был самым заметным в селении. Просторный, высокий, он сразу бросался в глаза. Его тоже окружал забор, но калитка почему-то оказалась распахнутой настежь. Сочтя это за безмолвное приглашение, Фартан быстро поднялся на крыльце дома и громко постучал кулаком в дверь. Внутри послышалась тихая возня, дверь с противным скрипом отворилась, и на пороге возник маленький сгорбленный старичок. Он был одет в какую-то серо-коричневую бесформенную хламиду, на седой голове, покрытой редкими пучками волос, ловко, даже слегка кокетливо, сидела круглая коричневая же шапочка. Из-под лохматых бровей на неурочного гостя внимательно смотрели желто-карие глаза.

— Ты Лемпситет? — спросил Фартан и, когда старик кивнул, продолжил: — Меня послала к тебе Карана.

— Заходи, — просто ответил старик и посторонился, пропуская юношу в дом.

Старик явно жил один: Фартану, не отличавшемуся особой аккуратностью, никогда еще не приходилось видеть такого беспорядка. Повсюду: на скромной мебели, на полу, на полках, висевших на стене, — толстым слоем лежала пыль. С закопченного потолка свисала паутина, всевозможный мусор валялся и тут, и там. Из комнаты вело несколько дверей, одна из которых была приоткрыта, но Фартан, сколько ни силился, ничего не смог за ней разглядеть. Повернувшись к хозяину и понимая, что молчание затянулось, он решил пояснить, что привело его сюда:

— Я путешествую. Хочу посмотреть на мир, узнать что-нибудь новое; В лесу я встретил Карану, и она сказала, что тебе нужны помощники.

— Как она выглядела? — поинтересовался старик.

— Пятнистая крупная кошка с кисточками на ушах и коротким хвостом. — Старик кивнул, а Фартан отважился спросить: — Ты содержишь зверинец? Как ты научил эту кошку разговаривать?

— Она умела это от рождения. Впрочем, если ты хочешь пожить у меня, лучше, наверное, будет рассказать тебе все с самого начала. Но прежде ответь на один вопрос. Что ты умеешь делать?

— Я могу ухаживать за животными. Правда, мне приходилось иметь дело лишь с овцами... Еще немного умею строить. По дому могу кое-что делать... — Фартан смущенно замолчал, неожиданно для себя обнаружив, что мастером на все руки его назвать нельзя.

— Не густо, — усмехнулся Лемпситет. — Но это поправимо. Ты еще молод, у тебя вся

жизнь впереди. Многому успеешь научиться. Присядь, отдохни, а я пока расскажу тебе о том, куда ты попал.

Фартан осторожно опустился на пыльную деревянную скамью, даже не обтерев ее, чтобы не обидеть хозяина, стариk сел напротив и принялся рассказывать.

Родился Лемпситет в Коринфии, в одном из небольших городов-государств, расположеннном близ Дороги Королей — торгового пути, идущего с востока на запад, благодаря которому Коринфия вела довольно оживленную торговлю.

Лемпситет рано выучился читать и писать, а когда ему было десять лет, смышеного мальчика заметил старый цат, принадлежавший к Серому Квадрату — сообществу ученых, которые интересовались чистой наукой и магией и которых вовсе не волновали никакие моральные принципы. Они не жаждали творить ни добро, ни зло, а просто постигали суть вещей, стремясь к знанию ради самого знания. Маг этот был уже достаточно дряхлым, нуждался в ученике и помощнике, и Лемпситет с радостью согласился перейти в его дом.

Обучение длилось долго, и когда учитель умер, ученик из забавного и любознательного мальчишки превратился уже в солидного ученого мужа. Страстю Лемпситея стало врачевание, но вовсе не потому, что он любил людей и хотел облегчить их страдания, а потому, что его интересовало, что же такое человек во всех его ипостасях. Однако слава летит быстрее ветра, и к нему со всей страны потянулись больные и увечные, которые, прослышиав о его необычайных способностях, видели в Лемпситее единственную надежду на выздоровление. Врачевание страждущих отнимало столько времени, что Лемпситет понял: или помогать людям, или заниматься наукой и магией-

Тогда он принял решение собрать несколько наиболее тяжелобольных людей, обязательно с разными болезнями, обязательно разного возраста и обязательно разного пола, и удалиться с ними в какой-нибудь забытый богами и людьми уголок, основать поселение и в тишине и покое, вдали от суеты, изучать их, а может, и найти средство исцеления. Выбрав десять человек, он предложил им уйти из города, и они с радостью согласились. После долгих поисков была найдена эта большая поляна посреди леса, куда до сих пор не ступала нога человека. Так появилась эта деревня.

— Сколько же лет вы тут живете? — удивился Фартан.

— Не знаю, — пожал плечами Лемпситет, — Я не считаю годы, потому как занят делом. Но мне кажется, если ты не станешь перебивать меня, будет лучше. На чем я остановился?

Люди, которые пришли вслед за Лемпситеем, поверив в него, занялись постройкой жилищ, возделыванием крошечных участков плодородной почвы, охотой, а он, уже достаточно сильный маг Серого Квадрата, все свое время посвящал изучению трав, деревьев, камней, почвы, воды, составлял одно за другим разные снадобья, подбирал подходящие заклинания, пытался создать новые. Ему удалось добиться прекрасных результатов, но до конца преодолеть недуги, изучением которых он занимался, Лемпситет пока не мог.

Однажды, бродя по лесу в поисках редкой маленькой травки, которая цвела лишь один день в году, маг так увлекся, что едва не наступил на змею. К его счастью, она зашипела и грозно выпрямилась, высунувшись из травы. Лемпситет замер, а изящная разноцветная змейка, успокоившись, поползла своей дорогой. Глядя ей вслед, маг вдруг подумал, что ее грациозные движения удивительно напоминают походку одной из его пациенток, Гондии. И тут его осенило.

Это было величайшее открытие. Лемпситет понял, что обычными снадобьями и

заклинаниями можно вылечить лишь поверхностные болезни: простуды, переломы, ушибы, зубную боль и прочую мелочь. Для того чтобы победить серьезный недуг, грызущий человека изнутри, надо познать его сущность, скрытую ото всех, и тогда, скорее всего, решение будет найдено.

Несколько месяцев маг не выходил из дома, читая и перечитывая старинные свитки и толстые манускрипты, пытаясь отыскать формулу, по которой можно составить зелье, чтобы раскрыть душу человека до конца, увидеть то, о чем он и сам не догадывается. И его труды оказались не напрасными. В конце концов он получил вожделенную формулу и изготовил снадобье.

Едва дождавшись утра, Лемпситет собрал жителей деревни и сообщил им:

— Скоро, я думаю, вы избавитесь от терзающих вас недугов. Я создал новое лекарство. Оно вызовет некоторые изменения в вас, но ничего страшного не произойдет. Поверьте мне еще раз, и вы будете здоровы.

Выдав каждому больному строго отмеренную дозу зелья маг приготовился ждать. Долго ждать ему не пришлось. Ночью кто-то осторожно поскребся в его дверь, и Лемпситет вышел на порог. Никого. На черном небе, густо усыпанном яркими звездами, словно огромный светильник, висела полная луна, освещая все вокруг неверным, призрачным светом, создавая большие, постоянно меняющиеся тени. И вдруг одна из теней приблизилась к дому, и маг вздрогнул: из темноты на него пристально смотрели ярко-зеленые глаза. Зверь подошел еще ближе, мягко переставляя длинные, мускулистые лапы, и сел возле крыльца, обив грациозное тело, покрытое короткой черной шерстью, толстым, слегка подрагивающим хвостом.

— Не узнаешь меня, Лемпситет? — заговорила вдруг пантера. — Тогда придется представиться. Я Элмела.

— Элмела? — изумился маг. Так звали женщину, которую много лет терзала боль в желудке. Не может быть...

— Может, — оскалилась черная хищная кошка. — Утром я выпила твоё лекарство, а ночью, едва взошла луна, почувствовала, как вытягивается и наливается силой мое тело, как его покрывает мягкая, шелковистая шерсть, как руки и ноги обращаются в крупные когтистые лапы. Радость овладела мной. Я выбежала из дома и устремилась в лес. О! Не могу передать тебе, какие волнующие запахи нахлынули на меня! Ничего подобного я не испытывала прежде. На расстоянии многих локтей я улавливала следы разных животных, но все они были мне неинтересны. И вдруг мои ноздри затрепетали, а сердце забилось быстро-быстро. Со скоростью молнии метнулась я на безмолвный зов и вскоре увидела совсем молодого оленя, мирно щипавшего траву. Одним прыжком я настигла его и прокусила несчастному шею. Теплая, чуть солоноватая кровь наполнила мой рот, и тут свершилось чудо: боль, хоть и смягченная твоими прежними снадобьями, но все-таки жившая во мне, исчезла. Ты все же излечил меня, хоть я и утратила человеческий облик. Но это нисколько не огорчает меня. Наоборот. Я никогда еще не чувствовала себя такой сильной и молодой.

— Кровь молодого оленя? — переспросил Лемпситет. — Спасибо, Я знаю, как вылечить тебя окончательно. Надо приготовить лекарство из этой крови.

— Зачем мне лекарства? — удивилась Элмела. — Я теперь сама смогу позаботиться о себе.

— Понимаешь, — пояснил маг, — скорее всего, наутро человеческий облик вернется к тебе. Я сейчас не могу ничего объяснить. Мне еще самому надо во многом разобраться.

Продолжить разговор им помешало появление нового гостя. Послышался громкий треск и топот, и в полосу лунного света вошла крупная свинья, поросшая густой, жесткой шерстью. Из ее приоткрытой пасти торчали огромные клыки длиной не менее половины локтя, вымазанные липкой землей.

— А ты кто? — поинтересовался Лемпситея.

— Я Хоцеро, — ответила свинья и гулко хрюкнула, — Хорош я стал?

— Это, к сожалению, не навсегда, — вздохнув, пояснила Элмела.

— Кому как, — глядя на нее исподлобья, проворчал Хоцеро, — А ты кто?

— Элмела, — пояснил маг. — Но ты лучше скажи, как твой недуг? Ведь твои ноги и так плохо носили тебя, а теперь на них давит такая тяжесть...

— Тяжесть как тяжесть, — буркнул Хоцеро, — ничего особенного. К тому же я отыскал какие-то странные корешки...

— Покажешь, где и какие, — распорядился Лемпситея, — и скоро забудешь о своих болячках. А сейчас идите. Мне надо подумать. Только не уходите далеко от селения, а то еще заблудитесь, когда вернетесь в свое прежнее обличье.

Однако уединиться магу в ту ночь не удалось. Его пациенты, обретя новые тела, спешили поделиться нахлынувшими на них новыми, совершенно необычными впечатлениями. Гондия, молодая, ослепительно красивая женщина, которой грозила неумолимо подступавшая слепота, в ночь полнолуния обратилась в изящную змею — кротала — с роговыми кольцами на хвосте. Поигрывая ими, Гондия, досадуя на вдруг возникшую шепелявость, рассказала Лемпситею о том, каким неожиданно предстал для нее мир. В отличие от своих соседей она устремилась не в лес, а в горы и отыскала там кусочки давно окаменевшей смолы, которые очень хотела попробовать на вкус, но не смогла откусить ни крошки. Маг радостно кивал, слушая неторопливую речь Гондии, и в конце концов пообещал и ей изготовить чудодейственное средство против ее болезни.

Вслед за Гондией к магу явился Тротумо. Когда-то он был кузнецом и обладал огромной силой, но внезапно напавший на него недуг заставил несчастного бросить любимое дело. Тротумо страдал сильной одышкой, а иногда и вовсе не мог дышать, словно кто-то невидимой рукой затыкал ему нос и рот одновременно, и тогда Лемпситею приходилось долгими часами не отходить от пациента, поддерживая в нем жизнь.

Приняв новое снадобье, он обратился в невысокую обезьянку ростом около трех локтей, но довольно массивную и мощную. Его мускулистое тело поросло густой, клоакастой темно-рыжей шерстью, которую Тротумо, разговаривая с магом, время от времени почесывал длинной лапой с крупными черными когтями. Его речь то и дело прерывалась тяжелыми вздохами, покряхтываниями и стонами, такими громкими, что их, наверное, было слышно на Дороге Королей, лежавшей в нескольких днях пути от спрятанной в густом лесу деревни. Побродив в чаще и облавив почти все деревья, которые смогли выдержать его вес, Тротумо принес Лемпситею горсть маленьких плодов со сладкой мякотью и множеством семян.

— Смотри, — сказал он. — Я достал их, едва не сорвавшись с огромной высоты. Но мне почему-то очень хотелось отведать именно их.

— Ты правильно сделал, что принес эти плоды мне, — улыбнулся Лемпситея. — Думаю, с их помощью мы прогоним твою болезнь.

Тротумо снова тяжело, со всхлипыванием, вздохнул и медленно направился к своему дому, ловко отталкиваясь от земли длинными кривыми передними лапами. И тут же, словно давно поджидал своей очереди, ему на смену явился Витлий. Жившие мирно и дружно,

объединенные общей бедой, пациенты Лемпситея недолюбливали Витлия, и даже сам маг, отличавшийся бесстрастностью и ровно относившийся к окружавшим его людям, иногда морщился, когда к нему подходил бывший сборщик налогов, сердце которого отказывалось служить ему. Теперь, взглянув на Витлия, врачеватель еще раз убедился в своей правоте: его волшебное зелье действительно выявило сущность этих людей. Сборщик налогов стал гиеной, мерзкой пятнистой тварью с хищно оскаленной мордой.

— А ты где побывал? — переборов неприязнь, поинтересовался Лемпситет.

— Я охотился! — гордо заявил Витлий. — У меня нет слов, чтобы выразить, насколько я благодарен тебе. Я гонялся за своими жертвами, настигал их и с наслаждением рвал в клочья. Никто не ушел от меня!

— Ты должен был прислушаться к своему внутреннему голосу и пойти туда, куда он звал тебя. Многие уже отыскали средство от своих недугов. А ты?

— Я не думал об этом, — захохотала гиена. — Я наслаждался своей силой и ловкостью!

— Как же ты глуп, — вздохнул мат. — Утром ты снова обратишься в человека. Разве ты забыл, что каждый день для тебя может стать последним? Твоё изношенное сердце нуждается в обновлении. Ступай. Если ты не поможешь себе сам, я буду бессилен.

— Пусть, — оскалился Витлий. — Пусть оно останавливается, это жалкое человеческое сердечко. Я больше не цепляюсь за жизнь, ибо человек жалок и слаб.

— Твое право — выбирать жизнь или смерть, — вздохнул Лемпситет. — Поступай как знаешь.

Витлий ушел, а маг еще долго сидел на крыльце, но два оставшихся селянина, муж и жена Люмис и Лониса, так и не пришли. Наутро выяснилось, что чудесное зелье обратило невероятно толстого Люмиса, которого душил все возраставший вес, в холеного домашнего кота, а его жену, наоборот, худевшую день ото дня, — в злобную и склонную собаку.

Несчастная пара так и не покинула своего двора, ибо жирный Люмис всю ночь просидел на дереве, а Лониса сторожила его внизу, то ругаясь, то оглушительно гавкая. Пришлося Лемпситею посоветовать им сначала уходить из дома, подальше друг от друга, а уж потом принимать снадобье. Старик надолго замолчал, а Фартан, уставший ждать, осмелился нарушить тишину.

— Так они излечились? — заглядывая магу в глаза, спросил он.

— Почти все, — не сразу ответил Лемпситет. — Витлий не нашел средства от своей болезни. Да он и не искал. Никто не сожалел о его гибели.

— А почему они не вернулись туда, где жили прежде? — полюбопытствовал Фартан.

— Они долго принимали снадобье, — пояснил маг, — и теперь, как только наступает полнолуние, обращаются в зверей. Куда же они такие пойдут? Их растерзают. Люди боятся оборотней. Никто и слушать не станет, что мои подопечные и не оборотни вовсе, — Он снова замолчал, задумавшись, а потом продолжил: — Нет, никто не уходит. Даже приходят иногда.

— А помощник-то тебе зачем? — вдруг резко переменил тему юноша.

— А... — улыбнулся старик. — Я уже очень давно живу на этом свете. Скоро мне собираться в дальний путь. Должен ведь кто-то занять мое место. Ты неплохой парень. За долгие годы я научился видеть людей насекомыми. Жаль только, что по уму тебе можно дать лет пять-десять. Но это не твоя вина. Ум у тебя есть, только никто не развивал его. Хочешь попытаться?

Фартан кивнул, едва скрывая обиду. Сравнить его, такого умного и сообразительного, с пятилетним ребенком! А еще говорил, что видит людей насекомыми. Ничего он не видит дальше

собственного носа! Ладно. Тут, похоже, есть чему поучиться. А старик пусть себе думает что хочет. Скоро сам убедится, как ошибся в своем новом ученике и помощнике.

— Ты не обижайся, — вдруг, словно прочитав его мысли, сказал Лемпситет. — Мы сейчас нуждаемся друг в друге. Ты — в моих знаниях и умениях, я — в твоей силе и молодости. Мы с тобой таких дел понаделаем!

— А как нас будут уважать и ценить, — подхватил Фартан, — какие богатства лягут к нашим ногам!

— Богатства? — нахмурился старик. — Зачем они? Разве ты можешь носить две пары штанов сразу? Или есть двумя ложками? Поверь мне, сынок, единственное, что имеет в этом мире ценность, это знание. У последней рубашки нет карманов. Ничего ты не унесешь в иной мир. В дальний путь надо уходить с тем, что сумел обрести внутри себя.

Фартан не стал возражать. Что толку спорить с дряхлым стариком, которому уже давно ничего не надо от жизни и который вплотную подошел к последней черте? Главное — научиться у него исцелять недуги. А потом... Потом его, Фартана, ждут почет и деньги, а маг пусть лелеет свои идеалы.

Юноша надолго остался в доме Лемпситея. Сначала старик доверял ему лишь самую простую работу по дому, затем постепенно начал показывать травы, корешки, камни, объясняя при этом, от какого недуга они могут помочь при умелом обращении с ними. Фартан изо всех сил старался угодить учителю, но лишь великое терпение старого мага и его отстраненность от суетного мира были причиной того, что безалаберный бритуниец не пошел прочь своей дорогой уже через несколько дней. Лемпситет с радостью выгнал бы неудачного ученика, ибо прекрасно понимал, что, сколько ни старается, мага из него никогда не выйдет. Но прожитые годы все чаще давали о себе знать, а коринфийцу вовсе не хотелось собираться в последний путь, не передав хоть кому-нибудь своих знаний. Он считал, что если сумеет сделать из Фартана врачевателя средней руки, то хотя бы малая толика того, чему он посвятил свою жизнь, не пропадет.

Фартан же, видя, что никогда не сможет подняться до своего учителя, винил в этом только старика. Он думал, что Лемпситет просто не хочет посвящать его в самые сокровенные тайны, и потому однажды, когда маг отправился в лес на поиски очередной редкой травки, нахальный юнец решил забраться в святая святых — в комнату, куда учитель еще ни разу не пускал его.

Убедившись, что старик достаточно удалился от дома, Фартан поспешил к вожделенной цели. К его величайшему удивлению, дверь в тайную комнату открылась от легкого толчка, ибо никаких замков на ней не было. Шагнув через порог, юноша замер, с восторгом озираясь по сторонам. Посреди комнаты стоял большой стол, заставленный всевозможными плошками, мисками, стеклянными сосудами разной высоты.

Все эти емкости были заполнены либо разноцветными морошками, либо различными жидкостями. На стенах висе-ми полки, такие широкие, что на каждой вполне мог бы разместиться взрослый человек. На полке возле окна стояли толстые книги в потрепанных кожаных переплетах и лежала целая гора пожелтевших от времени свитков. На соседней полке были грудой навалены камни, которые старик сопи рал в горах, на других возвышались пучки трав, цветов, веточек, принесенных из леса в строго определенное время. Затаив дыхание, Фартан осторожно взял в руки одну из книг и наугад открыл ее. Полупрозрачные страницы из тончайшей бумаги покрывали сложные черные значки, расположенные столбиками. Лемпситет, обучая своего ученика грамоте, рассказывал ему о кхитайской

письменности, И юноша понял, что книга, которую он держит в руках, написана в той далекой загадочной стране. Полистав странички и полюбовавшись на изящные значки, Фартан вернул книгу на место и взял следующую. В ней оказалось полно рисунков с подписями на совершенно неизвестном ему языке, но, сколько юноша ни силился, в рисунках он тоже разобраться не смог.

Он перебрал почти все книги, не переставая изумляться глубине и размерам познаний Лемпситея, но даже ни на миг ему в голову не пришла мысль, что ему, Фартану, это не дано. Он просто все больше и больше сердился на старика за то, что тот плохо его обучает. Наконец Фартан окончательно убедился, что не найдет в книгах ничего для себя интересного, и принялся рассматривать камни и травы. Оннюхал их, растирал в пальцах, пробовал на зуб, лизал, но великое озарение, на которое он надеялся, почему-то не приходило.

Тогда Фартан перешел к столу. Протянув было руку к одному из стеклянных сосудов, наполненному прозрачной жидкостью ярко-зеленого цвета, юноша вдруг испугался, не яды ли готовят тут его учитель. Оглядевшись по сторонам, Фартан быстро отыскал тоненькую палочку, изготовленную не то из стекла, не то из камня, и начал медленно погружать ее в сосуд. К его глубокому разочарованию, ничего не произошло. Тогда этой же палочкой он быстро-быстро размешал жидкость в другом сосуде, с темно-бордовой смесью, и оттуда повалил густой, резко пахнущий дым. Испугавшись, Фартан вынул палочку, и дым тут же исчез.

Юноша долго развлекался, помешивая и потряхивая жидкости и порошки, наблюдая, как они меняют цвет и запах, пока не наткнулся на темно-зеленый флакон удивительной красоты, вырезанный из огромного драгоценного камня. Во флаконе явно что-то лежало, но он был так плотно закрыт фигурной золотой пробкой, что Фартан трижды вспотел, пытаясь открыть ее, но так ничего и не добился. Другой бы на его месте давно оставил бесплодные попытки, но Фартан был не только любопытен, он еще и непомерно упрям.

Сев на лавку, он принялся вертеть флакон в руках, внимательно рассматривая его со всех сторон. И его старания увенчались успехом. На пробке чем-то очень острый и очень тонкий была нацарапана надпись. Буквы показались юноше знакомыми, и он медленно, с большим трудом прочитал фразу, показавшуюся ему бессмысленной. И, едва он произнес последнее слово, пробка выскоцила из флакона, словно кто-то вытолкнул ее изнутри. Подставив ладонь, Фартан вытряхнул несколько крупиц нежно-розового порошка. От него шел такой приятный запах, что юноша не удержался и слизнул порошок. И хотя при этом ничего не произошло, он испугался так, что чуть не выронил флакон. Быстро вернув пробку на место, Фартан положил флакон на стол и выбежал из комнаты.

Вечером вернулся Лемпситет. Смерив своего ученика долгим взглядом, старик усмехнулся, но промолчал, а юноши не осмелился рассказать ему о том, что произошло.

— Разбери травы и повесь их сушиться, — приказал маг Фартану. — Через три дня наступит полнолуние, а значит, мои пациенты снова сменят облик. К этому времени я имеюсь изготовить снадобье, которое избавит их от превращений навсегда. Они больше в этом не нуждаются. Оповести всех, чтобы во второй день полной луны они явились ко мне.

Три дня старик почти не выходил из своей заветной комнаты, составляя лишь ему ведомое снадобье. Фартан тоже трудился не покладая рук, выполняя поручения учителя: толок коренья и камни, приносил воду из горного ручья, расположенного в трети дня пути от селения, подавал Лемпситею книги, на которые тот указывал, и даже отмерял точные

порции разных порошков и жидкостей. Изо всех сил он пытался понять, как из всего этого может получиться чудодейственное зелье, но так и не смог, а Лемпситея хоть и не таился от ученика, но и ничего ему не пояснял.

Вечером накануне полнолуния старый маг позвал Фартана и сказал ему:

— Ты славно потрудился. Можешь пойти прогуляться, только не уходи далеко от дома.

— А что со мной может случиться? — удивился Фартан. — Я уже настолько хорошо знаю окрестности, что без труда найду дорогу домой. Крупных хищников тут нет, а мелких я нисколько не боюсь.

— Все бывает, — загадочно улыбнулся старик. — Просто будь осторожен.

Юноша принял предостережение учителя за его очередное чудачество и, пожав плечами, смело направился к горам, захватив с собой небольшой железный ломик. Несколько шёл назад, когда Фартан ходил за водой, он по пути заглянул в небольшую пещерку, где обнаружил удивительной красоты камни, которые, казалось, росли прямо из земли. Сейчас, пользуясь тем, что у него появилось немного свободного времени, он хотел отколоть хотя бы маленький кусочек и показать его магу. А вдруг эти камни редкие и потом их можно будет продать кому-нибудь за большие деньги. Смеркалось, но Фартан безбоязненно шёл вперед, ибо, как он и сказал старику, ничего и никого не боялся, а дорогу знал настолько хорошо, что и темнота ему не была помехой. Тем более сегодня ожидалась полная луна, а она обычно светила так ярко, словно кто-то зажигал большие факелы. Быстро добравшись до пещеры, юноша присел возле входа, положив у ног ломик, и замер, любуясь прекрасным ночным светилом, выглянувшим из-за небольшой тучки и заливавшим все вокруг волшебным серебристым светом. Вдруг с Фартаном стало происходить нечто такое, что заставило его забыть и о великолепной луне, и о пещере, и о сверкающих камнях, таившихся под ее сводами.

Тело его стало съеживаться и быстро покрываться густой светло-серой шерстью с ярко-рыжими пятнами. Он попытался вскочить на ноги, но сумел только встать на четвереньки и с изумлением увидел, как его сильные руки с широкими кистями и длинными, немного узловатыми пальцами сжимаются в кулак и с невероятной скоростью превращаются в звериные лапы. Он вскрикнул, но вместо крика из его горла вырвался отрывистый тонкий лай. Превращение закончилось. Там, где несколько мгновений назад сидел Фартан, теперь крутился юлой, то повизгивая, то поскаливая, забавный и симпатичный беспородный пес с висячими лохматыми ушами и пушистым хвостом, круто загибавшимся кверху.

Неожиданно изумление и испуг в душе юноши-пса сменились всепоглощающим восторгом. Он радостно запрыгал, ловя широкими ноздрями черного блестящего носа новые, доселе неведомые ему запахи, потом повалился набок и начал кататься по земле, смешно дрыгая ногами. Затем он вскочил и со всех ног пустился бежать, не разбирай дороги, то останавливаясь, чтобы принюхаться к чьим-то следам, то снова бросаясь вперед. Вот из-за камня выглянул маленький зверек со смешной добродушной мордочкой и, увидев, что прямо на него несется собака, ринулся прочь. Игровая дворняжка, решив, что ее приглашают побегать наперегонки, рванулась за зверьком. Тот запетлял, убегая, и в конце концов скрылся среди камней.

Пса это нисколько не огорчило, потому что его чуткие ноздри вдруг уловили какие-то на редкость заманчивые запахи, и он весело побежал туда. Так, шалея от воли и новых впечатлений, носился он почти до рассвета, пока, устав, не напился воды из маленького ручейка и не повалился спать на его берегу.

Первые лучи еще нежаркого ласкового утреннего солнца пощекотали плотно закрытые веки, и Фартан гут же открыл глаза. От веселой дворняжки не осталось и следа. Но об этом он сейчас совсем не думал. Главным было то, что ночью, полностью отдавшись незнакомым прежде чувствам и ощущениям, он забежал так далеко, что окончательно заблудился и теперь понятия не имел, где находится. Наскоро умывшись холодной водой из ручья, на берегу которого проснулся, Фартан встал и огляделся по сторонам. За ночь он пробежал такое большое расстояние, что миновал перевал, и теперь далеко внизу простиралась долина, на которой крошечными точками выделялись домики небольшого селения, расположенного уже в Заморе.

Даже не пытаясь отыскать дорогу домой, Фартан начал спускаться вниз, совершенно не представляя, что ожидает ого впереди. А ожидали его несколько лет скитаний по Заморе, где он начал практиковать врачевание и даже добился вполне приличных успехов. И все бы ничего, и, может, он поселился бы этой стране, но каждый раз с приходом полнолуния ему приходилось прятаться от людей, чтобы никто не догадался, что веселая и привязчивая дворняга, время от времени прибывавшая к запоздалым путникам, и есть спокойный и приветливый молодой врачеватель, так ловко снимавший боль с помощью своих чудесных снадобий.

Однажды, увязавшись за торговым караваном, Фартан ушел из Заморы и попал в Туран. И тут он то лечил страждущих, то скрывался от любопытных глаз, то несся куда-то, помахивая лохматым хвостом и предлагая всем встречным свою честную собачью дружбу. Так добрался он до Шандарата.

Шумный торговый город, в котором царили суета и яркие краски многочисленных базаров, оказался на редкость подходящим местом для Фартана. Услуги врачевателей тут неплохо оплачивались, и вскоре он смог построить для себя крошечный домик на самой окраине, где селились небогатые ремесленники. Он никогда не принимал больных у себя дома, а то, что время от времени веселый и доброжелательный лекарь не показывается на людях, никого не волновало. В таком большом городе соседи плохо знали друг друга и не интересовались тем, что происходит в чужих домах.

Прошла пара лет, и однажды на базаре, где у Фартана было свое постоянное место, к нему подошла немолодая уже женщина.

— Ты врачеватель Фартан? — спросила она.

— Да, — важно кивнул лекарь, радуясь в душе, что молва о нем идет по всему городу.

— Моя госпожа занемогла, — сказала посетительница. — У нее сильный жар, а все тело болит так, словно ее били толстыми плетьми. Не согласишься ли ты пойти со мной и взглянуть на нее?

— А кто твоя госпожа? — на всякий случай поинтересовался Фартан.

— Прекрасная Амарис, — гордо ответила женщина.

— Прекрасная Амарис! — вскочил на ноги врачеватель. — Ты еще спрашиваешь, пойду ли я за тобой! Такой красоты не должны касаться недуги. Я с радостью помогу ей.

Знал бы он, что ждет его впереди, на миг бы почувствовал, как все получится, шагу бы не ступил за пожилой посетительницей. Но, увы, только избранным дано провидеть грядущее. Фартан собрал мешочки с травами и кореньями и с готовностью отправился в роскошный дом заболевшей красавицы.

Он долго ухаживал за Амарис, несколько дней и ночей не отходя от ее ложа и пытаясь вырвать несчастную женщину из объятий недуга, пока наконец на ее нежные щеки не начал

возвращаться здоровый румянец. Надо ли говорить, что сердце Фартана наполнилось такой любовью к Амарис, что он с радостью остался бы в ее доме, обратившись в коврик, о который она вытирает ноги. Но судьба оказалась благосклонной или, наоборот, чересчур жестокой к молодому лекарю. Его самоотверженность, неизменная приветливость и добрый нрав тронули сердце этой по-мужски сильной и своеобразной красавицы, пробудили в ней нежность и желание заботиться о Фартане. А когда он поведал ей свою историю, Амарис прониклась к нему такой жалостью, что не захотела ни на миг отпускать его от себя.

Не прошло и трех месяцев после выздоровления Амарис, как блистательный Шандарат заговорил о ее новой свадьбе. Уступая просьбам жениха, она согласилась провести обряд по бритуйским обычаям. В назначенный день Амарис облачили в белоснежную рубашку, вышитую синими и красными цветами, и ярко-алый свободный сарафан, а в роскошные волосы, заплетенные в две толстые косы и уложенные вокруг головы высокой короной, вплели множество свежих полевых цветов. В этом наряде она напоминала богиню, спустившуюся в небес, чтобы принять участие в милых девичьих играх.

Фартан, ошелевший от счастья, никого и ничего не замечал вокруг, не сводя глаз со своей ослепительной невесты. Если бы его спросили, как прошла свадьба, он не вспомнил бы ничего: ни подписания брачного договора у судьи, ни разгульного веселья гостей, ни роскошных подарков, сложенных к ногам новобрачных, ни прощания с гостями, когда они наконец-то остались его и Амарис наедине. В его памяти остались лишь шелковистые волосы, струившиеся по белоснежным округлым плечам, высокая, упругая грудь, вздывавшаяся от прерывистого дыхания, и невыразимый восторг от слияния душ и тел.

Потом они сидели на крыльце и смотрели в бархатное темно-синее небо, на котором загорались крупные веселые звезды. Смотри, — говорила Амарис, заливаясь счастливым смехом, — они улыбаются. Им тоже хорошо вместе. Какая дивная ночь! А луна... Ты только взгляни, какая светлая луна, какая она огромная...

— Конечно, огромная, — улыбаясь, кивал головой Фартан, — ведь сегодня же полнолуние.

Вдруг он замолчал, словно молния поразила его. Амарис тоже замерла. Затем они взглянули друг на друга и в один голос произнесли:

— Полнолуние!

И тут на глазах у молодой жены ее ласковый и влюбленный муж начал превращаться в собаку. Другая женщина уже лежала бы в обмороке, но Амарис обладала железной волей и твердым характером, а нервов, похоже, у нее вообще не было. Положив легкую, изумительной красоты руку на голову пушистой дворняжки, она нежно улыбнулась:

— А ты не говорил, что обращаешься в такого чудного песика. Не печалься. Собак я люблю ничуть не меньше, чем людей, а может, еще и больше. К тому же полнолуние ведь не вечно...

Новобрачный преданно взглянул ей в глаза и изо всех сил завилял хвостом.

— Да ведь я и не простой пес, — сказал он. — Даже в этом обличье я не устану говорить о своей любви к тебе. Никто из твоих питомцев, к которым ты относишься с такой нежностью, на это не способен.

Амарис засмеялась, а Фартан, окрыленный своими чувствами, рванулся в сад и побежал к сторожевым псам, уже выпущенным из клеток на ночь.

— Эй, вы! — кричал он, подбегая к громадным зверюгам. — Кто из вас может, как я, крикнуть своей хозяйке, что она лучше всех на свете?!

Но четвероногие охранники не ответили ему. Просто один, самый крупный и самый свирепый, прыгнул навстречу Фартану и в один миг сомкнул челюсти на его горле. Второй раз замужество Амарис сменилось вдовством всего через несколько часов. Даже ее стальные нервы не выдержали, и несчастная женщина потеряла сознание.

* * *

На сей раз Конан не смеялся. Словно ища подтверждения едва шевельнувшейся где-то в подсознании догадки, он поиском глазами, нет ли среди лежавших у ног Амарис серого пса с рыжими пятнами. Так и есть! Вот он, положил голову на лапы и едва пошевеливает кончиком толстого хвоста. Повернувшись к Амарис, варвар спросил:

— А как зовут этого пятнистого красавца?

Женщина испуганно взглянула на него и с небольшой заминкой ответила:

— Фални. А почему он тебя заинтересовал?

— Просто он кажется спокойнее остальных, — пожал плечами киммериец, стараясь не смотреть Амарис в глаза. — Они все такие настороженные, а этот...

— Да, — встрепенулась женщина, — у Фални необычный для мастифов характер. Он добрый. Но это, — тут же добавила она, — вовсе не значит, что он не годится для сторожевой службы. Наоборот. С ним легко договориться. Только бойцовой собаки из него никогда не получилось бы. Да я к этому и не стремилась. Ни один из этих пяти псов никогда не выходил на ринг. Они рождались такими... исключительными... В общем, я сразу решила оставить их на развод.

— Ладно, — сменил тему Конан. — Что-то мы засиделись в каюте. Давай выйдем на палубу. Вечер обещал быть тихим и теплым.

Они долго стояли у борта, любуясь игрой волн и блеском отражавшихся в воде звезд. Амарис старалась казаться беспечной и много говорила, откликаясь громким смехом на каждую, даже самую тусклую, фразу своего спутника. А он, наоборот, говорил мало, и по упрямой морщине, которая залегла посреди его открытого лба, было ясно, что Конан напряженно о чем-то думал.

Глава VI

Тихое, спокойное утро не предвещало беды. Ласковое тепло солнечных лучей, постепенно превратившееся в томную жару, разморило пассажиров, и они лениво бродили по палубе, словно сонные мухи, или дремали в каютах, и даже матросы, казалось, не спешили выполнять команды кормчего, а танцевали какой-то плавный танец. И только Арам, стоя у руля, напряженно вглядывался в даль, туда, где от горизонта на смену легким белым облачкам поднимались светло-серые тучи.

— Идет шторм, — сказал он стоявшему рядом Конану.

— Какой шторм? — удивился киммериец. — Даже ветра нет. Посмотри, паруса повисли, как щеки ростовщика.

— Тем страшнее может оказаться буря, — нахмурился кормчий. — Ты даже не представляешь, каким грозным бывает Вилайет.

— Еще как представляю! — воскликнул Конан, вспомнив, в какой кошмар довелось ему попасть по пути в Шандарат.

Тогда погиб «Ильбарс» — стодвадцативесельная галера, гордость Туранского флота, налетев на Драконью Челюсть, скалистую гряду в северной части Вилайета. Из всех находившихся на корабле выжил только Конан. То, что с ним приключилось позже, когда он попал на борт летающего корабля, свободно путешествовавшего по разным временам, словно по тихой водной глади, нестерло из его памяти грохота вздымающихся волн, треска разлетавшихся на щеп-досок и предсмертных криков друзей.

— Еще как представляю, — тихо повторил он и добавил: — Хотелось бы мне верить, что ты можешь ошибаться. А если нет, да пребудет с нами милость Митры.

Словно отвечая на его слова, неожиданно налетел сильный порыв ветра и резко толкнул корабль вперед. Облака о бешеной скоростью понеслись по небу, и вскоре их сменили сначала светлые, а потом тяжелые свинцовые тучи. Унылое завывание ветра постепенно перешло в грозный гул, поднялись высокие волны, которые то подбрасывали нудно вверх, то стремительно бросали его вниз. Купцы поспешили укрыться в каютах, так как на палубу то и дело пани обрушивались потоки холодной воды, и находиться имней стало небезопасно.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? — крикнул Конан

Араму, стараясь перекричать вой ветра.

— Нет. У меня опытная команда. Справимся сами. Ты лучше побудь с нашей пассажиркой. Успокой ее.

Киммериец кивнул и поспешил в каюту Амарис. К его приятному удивлению, женщина не выглядела ни особо испуганной, ни растерянной, хотя бледность, залившая ее щеки, говорила о том, что чувствует она себя не так хорошо, как старается показать.

— Мы погибнем? — спросила она дрогнувшим голосом.

— Чушь какая! — воскликнул Конан. — Это еще не настоящая буря. Так, непогода. Арам уверен, что его команда боа труда справится.

— Мне обязательно надо попасть в Туран. Я не могу погибнуть, — словно не слыша слов варвара, продолжала Амарис.

— Успокойся, — Конан присел рядом с ней и прижал ее к своей могучей груди, словно маленького ребенка. — Все будет хорошо. Такие бури не бывают долгими. Это совсем не опасно. Иначе люди и вовсе перестали бы плавать по морям.

— Да, да, конечно, — поспешило согласилась Амарис, но в тот миг ветер так сильно толкнул корабль, что он чуть не опрокинулся, и в широко открытых желто-зеленых глазах промелькнуло ужас.

— Знаешь что, — нарочито весело предложил Конан. — Расскажи-ка мне лучше о твоем третьем муже. Он походил на кого-нибудь из двух первых?

— Нисколько, — наконец-то улыбнулась Амарис. — Урихар был купцом из Шема, и...

— Купцом из Шема? Пройдоха, наверное, каких свет не выдавал!

— Отнюдь, — обиделась женщина. — Мы же договорились, что ты не будешь смеяться.

— О купце из Шема речи не было, — расхохотался Конан. — Ну ладно, ладно, не обижайся. Я буду внимательно слушать. Ни словечка не пророню.

* * *

Сидя на пороге своей торговой лавки и глядя на проходивших мимо людей, которые почему-то вовсе не спешили раскупить у него все товары, Урихар частенько подумывал о том, что его предкам повезло несравненно больше, чем ему. Когда праапрадед Урихара пришел в Асгалун из далекой северной Акбитании, тот был столицей объединенного Шема и блестал, как и подобает крупному процветающему городу. Далекий предок легко и быстро освоился в столице и вскоре стал одним из наиболее ловких и удачливых купцов. Дело росло и процветало до тех пор, пока Шем снова не превратился в страну, состоявшую из отдельных городов-государств, постоянно соперничавших друг с другом. Правда, торговля и после этого не угасла, ибо каждый город славился различными изделиями и остро нуждался в том, что производили соседи. Именно поэтому недавно умершие родители Урихара оставили наследнику немалое состояние и довольно прочные связи. Но сейчас, чтобы успешно торговаться, приходилось много времени находиться в пути, перемещаясь в разные края, а в родном городе покупателей осталось не так уж много.

Да и о былом величии Асгалуна напоминали теперь лишь грандиозные каменные монументы. Роскошных домов, из которых некогда состояла столица, почти не осталось, и хоть город стал центром самого большого государства в Шеме, Пелишти, здесь гораздо чаще можно было видеть жалкие полуразваленные хижины, чем прочные и удобные дома, говорившие о достатке и благополучии хозяев.

Урихару недавно минуло двадцать лет. В любой другой стране к этому возрасту мужчина уже обладал достаточным опытом, чтобы жить самостоятельно, но в большинстве шемитских семей было принято опекать своих отпрысков как можно дольше, и потому молодой купец, оставшись без родителей, чувствовал себя, мягко говоря, неуверенно. Однако натуре своей он был человеком деятельным и жизнерадостным, так что вовсе не собирался долго предаваться ши унынию. К его глубочайшему изумлению, торговля шла совсем не так бойко, как у отца, и Урихар начал подумывать о том, что пришла пора сниматься с насиженного места и отправиться в чужие края в поисках удачи и богатства. Денег, оставленных родителями, вполне хватало на то, чтобы приобрести немало товаров и снарядить караван. Однако Урихар не хотел в точности идти по стопам степенного и рассудительного родителя и потому решил нанять корабль и попытать счастья в других странах.

Благодаря тому, что Пелишти занимал обширную территорию на юго-востоке Шема, а

Асгалун располагался на самом берегу моря, с этим государством охотно имели дола аргосцы и зингарцы. Сначала Урихар собирался закупить в Гхазе или Кирое их знаменитое вино и выгодно продать его в Зингаре, но потом передумал и решил, что лучше будет приобрести прекрасное оружие и доспехи в Акбитании, издавна славившейся умельцами-кузнецами, и переправить этот дорогостоящий товар на юг, куда-нибудь п Черные Королевства. Жители этих стран, по слухам, купились в золоте и ценили его очень низко. А может, вовсе и не этих стран? Нет, от точно слышал от каких-то заезжих купцов, что золото и драгоценные камни всегда везут откуда-то с юга.

Как бы там ни было, но чем больше Урихар думал о своей дальнейшей жизни, тем сильнее ему хотелось отправиться в далекое путешествие, повидать мир, испытать себя, удостовериться в своей ловкости и умении купить за медную монету, а продать за три золотых. И вот однажды, решительно заперев свою лавку, купец пошел на базарную площадь, чтобы внимательно осмотреть привозной товар, прицениться и выбрать то, на чем собирался сделать огромные деньги.

Торги в этот день шли вяло. Урихар долго разглядывал пестрые, яркие ткани, высокие изящные кувшины, с видом знатока пробовал различные вина, ощупывал одежду, сшитую из прекрасно выделанной кожи, взвешивал на руке легкие, тонкие кинжалы и тяжелые, отделанные замысловатой чеканкой мечи.

В конце концов, изрядно умаявшись, он договорился с несколькими торговцами, и к вечеру в дальней комнате его лавки уже горой возвышались тюки с разнообразнейшей материей, в отдельном ящике лежали мелкие дешевые безделушки, а в стороне от всего этого были сложены стальные мечи в кожаных ножнах, кинжалы с богато отделанными и совсем простыми рукоятями и блестящие медные щиты, на которых были изображены сцены никому не известных битв. Товар был готов к отправке, и оставалось лишь подыскать подходящее судно с опытной командой, а затем назначить день отплытия и решительно тронуться в дальний путь.

Асгалун — самый большой морской порт Шема, и потому обычно тут собиралось такое множество кораблей, что Урихар, спустившись к гавани, оторопел. Оыта морских путешествий у него не было, и он полдня бродил по берегу, с интересом рассматривая легкие быстроходные галеры, кругобокие солидные купеческие парусники, шустрые десятивесельные лодки и тяжелые военные корабли, совершенно не представляя, какое судно больше всего подойдет для его целей. Слегка притомившись, он зашел в шумный припортовый трактир «Морская Дева», чтобы перекусить и выпить пару глотков вина. Присмотрев небольшой столик, стоявший в углу отдельно от остальных, откуда было удобно наблюдать за всем происходившим в трактире, Урихар заказал кусок мяса, тушенного с фруктами, и кружку красного гхазского вина. Шустрая черноволосая девчонка, зазывно вилявшая крутыми бедрами, увидев большую серебряную монету, поспешил выполнить заказ, и вскоре купец, с наслаждением смакуя прекрасно приготовленное блюдо, принялся рассматривать посетителей. Его внимание привлекли трое невысоких, но крепко сбитых мужчин, сосредоточенно поглощавших огромную рыбину, лежавшую перед ними на плоской деревянной тарелке. Их красные обветренные лица красноречиво говорили о том, что вся троица бывает на берегу гораздо реже, чем в море, а грубые широкие ладони, в которых мужчины крепко сжимали кружки с пивом, явно принадлежали людям, знакомым с тяжелым повседневным трудом.

Урихар долго присматривался к ним, пытаясь уловить обрывки разговора, и, когда до его

ушей донеслись названии Куша, Амазонии, Атлайи, окончательно убедился в том, что именно эти люди ему и нужны. Решительно поднявшись со своего места, купец направился к столику, за которым сидели приглядывающиеся ему морские волки.

— Прошу прощения, — обратился к ним Урихар, подойдя поближе.

Один из мужчин, самый молодой, темноволосый и кареглазый, с лицом отъявленного плуга, оторвался от еды и внимательно посмотрел на него. Затем он быстро переглянулся со своими товарищами и, уловив кивок одного из них, рукой показал на свободное место рядом с собой.

— Присаживайся, — пригласил он. — У тебя к нам дело?

— Да, — обрадовался Урихар. — Мне бы хотелось побеседовать с вами...

— Тогда садись, — не дослушал его кареглазый. — О делах стоя не разговаривают. И закажи чего-нибудь выпить.

Купец подозвал хозяина и попросил принести кувшин самого лучшего вина из его погребов, выложив за это две большие серебряные монеты. Бросив опытный взгляд на тую набитый кошелек, кареглазый едва заметно улыбнулся, но тут же принял сосредоточенно жевать стараясь скрыть невольную улыбку. Вино мгновенно появилось на столе, Урихар велел перенести сюда мясо и кружку с вином с его столика и заговорил:

— Меня зовут Урихар. Я купец. Живу в этом городе, но хотел бы совершил небольшое морское путешествие. Не знаете ли вы, к кому мне лучше обратиться, чтобы нанять подходящее судно, желательно с опытной командой. Я вполне могу оплатить услуги, если получу то, что мне нужно.

— Не знаем ли мы! — воскликнул кареглазый. — Ты, приятель, попал в самую точку. Мы и есть те люди, которые тебе нужны. Я Контамис, а это, — показал он на своих спутников, — Хадвио и Братумо. Мы избороздили столько морей, что никто из нас уже и не помнит, как называется та земля, где мы впервые увидели солнце. Куда ты хочешь плыть?

— Мне нужно в Черные Королевства, а может, и южнее, — поспешил ответил Урихар, с уважением глядя на разбойничью рожи Хадвио и Братумо.

— Считай, тебе повезло! — радостно отозвался Контамис. — Мы с друзьями как раз говорили о том, что давно не были в тех краях и не худо было бы туда прогуляться. А ты что забыл на юге, приятель?

— Я собираюсь торговать там. Товар уже закуплен.

— И что ты повезешь? — поинтересовался Хадвио, сверля купца пристальным взглядом крошечных, близко посаженных желто-зеленых глаз.

— Ткани, всякие безделушки, оружие, — пояснил Урихар.

— Оружие! — подпрыгнул Братумо. — Это как раз то, что нужно! — И, слегка сникнув под яростными взглядами Контамиса и Хадвио, добавил: — У тебя его там оторвут с руками. Ты сделал правильный выбор.

— Когда мы сможем отправиться в путь? — полюбопытствовал Урихар.

— Да хоть завтра, — ответил Контамис. — В порту ты увидишь нашу галеру. Она называется «Гроза морей». Мы договоримся с нашим главным, Челтреем, утром погрузим твой товар и сразу же выйдем в море.

— А Челтрей не будет возражать? — спросил купец.

— Что ты! — успокоил его Братумо, — Он с удовольствием перевозит купцов. Это его любимое занятие.

— И сколько я должен буду заплатить?

— Не дороже денег, — рассмеялся Контамис. — Договорившись с Челтреем.

Окрыленный удачей, Урихар простился с понравившимися ему морскими волками и спешил домой, чтобы наняться упаковкой товаров и нанять грузчиков. С утра пораньше он уже был в порту и, горя от нетерпения поскорее покинуть родные берега, наблюдал за погрузкой. Когда все было готово, он поднялся на борт, где его встретили вчерашние знакомые, быстро договорился с Челтреем о цене, показавшейся купцу смехотворно низкой, радостно пожал руку кормчему Дайабу, который тут же начал отдавать команды, и «Гроза морей», отчалив от берега, устремилась в открытое море.

Первый день плавания Урихар провел на палубе, ни разу не спустившись в каюту, которую капитан любезно предоставил щедрому пассажиру. Молодой купец жадно вдыхал свежий морской воздух, любовался игрой света и теней на невысоких волнах и с трепетным ожиданием вглядывался в даль, радуясь своей смелости и решительности, побудившим его отправиться в столь необычное для него путешествие. Богатое воображение рисовало Урихару чудесные картины. Вот он сходит на берег в далекой стране, где живут люди с черной кожей, и те восторженно приветствуют его, с благодарностью и трепетом рассматривают прекрасные товары и несут к кораблю горы золота и самоцветов, смущаясь от того, что не могут заплатить больше. Его, долгожданного торговца, приглашает властитель этой страны, и Урихар преподносит любимой жене владыки самые лучшие ткани, от вида которых у знайкой красавицы начинают блестеть глаза, и она одаривает гостя любовью и лаской. А еще может быть так. Мечи и кинжалы купит вождь угнетенного племени, и его воины завоюют свободу и независимость, а ему, Урихару, за неоценимую помощь даруют право единоличной торговли с только что образовавшимся государством-Ночью ему снились блестящие сны о том, как он становится самым крупным торговцем Шема, открывает все новые и новые лавки, приобретает несколько новых великолепных парусников, которые развозят его товары по всему миру, и сам Бел, покровитель воров, ослепленный его могуществом и несметными богатствами, запрещает своим почитателям посягать на имущество непревзойденного купца.

Прекрасное настроение не покидало Урихара, и он даже слегка огорчился, когда к концу третьего дня впереди показалась узкая полоска суши. Повернувшись к одному из членов команды, который случайно оказался рядом, Вицеро, удивленный купец спросил:

— Так быстро? Мне казалось, путешествие продлится намного дольше.

Смуглый, невысокий, состоящий словно из одних тугих мускулов уроженец далекой Коринфии, усмехнувшись, ответил:

— Не печалься, приятель. Для тебя путешествие только начинается.

Плененный своими радужными мечтами, Урихар не заметил злого огонька, блеснувшего в темных глазах Вицеро, и решил отыскать своих старых знакомых, чтобы подробнее порасспросить их, куда собирается пристать галера. Вскоре он наткнулся на Хадвио.

— Что это за земля? — поинтересовался Урихар.

— Вот высадимся на берег, все узнаешь, — оскалился Хадвио, но тут же, словно спохватившись, добавил: — Надо набрать пресной воды, а потом мы поплыем дальше.

Он явно выделил «мы», но шемит и на это не обратил внимания. Пожав плечами, он спустился в свою каюту, взял на всякий случай кинжал, а в поясной кошель положил несколько серебряных и золотых монет. Как знать, может, удастся приобрести на берегу какую-нибудь славную вещицу на память о дальних странах, чтобы питом показывать ее друзьям, удивляя их красочными рассказами о путешествии. Снова поднявшись на палубу, пи

увидел, что берег уже совсем близко, а Контамис и Братумо возятся у лодки, на дне которой лежит небольшой, но тяжелый мешок.

— Эй, приятель! — окликнул Урихара Контамис. — Поторопись! Сейчас спустим лодку на воду и пойдем к берегу.

Едва ступив на плотный, почти белый песок пустынного берега, Урихар изумился до глубины души. Зачем было останавливаться именно здесь, если до самого горизонта не видно ни малейшего признака человеческого жилья, ни крошечного ручейка, где можно было бы набрать воды, ни деревца, которое дало бы хоть горсть сладких, сочных плодов? Да и бочонков для воды, кажется, с собой не взяли. Все прояснилось очень скоро. Братумо, окинув Урихара с ног до головы тяжелым взглядом, сказал:

— Не знаю уж, приятель, повезло тебе или нет. Наш Челтрей — добрейшей души человек, он не любит лишней крови и потому велел не трогать тебя.

— Не трогать? — ошарашенно переспросил шемит.

— Угу, — кивнул Контамис. — Он даже приказал оставить тебе это. — И он указал на мешок, лежавший на дне лодки. — Так что забирай его и катись на все четыре стороны.

— Вы бросаете меня здесь? — прошептал Урихар. — Но почему? Я ведь заплатил Челтрею... Он сам назвал сумму... Если этого мало, я могу...

— Ничего ты не можешь, — грубо перебил его Братумо. — Бери мешок и радуйся, что остался жив.

— Но мои товары... — слабо сопротивлялся купец.

— С твоими товарами мы как-нибудь разберемся, — рассмеялся Контамис. — О них можешь не беспокоиться, они попали в надежные руки.

— Хватит болтать, — вмешался Братумо. — Пора возвращаться. Прощай, приятель! Будь счастлив.

И, оттолкнув лодку от берега, они прыгнули в нее и с проворством опытных мореплавателей заработали веслами. Лодка быстро удалялась от берега. Вот она пристала к борту галеры, Братумо и Контамис ловко вскарабкались на палубу, затем подтянули лодку, и «Гроза морей» отправилась своим путем. Урихар остался один. Совершенно обессиленный, он медленно опустился на песок и закрыл лицо руками. «Пропал!» — мелькнуло в мозгу шемита, и это было единственным, о чем он мог сейчас думать.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Урихар немного пришел в себя и снова обрел способность думать и действовать. Нельзя же было без конца сидеть на берегу и оплакивать свою участь. Все-таки он жив, у него есть кинжал и несколько монет, да еще и этот мешок... Он развязал завязки и невольно поблагодарил наглых разбойников, выбросивших его, словно ненужный хлам, на пустынном берегу: в мешке лежала большая бутыль, наполненная водой, несколько кусков вяленого мяса, полотняный мешочек с сухарями и небольшой топорик с довольно острым лезвием. Съев пару сухарей и запив их теплой, но показавшейся такой вкусной водой, Урихар поднялся на ноги и осмотрелся по сторонам.

Далеко впереди виднелась узкая полоска леса. Может, где-то там есть люди, которые помогут ему? Идти туда? Или подождать здесь, на берегу, не пройдет ли мимо корабль, который вернет его домой? Какое счастье, что он захватил с собой кошелек! Любой капитан с радостью доставит его в Шем за пару золотых монет. Любой? Урихар криво усмехнулся. Один корабль уже привез его неизвестно куда. Нет, лучше идти вперед. Подняв с земли мешок и туго затянув завязки, купец решительно зашагал к горизонту, все быстрее и быстрее удаляясь от моря.

Сгущались сумерки, когда Урихар подошел к совершенно незнакомому лесу. Таких необычных деревьев ему еще никогда не приходилось видеть, и шемит заколебался, не решаясь ступить под их сень на ночь глядя. После недолгих размышлений он все же немного вернулся назад и, выкопав небольшое углубление в прогретом под жаркими лучами солнца песке, устроился на ночлег. Стемнело быстро и шемит долго лежал, глядя в бездонное черное небо, ни whom от яркими алмазами зажглись крупные звезды. Они висели так низко, что, казалось, стоит протянуть руку, и можно коснуться тоненьких голубоватых лучиков, исходивших от них. Красота и величие ночи отвлекли Урихара от тяжких дум, и он постепенно погрузился в глубокий сон боа сновидений.

Когда первые лучи утреннего солнца позолотили верхушки деревьев, молодой купец открыл глаза и сразу вспомнил, какая беда постигла его. Но он был молод, ему еще никогда не приходилось страдать и бедствовать, и потому он не мог постичь всей глубины свалившегося на него несчастья, а значит, и не стал долго предаваться унынию. Наскоро позавтракав, стараясь экономить жалкий паек, выданный ему бандитами, он поспешил к лесу.

Густой кустарник окружал джунгли, словно специально посаженная живая изгородь, а прямо перед Урихаром росли два удивительных дерева. Тонкие стволы с выпуклыми гранями венчали короткие ветви с крупными листьями, расположенные веером, а над ними, как остро отточенные мечи, торчали прямые отростки не менее восьми локтей в длину. Буйное воображение тут же нарисовало шемиту грозных стражей, которые сейчас спросят его, зачем он явился в их мир. Он робко шагнул вперед, втянув голову в плечи, словно ожидал резкого окрика, но ничего не произошло, и лишь колючий кустарник вырвал из его куртки несколько лоскутов, как будто взял плату за вход.

Отсутствие опыта, как это ни странно, сильно помогало Урихару. Не зная, откуда можно ожидать опасность и какова она, нельзя чего бы то ни было сильно бояться, и потому купец все шел и шел вперед, углубляясь в джунгли все больше. Ползучие растения неимоверной, с точки зрения шемита, толщины (порой не меньше его тела в обхвате) обивали прямые, гладкие стволы деревьев, сплетаясь где-то далеко наверху и свисая огромными петлями, которые запросто могли выдержать вес нескольких взрослых мужчин. Верхушки деревьев скрывал утренний туман, и Урихару порой казалось, что он идет не по лесу, а по какой-то чудовищной колоннаде, построенной некогда великанином, но давно заброшенной и успевшей заросли травой и кустами.

То тут, то там мелькали крошечные ручейки, но вода в них была не чистой и прозрачной, как на родине шемита, а темной и почти неподвижной. Встречались и небольшие лужицы со стоячей водой, которую покрывал толстый слой плесени, источавшей мерзкое зловоние. Стоял полумрак, ибо солнце не могло пробиться сквозь густую листву, и лишь на изредка попадавшихся маленьких полянках оно светило так ярко, что Урихар невольно жмурился и спешил снова укрыться под перепутанными между собой кронами, едва бросив быстрый взгляд на великолепные цветы, обильно покрывающие поляны. Красные, оранжевые, сияющие-желтые, бледно-сиреневые, белые — такой красоты шемиту еще никогда не приходилось видеть, но сейчас он с радостью променял бы все это великолепие на надежный кров и кружку горячего терпкого чая.

Огромные папоротники высотой в три-четыре человеческих роста вставали на пути, и тогда приходилось идти в обход, так как кинжал не мог справиться с их упругой и плотной мякотью. Высокая трава доходила порой до пояса, а иногда даже укрывала путника с головой,

выставляя неожиданно длинные, толщиной в палец колючки, которые больно ранили тело.

Решившись передохнуть на одной из полян, Урихар тут же пожалел об этом. Стоило ему присесть, привалившись спиной к гладкому теплому стволу, как злобные насекомые напали на него с двух сторон: откуда-то сверху налетели страшные черные осы с длинными жалами, а снизу неожиданно появились крупные темно-красные муравьи с крепкими челюстями, жадно вырывавшими куски человеческой плоти.

Оглашая влажный воздух пронзительными воплями, шемит кинулся прочь с поляны и больше не повторял своей ошибки. Он несся, не разбирая дороги, пока не остановился, убедившись, что мерзкие черные насекомые больше не преследуют его. Оглянувшись по сторонам, он увидел, что попал в совершенно непроходимую чащу. Деревья, и прежде поражавшие Урихара своими размерами, тут и вовсе были гигантскими, в несколько обхватов. Крупные липши и серо-зеленые высокие мхи плотным слоем покрытии стволы и корни лесных исполинов, источая тяжелый запах сырости и гниения. Причудливо изогнутые корни вставали стеной, местами в пять-шесть локтей в высоту, два прикрывая глубокие ямы, походившие на пещеры подземных демонов. Они переплетались так густо, что несчастному путнику приходилось либо осторожно перелезать через них, либо искать обход по узким извилистым коридорам. Под ногами противно пружинили полусгнившие ветки, листья, засохшие от недостатка воздуха и простора молодые побеги. То и дело откуда-то сверху на Урихара сыпалась липкая труха или, что еще хуже, падали и острые слизняки, оставлявшие на открытой коже следы ожогов.

Дышать сырым и душным воздухом было чрезвычайно трудно, но путник упрямо пробирался вперед вовсе не потому, что был силен и смел. Как раз наоборот, при мысли, что ему придется заночевать в этом страшном месте, словно бы созданном каким-то свихнувшимся черным магом, у шемита кровь леденела в жилах, и он прибавлял шагу, стремясь поскорее выбраться отсюда. Местность постепенно повышалась, и Урихар начал надеяться, что непроходимые заросли вот-вот закончатся, однако лес становился все гуще и гуще. Порой путнику приходилось опускаться на четвереньки, чтобы преодолеть очередное препятствие, но он все-таки не сдавался.

Подъем закончился, и, уловив где-то внизу едва различимый шелест воды, шемит начал медленно спускаться. Становилось прохладнее, тело саднило от множества мелких ранок, но вода плескалась все громче и громче, и это придавало Урихару сил. Наконец его взору открылась крошечная долинка, со всех сторон окруженная высокой стеной леса, посередине которой протекала небольшая быстрая речка. Собрав остатки сил, Урихар дополз до берега и тут же заснул как убитый.

Проснулся он от сильного голода, словно кто-то железной рукой изо всех сил сжал его желудок, и вспомнил, что весь вчерашний день почти ничего не «ел». Дрожавшими руками он кое-как распутал завязки мешка, который чудом не потерял, пробираясь сквозь дебри, и с наслаждением опустил в рот кусочек вяленого мяса. В этот миг ему казалось, что ничего вкуснее он никогда не пробовал. Несколько сухарей и пара глотков воды, последовавшие за мясом, заметно прибавили ему сил, и Урихар, оглянувшись, задумался, что делать дальше.

На противоположном берегу речки возвышалась гора, поросшая лесом, сзади был кошмар, едва преодоленный путником вчера, справа и слева от долины виднелись все те же заросли. Выбор невелик, но не оставаться же тут, у реки, навсегда. Вчера ему еще повезло: ни хищные звери, ни ядовитые змеи не встретились на пути, — но кто знает, не приходят ли какие-нибудь кровожадные твари сюда на водопой. Будь у него хоть немного опыта, он без

труда заметил бы и примятую траву на берегу, и изрытую ногами и лапами животных глину на мелководье и понял бы, что его опасения не напрасны. Но даже не видя всего этого, Урихар понимал, что долго оставаться здесь не следует, а надо попытаться найти в этих диких местах людей, ведь не может быть, чтобы во всей округе не нашлось ни одного человека, который согласился бы приютить одинокого путника.

Кряхтя от боли в измученных мышцах, Урихар поднялся и побрел куда глаза глядят, ибо ему было все равно, куда идти. Совершенно не задумываясь, почему он так поступает, шемит направился влево, по течению реки, и, видимо, боги, которым надоело смотреть на его страдания, смилостились над ним. Лес, в который он поначалу углубился, быстро кончился, и на противоположном берегу реки открылась бескрайняя степь, напомнившая Урихару ухоженный фруктовый сад: среди высокой шелковистой травы на небольшом расстоянии друг от друга стояли низкие деревья, словно специально посаженные человеком. По ней к самой воде шла широкая тропа, проложенная какими-то крупными животными. Огромные следы почти круглой формы говорили о таких размерах неведомого зверя, что шемит решил подождать возле высокой груды черных камней, наваленных на берегу, и осмотреться.

Вскоре послышался странный звук, словно кто-то бил в землю тяжелой деревянной колотушкой, и изумленному взору путника предстало зрешище, доселе никогда им не виданное. К реке приближалось животное, похожее на серую гору, опиравшуюся на четыре массивные колонны. Спина зверя была чуть прогнута, плоский лоб, срезанный назад, вполне мог служить подставкой под большой котел, огромные уши разевались на ветру. Ничего не выражавши я морда оканчивалась длинной толстой трубой с двумя гибкими отростками, а возле нее с двух сторон торчали острые клыки. Урихар когда-то давно слышал, что где-то в Южных странах живет зверь, из клыков которого делают украшения, посуду и даже оружие, что это животное огромно и свирепо, но как оно называется, шемит вспомнить не рог.

Замерев, он со смешанным чувством любопытства и страха смотрел на громадное чудовище, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Как знать, вдруг эта гора умеет тишать и захочет закусить несчастным заблудившимся человечком? «Слон! — вдруг мелькнуло в мозгу шемита. — Точно, тот торговец, предлагавший безделушки из слегка желтоватой, необычайно прочной кости, говорил, что они сделаны из бивней слона. О боги! Не все ли равно, как зовут эту тушу! Главное, чтобы она не сожрала меня».

Неожиданно где-то сзади, за спиной слона, послышались голоса людей, но зверь не обратил на них ни малейшего внимания, что нескованно удивило Урихара. Забыв о своих страхах, шемит выглянул из-за камня и увидел такое, что чуть не вскрикнул от изумления: на широкой шее гигантского животного полулежал человек, который, как показалось Урихару, управлял слоном. Глаза не обманули молодого купца. Человек, сидевший на звере, прикоснулся ладонью к затылку слона, и тот послушно направился к реке. Стоило ему ступить в воду, как погонщик шлепнул его по шее, и слон, нагнув голову, начал вглядываться в воду маленькими глазками. Увидев что-то, он вошел поглубже, покачал хоботом и вдруг выдернул откуда-то из глубины поваленное дерево, высоко поднял его и кинул на середину реки. Затем он отыскал еще одно дерево, и еще одно. Все они, с громким плеском уходя под воду, вскоре выныривали на поверхность и плыли вниз по течению.

Как зачарованный смотрел Урихар на необычное зрешище и даже не сразу заметил, что на берег вышли еще три юноши и две девушки. Все они были высокими и стройными, с золотисто-коричневой кожей, иссиня-черными волосами, закрученными в тугие кольца, и

темно-карими глазами. Юноши и девушки весело смеялись и разговаривали на удивительном певучем языке, совершенно непонятном шемиту. Не переставая веселиться, они попрыгали в холодную воду и начали плескаться, обдавая друг друга тучами брызг.

Решив, что незнакомцы — люди незлобивые и мягкие, Урихар решился и вышел из-за своего укрытия, протягивая навстречу внезапно замолчавшим людям открытые ладони, чтобы показать, что пришел с миром. Один из юношей повернулся к нему и что-то спросил, но шемит, естественно, не понял ни слова. Тогда юноша повторил вопрос, по всей вероятности, на другом языке, но и этого языка Урихар не знал. Купальщики выбрались из воды и начали переговариваться между собой, видимо решая, как поступить. Наконец человек, сидевший на слоне, поманил Урихара рукой, и шемит, не раздумывая, бросился в реку, чтобы переплыть на другой берег. Выбравшись на сушу, он снова показал открытые ладони и проговорил:

— Меня зовут Урихар, Я из Шема. Я не причиню никому зла. — Потом, взглянув на недоуменные темнокожие лица, ударил себя кулаком в грудь и сказал лишь одно слово: — Урихар.

Похоже, на сей раз его поняли, потому что юноша, стоявший к нему ближе всех, тоже ударил себя в грудь и представился:

— Баджа.

Затем он принялся показывать на юношей и девушек очереди и называть их имена:

Саадата, Горамга, Барума, Маала. Последним он назвал погонщика слона:

— Сальбо.

При каждом вновь названном имени Урихар радостно кивал и улыбался, стараясь выразить всем своим видом крайнюю степень доброжелательности. «Собеседники» светло улыбались ему в ответ, но разговор по вполне понятным причинам не клеился. В конце концов Маала взяла шемита за руку и слегка потянула его за собой, приглашая пойти и мосте с остальными. Урихар старательно закивал головой и подчинился. Сальбо что-то крикнул слону прямо в огромное о, и послушное животное поспешило вперед, намного опередив пеших людей. Однако все прояснилось довольно быстро и стоило слону пропасть из виду, как навстречу вышли три других слона, на каждом из которых сидели по два мужчины, видимо воины, так как каждый держал в руках копье, из-за спин у них торчали луки, а на ремнях, переброшенных через плечи, висели колчаны со стрелами. Воины проводили Урихара до самого селения, которое оказалось совсем недалеко от реки: тропа, проложенная слонами, несколько раз повернув, снова вышла к берегу, ниже по течению.

Селение было очень большим, домов в сто, если не больше. Стоило Урихару ступить за высокую изгородь, ограждающую деревню, как ему навстречу высыпало множество людей: и мужчин, и женщин, и, конечно же, детей. Так по живому коридору шемит дошел до самого большого дома, и которому, как он сразу догадался, жил вождь. Видимо, извещенный Сальбо, вождь ждал гостя на пороге. Это был сильный, крепкий мужчина лет сорока, с суровым, ничего не выражавшим лицом, испещренным шрамами. Он долго рассматривал шемита, после чего важно кивнул и что-то сказал, обращаясь к Бадже, стоявшему по левую руку от Урихара. Тот толкнул купца в бок, и Урихар, подчиняясь внутреннему чутью, шагнул вперед, слегка поклонился и, снова ударив себя в грудь, представился:

— Урихар.

Вождь важно кивнул и, показав на себя пальцем, сказал:

— Кидого.

И тут словно боги щепнули Урихару на ухо подсказку. Он быстро развязал свой мешок, вытащил из него топорик и протянул его вождю на открытых ладонях.

— Это тебе, Кидого. Прими мой подарок в знак глубокого уважения.

Вождь, конечно, не понял ни слова, но при виде удивительно острого стального лезвия с блестящим, словно отполированным, деревянным топорищем у него загорелись глаза. Он взял подарок, сжал гладкое дерево в ладони и, прикоснувшись топориком к своей груди, вопросительно взглянул на шемита. Тот кивнул:

— Да, это тебе. Возьми.

Вождь улыбнулся и заговорил, судя по тону, приказывая своим людям что-то сделать. Маала снова взяла Урихара за руку и повела его за собой на самую окраину селения, как он потом узнал, в свой дом.

Шемит быстро прижился среди вартулов, как называли себя люди приютившего его племени. Язык их оказался несложным, и довольно скоро Урихар уже мог свободно объясняться со своими новыми друзьями. Ему нравились эти миролюбивые люди, в большинстве своем обладавшие добрым нравом и почти все время пребывавшие в хорошем настроении, и он искренне радовался, что набрел именно на них, ибо, по рассказам, эти края населяли весьма разные племена, а в десяти днях пути от селения вартулов обитало настолько кровожадное племя, что слухи о нем казались Урихару просто выдумкой чьего-то воспаленного мозга.

Кроме доброжелательности вартулы отличались редкостным трудолюбием, все делали обстоятельно, продуманно и с нескрываемым удовольствием. Особенно шемиту нравились их дома, одновременно и очень простые, и удобные. И хоть возводили их быстро, это нисколько не делало их менее прочными. Сначала в землю вкалывали высокие шесты, подбирая для них одинаковые по толщине деревья, которые доставляли к селению специально обученные слоны. После этого плели крышу либо из высущенной травы, либо из листьев особых деревьев — длинных и широких, мелко изрезанных по краям. Затем возводили стену из глины, которую в изобилии поставляла река, с мелкими кусочками коры и перетертой в крупный порошок травой, оставляя в ней небольшие отверстия, чтобы проходил воздух. Потом посередине строили еще одну стенку, в которой, пока глина еще не высохла, вырезали двери (их закрывали циновками, которые искусно плели местные женщины). Таким образом, дом оказывался разделенным на две половины: закрытую и открытую. В задней, закрытой, ставили кровати, плетенные из тонких прутьев, а в передней, открыли и принимали гостей. Крыша над передней половиной резко снижалась, защищая ее тем самым от солнца и дождя, так что теплыми ночами здесь можно было даже спать. Правда, спать на открытой половине позволялось п. мужчинам.

Мужчины племени вартулов сначала казались Урихару странными, пока он не понял, чем эти их странности объясняются, да и просто не привык к ним. У всех мужчин были длинные, как у женщин, и тщательно ухоженные волосы, только женщины не выжигали на макушке ровного круга и не так заплетали косы. Женщины обычно носили много мелких косичек, из которых сплетали одну, если женщина была замужем, или две-три, если это была девушка на выданье. Мужчины же не просто заплетали волосы в косы, они еще и укладывали их в замысловатые прически вокруг шейной проплешини. Также шемита удивляло, что он почти никогда не видел женщин, глядящихся в зеркала, тогда как на поясе каждого мужчины висело маленькое зеркальце в тонкой оправе, в которое они время от времени заглядывали, поправляя то прическу, то краску, которую они наносили на веки и даже иногда на щеки.

Кроме того, мужчины были страстными поклонниками хороших запахов, и часто на их сильных, мускулистых шеях можно было увидеть ожерелья из благоухающих цветов. Одежду же, состоявшую в основном из сложно намотанных набедренных повязок с обязательным длинным хвостом спереди, они всячески украшали, используя для этого в основном разноцветные, птичьи перья.

Недоумение Урихара помог развеять Горамга, к которому однажды, не выдержав, шемит обратился с вопросами.

— На моей родине, — сказал Урихар, — гораздо чаще женщины следят за своей внешностью так тщательно. Есть, конечно, и мужчины, подобные им, но это, как правило, богатые бездельники, которым нечем занять свободное время. У вас же так много забот, вы постоянно чем-то заняты, и я понимаю женщин, которые почти никогда не меняют прическу или не находят времени, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Почему же мужчины, такие сильные, ловкие, мужественные, так заботятся о своей красоте?

— Видишь ли, — заулыбался Горамга, — в твоей стране, наверное, мужчина сам выбирает себе жену? Так? — И, дождавшись ответного кивка шемита, продолжил: — А у нас все наоборот. Мы и род свой считаем по матери. Вот я, например, Горамга, сын Бонги. Стоит мне назвать свое полное имя, и всем сразу станет ясно, из какой я семьи. Моя мать, Бонга, лучше всех плетет циновки, и никто не знает всех подробностей свадебных обрядов, как она.

— Но ведь ваш вождь, Кидого, мужчина! — удивился Урихар. — Если женщины у вартулов главные, значит, и вождем должна быть женщина.

— Так и было когда-то, — вздохнул Горамга. — Но вартулы постепенно отходят от обычая предков. Кидого — славный воин. Нам редко теперь приходится воевать, но во времена его молодости на нас часто нападали враги, пока мы не доказали им, что тоже умеем драться. И очень во многом это заслуга Кидого. Поэтому-то его и выбрали вождем.

После этого разговора Урихару многое стало ясно. Как же еще должен вести себя мужчина, если от его внешнего вида зависит, изберет ли его приглянувшаяся красавица своим мужем? Странные, конечно, люди, эти вартулы, странные, но очень хорошие. Все чаще и чаще задумываясь о том, не боги ли привели его сюда, Урихар постепенно начал привыкать к мысли, что уже никогда не покинет эти края, и начал подумывать, а не обзавестись ли ему семьей и не осесть ли тут навсегда. Он совсем было решил так и поступить, как столкнулся с еще одним обрядом вартулов, который сильно поколебал его уверенность. И чем дальше развивались события, тем больше шемиту хотелось вернуться домой.

А дело было вот в чем. Погонщик слона Сальбо с помощью своей тщательно ухоженной внешности и блестательного умения обучать огромных животных и заставлять и к повиноваться сумел-таки очаровать Баруму, в которую был влюблен чуть ли не со дня своего рождения. Девушка, остановив свой выбор на обожавшем ее юноше, сказала о Своем решении матери. Та поспешила к матери Сальбо, и после долгих переговоров, на которых обсуждалось буквально все: и кто будет вести обряд, и как должна быть га невеста, и какую прическу сделать жениху, и будут ли жить молодые в доме Барумы или для них придется строить отдельный дом, и какое приданое предъявят невеста гостям, и какое угощение надо приготовить, и многое, другое, — был назначен день свадьбы.

Проснувшись на рассвете, жених и невеста встретились в центре селения, на круглой площади, где были установлены высокие деревянные идолы, посвященные многочисленным богам вартулов. Туда же пришли ближайшая подруга Барумы, Сакумла, и Урихар, которому

Сальбо оказал великую честь, пригласив в качестве близкого друга. Сакумла и Урихар опустились на колени возле идола Мооля — бога семьи, плодородия и долголетия. Сальбо положил на белый камень (камни разных цветов стояли возле каждого идола) молодую антилопу, которую сам накануне поймал специально для жертвоприношения, резким, точным ударом рассек ей грудь и одним движением вырвал сердце. Барума приняла сердце из рук возлюбленного и, что-то тихо и монотонно напевая, окропила идола кровью. Еще теплая темно-красная жидкость быстро впиталась в дерево, так что на землю не упало ни капли.

— Благодарю тебя, Мооль, за то, что ты принял жертву и благословил нашу семью, — почтительно поклонившись, произнесла Барума, а вслед за ней повторил эти слова и Сальбо.

После этого Сакумла и Урихар поднялись на ноги, подхватили антилопу и отнесли ее в дом Барумы, где со вчерашнего дня женщины готовили свадебное угощение. Жертвенное животное должно было стать главным блюдом на пиршестве. Благословение Мооля сделало мясо почти священным. Вартулы верили, что оно продлит жизнь всем отведавшим его.

После жертвоприношения Сакумла и Урихар, взяв новые одежды Для жениха и невесты, направились к реке, где молодые должны были тщательно омыть тела друг друга. Сначала шемита смущало то, что ему приходилось смотреть на совершенно обнаженные тела Сальбо и Барумы, но это было необходимой частью ритуала — наблюдать, чтобы жених и невеста смыли с себя пыль, принадлежавшую старой, холостой, жизни.

Вернувшись в селение, Сальбо и Барума направились к дому вождя, причем Сальбо остался с Кидого, а Барума уединилась с его женой. Что там происходило, Урихар не знал, ибо они с Сакумлой пошли в дом невесты, чтобы оповестить собравшихся там гостей о скором прибытии главных действующих лиц обряда.

Они появились не скоро, но по их сияющим лицам все поняли, что Кидого согласился на их брак, и теперь они стали в глазах соплеменников мужем и женой. Едва Сальбо и Барума ступили на порог, как начался большой свадебный пир. Чего только не было на столах! Жареное и вареное мясо, печеная рыба, душистые медовые лепешки, щедро приправленные разнообразными травами, всевозможные плоды, названия многих из которых Урихар даже не знал. Но больше всего ему понравилось удивительное вино, которое вартулы делали из меда, воды и корня низкорослого дерева с тонкими серо-зелеными листьями, выращиваемого специально для приготовления напитков. Он так часто заглядывал в стоявшую перед ним кружку, что танцы, которые начались после угощения, видел весьма смутно. И напрасно, потому что это было достойное внимания зрелище.

Перед домом Барумы поставили два больших барабана, сделанных из полого дерева. Два музыканта взяли в руки дни иные палки с набалдашниками из застывшей смолы и начали медленно и очень ритмично бить по барабанам, извлекая из них низкие, гулкие звуки. Через какое-то время (к ним присоединились еще три музыканта с маленькими барабанчиками, по которым они стучали руками. Весьма своеобразную мелодию подхватили две женщины с дудочками из тростника.

Едва зазвучали дудочки, как в большой круг собрались танцоры, притопывающие в такт мелодии и хлопающие в ладоши. В середину круга вышли двое. Один держал в руках пучок тростниковых стеблей и изредка, когда большой барабан ударял особенно громко, вскидывал руки над головой. Второй танцор присел на корточки и так же тихо хлопал по земле деревяшкой, зажатой в ладони. Мелко мелко забили маленькие барабаны, и тот, кто держал в руках тростник, начал бросать стебли в сидящего на корточках, а он должен был отбивать их

деревяшкой, выказывая при этом необыкновенную ловкость. Когда стебли кончились, танцоры вернулись в круг, а им на смену вышли другие. Действо повторялось и повторялось, и шемит отвел глаза, ибо неожиданно увидел людей вдвое больше, чем их было на самом деле.

Вартулы еще долго веселились. Танцы сменяли друг Друга, звучали песни, гости то и дело возвращались к еде и нитью, но Урихар уже не пировал со всеми. Он спал, положив щеку на недоеденный кусок печени жертвенной антилопы, и ему снился родной Асгалун, казавшийся немыслимо далеким и от этого еще более прекрасным.

Отшумел праздник, который длился три дня, и молодожены зажили мирно и счастливо. Урихар смотрел, какой радостью светятся глаза друга, и решил, что мелькнувшая у него мысль присмотреть невесту и обзавестись семьей не так уж плоха. Пока он предавался размышлениям, дни шли, складываясь в месяцы, а когда миновал положенный срок, Барума разрешилась очаровательной крохотной девочкой. Вот тут-то и случилось то, что заставило шемита усомниться в своем желании оставаться в вартулами до конца своих дней. Он мечтал, если женится, иметь не меньше пяти детей и понял, что увиденного ему столько раз не вынести.

В тот памятный день Урихар проснулся от радостных воплей, доносившихся из дома, где жили Сальбо с Барумой. Поспешно одевшись, он побежал на крики и увидел стоявшего на пороге друга с крошечным, отчаянно орущим ребенком на руках. Сальбо протягивал свою новорожденную дочь навстречу солнцу, словно спешил показать ее всему миру.

— Мооль милостив к моему дому! — выкрикивал счастливый отец. — Наш первенец — девочка! Вартулы, ликуйте вместе со мной.

В племени вартулов, где род велся по материнской линии, рождение девочек всячески приветствовалось, а уж если первенцем оказывалась девочка, это вообще считалось знаком особого расположения богов.

Зная, что на его родине женщины после рождения ребенка какое-то время болеют, Урихар нескованно удивился, когда на пороге рядом с мужем возникла Барума. Она приветливо кивнула шемиту и быстрым шагом направилась прочь от дома.

— Барума! — воскликнул Урихар. — Куда ты?

— Как куда? — удивленно переспросила женщина, — Разве ты не знаешь, что настала пора собирать плоды? Корзины уже заготовлены, и сегодня все женщины будут заняты сбором.

— А ребенок?.. — начал было шемит, но, увидев, как высоко поползли вверх тонкие брови Барумы, махнул рукой, подумав при этом, что, наверное, никогда не изучит всех обычаем этого племени.

Повернувшись к дому, где только что стоял Сальбо, Урихар не увидел друга и решил войти внутрь и побеседовать с ним. К его великому удивлению, молодой отец лежал на широкой плетеной постели, возле которой на стоявших пирамидой подпорках висела колыбель с младенцем, и тихо постанывал.

— Сальбо, друг мой, что случилось? — всполошился Урихар, всего несколько минут назад видевший друга в минном здравии.

— Нашей девочке всего несколько часов, — слабым го-носом ответил Сальбо, — и неудивительно, что я слегка нездоров.

— Ты?! — подпрыгнул шемит. — А ты тут при чем?!

— Как это при чем? — обиделся вартул. — Я отец.

— Не знаю, как ты, — пожал плечами Урихар, — а я всегда считал, что болеть должна женщина.

— Женщине что, — простонал Сальбо, — Она родила и может приступать к нормальной жизни.

Решив больше не задавать вопросов, чтобы ответы вовсе не свели его с ума, шемит поболтал с другом о всякой всячине и поспешил откланяться. Однако дальнейшие события изумляли его все больше и больше, хотя ему когда-то казалось, что, пожив среди вартулов, он навсегда утерял способность удивляться чему бы то ни было.

Первые пять дней с рождения дочери несчастный отец не брал в рот ни крошки, а затем еще пять дней не ел, но пито пил некий странный напиток, отдаленно напоминавший пиво, неприятный, с точки зрения шемита, на вкус, хоть и достаточно питательный. По прошествии десяти дней Сальбо наконец поднялся с постели, бледный и ослабевший, словно перенес тяжелую болезнь. Ни к какой трудной работе ого и близко не подпускали, да он и не стремился к ней, что было очень странным для молодого мужчины, умевшего и любившего трудиться.

Когда малышке исполнилось сорок дней, в доме Сальбо собрались родственники и друзья. Увидев, что они делают, Урихар незаметно ущипнул себя за руку в надежде, что видит дурной сон. Гости принесли с собой крупные и необычайно острые рыбьи кости, которыми до крови исцарапали кожу молодого отца. Он мужественно переносил пытку и не проронил ни звука даже тогда, когда кровоточившие раны натерли жгучим перцем. Глаза Сальбо лишь подозрительно заблестели, а довольные родные и близкие отправились в переднюю половину дома, где их ждало обильное угощение.

После экзекуции Сальбо долго болел, но и когда наконец поправился, его мучения на этом не закончились. Еще целых полгода он даже не смотрел в сторону мяса и рыбы, опасаясь, что от этого пострадает желудок дочери или, что еще хуже, она станет похожей на животное, чье мясо он съест.

В конце концов терпение Урихара лопнуло и он все-таки спросил друга:

— Скажи, зачем ты делаешь все это? Ради чего такие муки?

— Как это? — изумился Сальбо, — Так должны поступать все мужчины. Иначе кто признает, что это моя дочь? Я должен страдать не меньше ее матери.

Возражать Урихару было нечего. Он просто вдруг понял, что никогда не приживется среди этого столь любезного его сердцу народа, потому что их образ жизни никогда не станет для него естественным, как дыхание. Несколько дней он ходил печальный и задумчивый, размышляя, как быть дальше. Просто так уйти от вартулов он не мог по разным причинам. Во-первых, он не хотел обижать племя, которое столь сердечно отнеслось к нему, спасло жизнь и относилось к чужаку так, словно он родился и вырос среди этих людей. Кроме того, вспоминая кошмарные дни, когда он, измученный, напуганный и голодный, пробирался сквозь страшные джунгли, каждый миг рискуя погибнуть, он содрогался от ужаса. Лучше лишиться своего мужского достоинства, чем повторить такое путешествие! Но и стать вартулом в сердце своем он тоже не мог.

Несчастный шемит почти перестал есть и спать, а когда забывался коротким, тревожным сном, к нему являлись боги его родины. Владыка Неба Птеор, положив могучую руку на округлое плечо Матери-Земли Иштар, укоризненно смотрел на своего блудного сына, не произнося ни слова. Иногда являлся и бог воров Бел, окидывавший Урихара с головы до ног насмешливым взглядом и тут же пропадавший. Приходили и искусиительница Деркэто,

будившая в нем неудержимый зов плоти, и служанка Иштар — целомудренная Ашторет, твердившая о бескорыстии и преданности шемитским богам. Урихар просыпался в холодном поту, а после долго лежал без сна, вглядываясь в бездонное черное небо с огромными яркими звездами, словно надеялся, что они, вечные и мудрые, подскажут ответ на мучившие о вопросы.

Он извелся так, что решил попросить совета у Кидого. Вождь славился проницательным умом и сердечным отношением к своим подданным. К кому же еще идти, как не к нему, отцу своего племени? Однажды утром, с трудом поднявшись после очередной почти бессонной ночи, шемит поплелся к дому вождя. Кидого встретил его на пороге, как будто ждал его прихода и готовился к нему. Заглянув во ввалившиеся глаза шемита, обведенные темными кругами, Кидого молча пригласил его сесть рядом. Урихар тяжело опустился на землю у ног вождя, помолчал немного, а потом, не выдержав, заговорил.

— Кидого, ты мудрый и опытный человек, — начал он. — Тяжелые думы совсем извели меня. Я не ем и не сплю и скоро стану походить на собственную тень. Три года прошло с того дня, как я, усталый и отчаявшийся, пришел к своему племени и оно приняло меня как родного. Мне казалось, что среди вартулов я обрел покой и радость, но... — Урихар тяжело вздохнул и надолго замолчал, снова погрузившись в размышления. Затем, резко тряхнув головой, он продолжил: — Вот уже много дней в моих снах ко мне являются боги моей родины. Они зовут меня, они недовольны мной, и их укор справедлив, ибо здесь я совсем забыл о них. А разве может человек забывать о богах своей земли?

— Нет, — покачал головой Кидого. — Никто из нас не вправе забывать о своих богах. Твои боги правы.

— Так что же мне делать?! — вскричал Урихар. — Я не могу остаться с вами и не могу уйти от вас!

— Почему не можешь? — пожал плечами Кидого. — Можешь. И если боги зовут тебя, должен вернуться к ним, потому что не сможешь поклоняться им там, где властствуют другие боги. Нашим богам это не понравилось бы.

— Но я совсем не знаю этой страны, — возразил шемит. — Это чудо, что я добрался до вас от побережья. Я даже не знаю, у чьих берегов высадили меня гнусные бандиты. Уйдя от вас, я погибну.

— Неужели ты думаешь, — улыбнулся вождь, — что мы отпустили бы тебя в такой опасный путь одного?

— Но кто возьмется проводить меня? — удивился Урихар. — И куда? Я и сам-то знаю лишь то, что моя родина лежит где-то на севере.

— Видишь ли, — пояснил Кидого, — ты еще не все знаешь о нас. Как ты думаешь, откуда у вартулов посуда, оружие, украшения, тонкие ткани? Разве ты видел, чтобы кто-нибудь изготавливал все это?

— Нет, — признался Урихар, — никогда не видел. Все эти вещи можно купить, но за годы, что я прожил в вашем селении, сюда не заглядывал ни один торговец.

— Правильно, — важно кивнул вождь. — И не заглянет. Мы стараемся хранить тайну о том, где обитает наше племя. Конечно, среди нас есть сильные воины, и мы можем дать отпор врагу, но вартулы не любят воевать, и потому мы делаем все, чтобы как можно меньше непрошеных гостей рвалось к нам. Но и обеспечить всем необходимым мы себя не можем. Да и ни к чему это, когда многое можно купить.

— Так как же... — начал Урихар, но тут же осекся, решив, что не надо перебивать

вождя.

— Примерно раз в три-четыре года мы снаряжаем отряд, который отправляется в Пунт. Это очень богатое королевство, и туда съезжаются многие торговцы, ибо торговать с Пунтом выгодно. Там так много золота и самоцветов, что местные жители очень низко их ценят. Мы везем туда редкие товары. Это орехи кока, которые растут лишь в наших краях. Ты когда-нибудь видел невысокое дерево со стройным стволом, ветки которого укорачиваются к вершине, так что оно кажется заостренным? — Шемит кивнул, а Кидого продолжил: — Плоды этого дерева удивительны. Если расколоть скорлупу, а ядрышки растереть в порошок и смешать его с молоком, получится прекрасный и очень вкусный напиток, исцеляющий больных, возвращающий силы обессиленным, снимающий усталость и дающий радость и веселье здоровым.

— Вот это да! — воскликнул шемит, в котором неожиданно снова пробудился купец. — За эти чудо-орехи на моей родине можно было бы запрашивать любую цену!

Кидого укоризненно взглянул на него добрыми темно-карими глазами и, не обращая внимания на слова Урихара, продолжил свой рассказ:

— Еще мы везем зерна дерева коффи, которое растет и чесу, в тени других деревьев. Оно не очень высокое, не менее двадцати локтей. Иногда это вообще куст. Ты, наверное, его тоже видел. Листья у коффи красивые, блестящие, они сидят на ветке парами, напротив друг друга. У самого их основания вызревают плоды. Когда плод становится ярко-красным, пора собирать урожай. Мякоть плодов невкусная, ею питаются лишь птицы, зато внутри каждого есть два зернышка. Если их как следует прожарить, чтобы они стали темно-коричневыми, а потом измельчить и положить в горячую воду, из них тоже получится замечательный напиток, дающий бодрость и веселье.

— Да, — кивнул Урихар. — Однажды я даже его пробовал. Такие зерна привозил друг моего отца, когда вернулся из Стигии. Но мне напиток не понравился. Горький и терпкий.

— Кому как, — пожал плечами вождь. — Есть в наших краях и еще одно редкое дерево. У него тонкий ствол и большие листья. Самое ценное в нем — его красновато-серая кора. Воистину волшебное лекарство, дар богов. Но с ним надо обращаться очень и очень осторожно. Порошок из коры дерева иомба, добавленный в отвар в малом количестве, возвращает старикам былую силу, бодрит и освежает. Но если положить его много, получишь сильный яд.

— Почему я раньше ничего не знал об этих удивительных деревьях? — удивился Урихар.

— А ты разве болел? — вопросом на вопрос ответил Кидого. — Зачем сильному и здоровому человеку подбадривать себя чудесными напитками? Случится нужда — вот они тут, под рукой. У наших жрецов-врачевателей всегда есть в запасе и кока, и коффа, и иомба.

— Но почему вы отправляетесь в Пунт так редко? — сменил тему разговора шемит.

— Путь неблизок и довольно опасен. Тебе повезло, и ты не встретился с хищниками, которые сожрали бы тебя, не успев расprobовать. К тому же того, что мы закупаем и Пунте, нам хватает надолго. Мы везем много товаров. Грузим их на слонов, отбираем лучших погонщиков, которых слоны не смеют ослушаться, подготавливаем отряд воинов для охраны, и тогда путешествие, как правило, заканчивается благополучно.

— А скоро ли такой отряд пойдет в Пунт? — загорелся Урихар.

— Скоро, — ответил вождь, — Вот женщины закончат собирать зерна коффи, и можно будет отправляться. На сей раз с отрядом пойдет твой друг Сальбо. С ними, если хочешь, дойдешь до Пунта, а оттуда до Стигии совсем недалеко. Найдешь лодку и поплыешь по

Стиксу.

— О! — встрепенулся шемит. — Из Стигии-то я точно доберусь до дома. — Потом он вдруг сник и печально проговорил: — Только я не совсем уверен, что хочу туда вернуться.

— Ты не можешь больше оставаться с нами, — твердо ответил Кидого. — Твои боги призывают тебя. — Затем, взглянув на грустное лицо Урихара, вождь добавил: — Мне тоже жаль расставаться с тобой. Но воле богов нельзя перечить. Собирайся в путь.

После разговора с вождем сомнения, если они и грызли Урихара, вовсе покинули его, и он стал с нетерпением ожидать дня, когда в Пунт отправится отряд с товарами. К его чрезвычайной радости, этот день наступил довольно скоро. Вартулы быстро простились с отправляющимися в путь и поспешили на центральную площадь, чтобы принести жертву у подножия идола бога Гуаси, покровителя путников. Караван же, состоящий из шести слонов, четыре из которых несли груз, а два везли воинов и Урихара, стал быстро удаляться от селения.

Душа шемита пела от радости в предвкушении новых впечатлений. Едва селение скрылось из виду, легкомысленный купец начал забывать о годах, проведенных в тишине, покое и мирном труде. После разговора с вождем о торгах Урихару вернулись ловкость, изворотливость, авантюризм жажды нового, так свойственные шемитским купцам, и он не мог не ликовать, зная, что скоро прибудет в баснословно богатую страну и вновь окунется в привычные дела. Тем более что у него тут был и свой интерес. Вартулы щедро одарили своего гостя, и один из слонов, которого погонял Сальбо, вез на своей широкой спине среди прочего митра мешки, принадлежавшие Урихару. Купец надеялся выгодно продать плоды коки, коффи и кору иомбы, а также оставить немного столь ценных товаров, чтобы нажить на них состояние в Шеме. На вырученные деньги он собирался приобрести крупные и дорогие самоцветы, высоко ценившиеся на его родине, а также нанять лодку, чтобы добраться до Стигии.

Впечатлений дальнего пути ему хватило с избытком. Он видел и бескрайние степи, по которым бродили великолепные огромные кошки, величественные головы которых украшала густая шерсть светло- песочного цвета, и носились со скоростью ветра гигантские птицы, которые из-за своего веса не могли летать; ему открылись совершенно иные джунгли, нежели те, в которых он чуть не погиб; он насмотрелся на чудеса роскошного Пунта, где выгодно продал и купил все, что намечал. Здесь же он навсегда простился с гостеприимными вартулами.

— Прощай, друг, — глядя на Сальбо вдруг повлажневшими глазами, сказал Урихар. — Я никогда не забуду ни тебя, ни твоего народа. А это возьми на память обо мне.

С этими словами он снял с шеи крошечный серебряный ключик на тонком кожаном шнурке, который шемитские купцы носили как оберег от слуг Бела. Сальбо повертел в руках амулет и решительно сорвал с шеи свой — фигурку рога Мооля, вырезанную из слоновьего бивня.

— А это тебе, — проговорил вартул. — Пусть это не твой бог, но, я уверен, он дарует долголетие всем хорошим людям. Только не потеряй его. Идола Мооля можно подарить или передать по наследству, но утерявшего статуэтку постигнет большая беда. Так говорят наши жрецы, а им неведома ложь. Теперь прощай. Я тоже не забуду тебя.

Дождавшись, когда караван вартулов отправится домой, Урихар в этот же день разыскал на берегу Стикса лодочника весьма преклонного возраста и, посулив тому пару золотых монет, договорился, что завтра же они тронутся в путь и постараются поскорее достичь

Стигии.

Старый лодочник оказался тихим и неразговорчивым человеком, за что Урихар был ему искренне благодарен, ибо диковинки, на которые он насмотрелся по пути, не располагали к болтовне. Однажды шемит увидел длинное, не менее четырнадцати локтей, бугристое бревно зеленовато-бурого цвета, поразившее его тем, что оно неподвижно стояло в месте довольно сильного течения. Заинтересовавшись, почему это так, Урихар протянул руку к бревну, чтобы потрогать его, но лодочник с ловкостью, которую нельзя было в нем даже заподозрить, остановил любопытного.

— Что ты делаешь? — воскликнул купец.

— Смотри.

Возле бревна опустилась крупная птица с грязно-белым оперением, и стоило ей коснуться воды, как из глубины мгновенно разминулась гигантская пасть, усеянная двумя рядами белых крепких зубов, раздался всплеск, и птица исчезла.

— Что это было? — прошептал Урихар.

— Речной демон, — пояснил лодочник. — У нас есть люди, которые охотятся на них, но из десяти охотников выживают лишь трое.

Шемиту хотелось подробнее расспросить о чудовище, но лодочник упорно молчал, сосредоточенно работая веслами и явно стараясь поскорее убраться подальше от речного демона.

В другой раз на берег из густого леса вышло не менее удивительное животное. В длину оно было не меньше пятидесяти локтей, а весило, наверное, столько, сколько сорок воинов в полном облачении. Громадный рог в три локтя длиной, очень толстый у основания и заостренный на конце, сидел на носу чудовища. За ним виднелся второй рог, поменьше, но тоже крепкий и острый. Массивная холка круто изгибалась дугой, а подобные стволам деревьев ноги прочно стояли на земле, словно животное вросло в нее. Маленькие глазки, тупо взглянувшие на проплывавшую мимо лодку, не выражали ничего, однако весь облик зверя нитрил о неимоверной силе и свирепости.

— Да хранит нас великая любовь Птеора и Иштар! — никнул Урихар. — Такой монстр и в страшном сне не привидится! Кто это?

— Носорог, — коротко ответил лодочник.

— И зачем боги создали такую дрянь? — растерянно пробормотал шемит, невольно хватаясь за идола Мооля, висевшего у него на шее, словно маленький божок мог защитить его от всех напастей.

— Порошок из его рога спасает от многих болезней и укрепляет мужскую силу. А если из него сделать кубок, то пьющий из него никогда не будет отравлен, ибо рог сразу покажет яд.

— И находятся смельчаки, которые добывают его? — удивился купец.

— Находятся, — усмехнулся лодочник. — Многие находятся. — И, вздохнув, добавил: — Но многие и пропадают, — после чего надолго замолчал.

Река сделала резкий поворот, и злобный зверь, к великому облегчению Урихара, пропал из виду. Но вскоре ему привелось увидеть еще одно странное животное. В одном месте река разливалась особенно широко, и там, у дальнего берега, шемит заметил множество крупных темно-голубых шпон, словно кто-то высыпал у самой воды груду огромных валунов. Вдруг несколько «камней» зашевелились и медленно направились к воде, вошли в нее и так же лениво двинулись вперед. Вскоре вода покрыла широкие спины неповоротливых животных и

окрасила их в темно-синий цвет. Но, как ни странно, звери не захлебнулись, а продолжили так же неторопливо бродить по дну, как по суще, время от времени останавливаясь и выдергивая то одно, то другое водяное растение.

Присмотревшись, шемит заметил, что необычное животное достигает в длину примерно девяти локтей, в высоту — не больше трех, а в обхвате равно своей длине. Широкая, почти квадратная голова заканчивалась такой бездонной пастью, что в нее запросто мог бы поместиться человек. Однако звери не обращали на людей ни малейшего внимания, полностью поглощенные поисками пищи, которой для такой туши требовалось, видимо, очень и очень много. Урихар так увлекся рассматриванием животных, что чуть не свалился в воду.

— Осторожнее! — предупредил его лодочник. — Речные коровы обычно не нападают на людей, но всякое бывает. А уж если они разозлятся, лучше держаться от них подальше. Их зубы могут перемолоть камни.

Похоже, за время путешествия по Стиксу лодочник произнес больше слов, чем за всю свою предшествующую жизнь, а потому после этого предупреждения замолчал и до самой Стигии не проронил ни слова, лишь улыбнулся на прощание, когда Урихар вместо обещанных двух золотых заплатил ему три, и даже помог выгрузить вещи купца на берег. После этого он так же молча забрался в лодку и, махнув шемиту рукой, тронулся в обратный путь, даже не пытаясь заполучить очередного пассажира.

От того места, где Урихар высадился на берег, до ближайшего города было рукой подать, и купец успел вперед, надеясь нынешнюю ночь провести в какой-нибудь таверне, на чистой и удобной постели. Он не стал особо привередничать, и первая же вывеска, на которой красовалось блюдо с аппетитным куском мяса, показалась ему вполне подходящей. Толкнув дверь, он очутился в самом обычном кабаке, каких было великое множество во всех крупных городах и крохотных городишках. Блеск серебряных монет пробудил в хозяине, маленькому, толстому и улыбчивому, необычайную прыть и услужливость, и Урихар получил все, на что только мог рассчитывать: отдельную комнату и вполне сносный обед.

Оставив свои вещи в комнате и тщательно заперев ее, шемит спустился вниз и уселся за стол, бросив хозяину на ходу:

— Кусок хорошего мяса, овощи, кружку вина.

Все это мгновенно возникло перед ним, и Урихар с наслаждением впился зубами в нежную грудинку. Не успел он как следует прожевать откусенный кусок, как кто-то с силой хлопнул его по плечу.

— Урихар! Этого не может быть! Мы давно похоронили — раздалось у него за спиной, и, обернувшись, шемит увидел давнего приятеля своего отца, Джаллиаха. Молодой купец радостно заулыбался и пригласил старика за свой столик.

— Нет, я все еще не верю своим глазам! — не унимался Джаллиах. — Вот радость-то! Видимо, при рождении сама Иштар погладила тебя по голове. Рассказывай скорее, я прямо горю от желания узнать, где ты пропадал эти годы.

Упавший от долгого вынужденного молчания, Урихар с радостью поведал о своих невероятных приключениях. Джаллиах слушал его раскрыв рот, время от времени вскакивая, хватая его за руку, подпрыгивая, всплескивая руками. Старик жестикулировал так, что несколько раз опрокинул кружку с вином, и Урихару приходилось заказывать новую. Наконец он закончил, и Джаллиах, снова схватив в руки и почти касаясь губами уха собеседника, жарко зашептал:

— Кола, коффа, иомба! Ты не представляешь, какой ты счастливчик! Завтра я отправляюсь с караваном, идущим в Шандарат. За эти товары ты можешь там приобрести там жемчуг, что, вернувшись домой, купишь на него половину Асгалуна, а на оставшееся и сам проживешь в достатке и три поколения потомков обеспечишь. Пойдем с нами!

— Но я собирался вернуться домой сразу, — слабо запротестовал Урихар, которому уже виделись красоты Шандарата, о коих он был немало наслышан.

— Зачем сразу? — настаивал Джалиах. — Вместе и вернемся. Ты подумай, каким богачом войдешь в свой дом! Самые прекрасные женщины будут счастливы принадлежать тебе. Весь город будет у твоих ног.

Урихара не пришлось долго уговаривать, и наутро он снова отправился в путь, с каждым шагом все больше и больше удаляясь от Шема, навстречу судьбе, уготованной ему богами.

Сияющий, многолюдный Шандарат закружил молодого купца. Упоенный шумами базара, криками продавцов, покупателей и зазывал, одурманенный запахами благовоний, пряностей и снеди, ослепленный яркими красками ковров и тканей, Урихар быстро забыл о всех своих былых несчастьях, о необыкновенных приключениях, о годах жизни среди добросердечных вартулов и, окунувшись в суету большого города, стал тем, кем и был изначально — торговцем, старающимся как можно выгоднее продать и купить.

Преуспевающий Шандарат настолько разительно отличался от родного Урихару Асгалуна, который переживал затянувшийся период упадка, что шемиту вовсе расхотелось возвращаться домой. Он договорился с Джалиахом, что тот, вернувшись на родину, продаст дом и лавку Урихара и со следующим караваном пришлет купцу вырученные деньги. На большую прибыль шемит не рассчитывал, ибо за годы его отсутствия дом, конечно же, обветшал, а большинство остававшихся в лавке товаров утратили свою ценность. Да, собственно, эти деньги не очень-то ему были и нужны, ибо на самоцветах из Пунта, а также на орехах колы, зернах коффи и коре иомбы, подаренных ему вартулами, он нажил целое состояние. Просто он хотел обрубить все корни в Шеме и навсегда обосноваться в Шандарате.

Вскоре присмотрел он и дом, расположенный недалеко за пределами города, близ Туранской дороги, где селились наиболее богатые и знатные жители Шандарата. Обставив его с восточной роскошью и пышностью, купец зажил наконец-то той жизнью, о которой всегда мечтал. Однако не прошло и года, как Урихар затосковал. Зачем ему одному эти великолепные покой? В мечтах о блестящем будущем ему всегда виделись красавица-жена и дети. Вечерами, принимая наполненную благоухающей водой ванну, или ночами, утопая в невесомых шелках широкого ложа, он рисовал себе картины, как введет в дом единственную на свете женщину, которая наполнит его теплом и светом.

Довольно скоро судьба, словно подслушав его самые сокровенные мысли, улыбнулась ему, послав незабываемую встречу. Возвращаясь домой после заполненного трудами и квотами дня, проведенного в торговой лавке, Урихар увидел на Туранской дороге богатый экипаж. Шторка на окне на мгновение отодвинулась, и на шемита взглянула женщина, прекраснее которой он никогда не встречал, хоть и думал что, успел повидать немало за свою еще достаточно короткую жизнь. Сердце молодого купца учащенно забилось, и с тех пор он не мог прожить ни минуты, чтобы не вспомнить о небесной красоте незнакомки.

Будучи по натуре своей человеком деятельным и решительным, Урихар попытался узнать имя прелестницы, навсегда похитившей его сон и покой, и его попытки увенчались успехом. Это оказалась богатая вдова, дом которой располагался совсем близко от дома

шемита. Амарис, как шли красавицу, занималась весьма странным для женщины делом. Она разводила, выращивала и продавала бойцовых и сторожевых собак, по силе и злобности не знавших себе равных.

Собравшись с духом, купец подобрал в подарок любимой строгое ожерелье из двадцати крупных рубинов, на которое можно было построить быстроходную галеру, и решительно направился к очаровательной соседке просить ее руки.

— Я дважды побывала замужем, — сказала Амарис, Глядя на влюбленного бездонными глазами, — но оба раза моя супружеская жизнь длилась не дольше одного дня.

— Боги часто посыпают испытания тем, кто может поспорить с ними красотой, мужеством или добродетельностью, — пылко ответил Урихар. — Но скажи, любовь моя, разве гибель тех, кто, видимо, был тебя не достоин, настолько поразила твое сердце, что в нем не осталось места для новой любви?

— Пожалуй, осталось, — лукаво взглянула на него Амарис, и у шемита на миг потемнело в глазах от ярко вспыхнувшей надежды. — Ты молод, красив, богат и не глуп. Я не могу так сразу согласиться на твое предложение, ибо совсем не знаю тебя. Но я не скажу и «нет». Погоди немного. Как знать, может, богам угодно, чтобы мы были вместе.

Урихар покидал дом Амарис окрыленным. Его красавица, его мечта, его душа, его любовь не отказалась ему! С этого дня они виделись очень часто. Шемит забрасывал любимую женщину цветами и подарками, а однажды преподнес ей нежнейшее стихотворение, которое бессонной ночью продиктовала ему любовь. То ли его настойчивость, то ли его искренние чувства, то ли еще что-то (разве может кто бы то ни было понять, почему женщина поступает так или иначе?) в конце концов сыграло свою роль, и Амарис согласилась стать женой Урихара.

Ах, какая это была свадьба! Единственное, в чем уступил счастливый жених своей невесте, так это то, что свадьбу праздновали в ее доме. Ему это показалось странным, ведь он считал, что жить они будут у него, но Амарис так настаивала, что Урихар вынужден был согласиться. Во всем остальном он устроил пиршество по своему вкусу.

Дорожку от ворот ограды до порога устипал пышный ковер из живых цветов. Цветами был полон и дом. Они были повсюду: стояли в огромных напольных вазах, висели гирляндами на стенах, лежали на полу, плавали в ванне. Даже огромная люстра в форме резного полуширья с сотней разноцветных свечей была увита благоухающими розами.

В самой большой комнате дома стояли длинные столы, покрытые белоснежными кружевными скатертями. Однако тонкое кружево почти полностью скрывали золотые, серебряные и фарфоровые блюда с разнообразной снедью, яркой зеленью и налитыми солнцем фруктами. Из высоких чеканных ведерок выглядывали длинные горлышки бутылок с лучшими аргосскими и шемитскими винами. Множество слуг, облаченных в шелка и бархат, непрерывно сновали по дому, стремясь предугадать малейшее желание каждого гостя.

Гостей собралось великое множество. Это были самые богатые и знатные люди Шандарата, и даже владыка города прислал с поздравлениями и подарками своего советника.

Привычные к блеску и роскоши гости с восторгом взирали на окружавшее их великолепие. Но когда из своих покоев появилась невеста, все замерли, забыв обо всем на свете, пораженные ее красотой.

Им Амарис было платье из нежнейшего шелка небесно-голубого цвета, широкий подол которого украшал замысловатый узор из крупных молочно-белых жемчужин. Высокая прическа, открывавшая лоб и маленькие розовые ушки, пи или усеяна нитками белых и

голубых перлов. Несколько нитей спускались на щеки, в пять или шесть рядов обивали стройную длинную шею и терялись в глубоком вырезе платья. Матовые жемчужины мерцали в желтоватом свете множества свечей, играли и переливались, словно лаская бархатную кожу одной из прекраснейших женщин хайборийского мира. Глаза невесты излучали такую радость, что у каждого, кто бросал на нее взгляд, на лице расцветала широкая улыбка.

Пир затянулся надолго. Звучали длинные застольные речи, прославлявшие жениха и невесту, им желали счастья и радости, достатка и благополучия, детей и внуков. Но хоть красота Амарис и пробуждала мужчину даже в дряхлом старике, мало кто завидовал Урихару. Страшная смерть предыдущих мужей этой роскошной женщины вызвала в Шандарата много пересудов. Может быть, поэтому Почти все, кто произносил в этот день тосты, желали шемиту прежде всего долголетия. И каждый раз, словно отвечая добрым пожеланиям, на груди жениха слегка шевелился маленький идол Мооля.

Наконец гости отправились по домам, оставив молодых наедине друг с другом. Если бы страсть влюбленного сердца и жаждущего ласки тела можно было сравнить с жаром полуденного солнца, то от горячих волн, исходивших от дома Амарис, растаяли бы снега на самых высоких вершинах, а ринувшийся вниз поток мгновенно бы высох без остатка. Когда же первый порыв немного угас, Амарис и Урихар, расслабленные и усталые, вышли на крыльце, чтобы прохладный ночной ветер немного остудил разгоряченные тела.

На темно-синем небе сияли яркие звезды, а полная луна заливала двор неверным бледно-голубым светом. Кусты и деревья, такие прекрасные днем, сейчас казались неподвижными черными стражами. Среди них бродили огромным сторожевые псы, бесшумно скользившие вдоль ограды и по узким дорожкам, посыпаным мелким морским песком. Как только хозяйка вышла из дома, три ярко-рыжие собаки вынырнули из темноты и улеглись у ее ног. Амарис положила точеную руку на голову одного из зверей и нежно, словно любимое дитя, погладила жесткую короткую шерсть.

— Как ты не боишься этих зверей? — удивился Урихар.

— Я их люблю, — просто ответила Амарис. — Ребенком я играла с ними, и они заменяли мне и братьев, и сестер, и друзей, А сейчас я отношусь к ним как к детям. И они за это платят мне великой привязанностью. Знаешь, иногда мне кажется, что собаки лучше людей. Если они ненавидят, так ненавидят, а уж если любят, то отдадут жизнь не задумываясь, чтобы спасти хозяина. Они не лгут.

— Я постараюсь привыкнуть к ним, раз уж эти псы так дороги тебе, — пообещал Урихар, но на всякий случай положил руку на идола, которого никогда не снимал с шеи.

— Что это за фигурка? — поинтересовалась Амарис.

— Память о Сальбо, который стал самым близким моим другом на чужбине, — пояснил Урихар, — Это идол бога Мооля. Так вартулы называют бога семьи, долголетия и плодородия. Пока идол со мной, Мооль охраняет меня,

— Можно взглянуть?

Амарис протянула руку, и Урихар послушно снял с шеи маленькую статуэтку и положил ее на подставленную ладонь. Рыжий пес тут же поднялся на ноги и принялся обнюхивать костяного идола, помахивая при этом хвостом.

— Малыш, — ласково обратилась Амарис к собаке. — Тебе нравится эта куколка? Смотри, какая хорошенькая.

Она подняла руку, и идол закачался на кожаном шнурке перед самым носом рыжего пса. Не успел Урихар и глазом моргнуть, как огромные челюсти щелкнули и Мооль исчез в

бездонной пасти. Рыжая шерсть угрожающе поднялась на массивном загривке, и собака грозно зарычала, глядя на испуганного шемита. «Утерявшего его постигнет большая беда», — всплыли в памяти Урихара слова Сальбо. Это была последняя мысль счастливого жениха. В следующее мгновение его бездыханный труп лежал возле Амарис, а над ним, поставив тяжелые лапы на грудь Урихара и подняв окровавленную морду к хозяйке, стоял рыжий пес.

* * *

Очередная история, рассказанная Амарис, оказалась столь длинной, и Конан слушал ее так внимательно, что оба даже не заметили, что «Длань Митры» уже не прыгает по волнам, а мягко скользит по ним. Дикие завывания ветра утихли, буря кончилась. Но киммериец не думал сейчас о своем равной стихии. Он не сводил глаз с собак, пытаясь понять, имя которой из них начинается с буквы «У». Странное созвучие имен рыжего и пятнистого псов с именами первых мужей Амарис породило в душе варвара смутное подозрение, которое до сих пор не вылилось в отчетливую мысль. Он понял лишь, что рождение этих уникальных собак как-то связано со смертями несчастных, но как, придумать не мог, а спрашивать у роковой вдовы не хотел. Вряд ли она захочет говорить с ним об этом.

Решительно тряхнув головой, Конан отогнал тяжелые мысли и неожиданно для себя обнаружил, что до сих пор держит женщину в объятиях, а она вовсе и не пытается освободиться от его рук. Приняв это как знак молчаливого согласия на более близкие отношения, киммериец приник губами к полуоткрытыму рту прелестницы и задохнулся от восторга. Горячая волна захлестнула его, и в глазах потемнело. Однако резкий толчок в грудь и злобное рычание, вырвавшееся из могучей глотки черного как смоль пса, мгновенно отрезвили варвара. Он с изумлением посмотрел им Амарис.

— Я делаю что-то не то? — задал он совершенно глупый вопрос.

— Только однажды я согласилась разделить ложе с мужчиной, который не был моим мужем, — ответила красавица, — и ничего хорошего из этого не получилось.

— Ты не оставляешь мне ни малейшей надежды?

Если хочешь обладать мною, — твердо сказала Амарис, — ты должен на мне жениться.

— Я? — расхохотался Конан. — Жениться? Такая дикая мысль никогда не приходила мне в голову.

— Тогда, — вздохнула Амарис, — тебе придется выкинуть из головы и другие мысли. Обо мне, например.

— И ты не передумаешь? — сощурившись, посмотрел на нее киммериец.

— Сильно в этом сомневаюсь, — гордо вскинула прелестную головку Амарис.

— Сомнения — это хорошо, — усмехнулся варвар. — Они могут решиться как в одну, так и в другую сторону.

— Спокойной ночи! — вспыхнула красотка. — Отправляйся в свою каюту.

— До завтра, прелест моя, — широко улыбнулся Конан, направляясь к выходу. — Мне бы очень хотелось, чтобы ты разобралась со своими сомнениями как можно скорее. Нам осталось плыть дня три, не больше.

Глава VII

В ту ночь сон долго не шел к Конану. Киммериец лежал на узкой койке, закинув руки за голову, и напряженно думал. Его мучила загадка этой столь притягательной и столь же роковой женщины. Определенно, пять ее цепных любимцев как-то связаны со смертями несчастных, которые рискнули предложить ей руку и сердце. Но как? Конану уже не раз приходилось сталкиваться со всевозможной магией, направленной и на добро, и на зло, и хоть он, как и всякий человек, в ком цивилизация не сумела заглушить первобытные инстинкты, старался держаться как можно дальше от волшебства, магов и колдунов, но чувствовал магию издалека. Здесь явно дело было нечисто, однако сама Амарис нисколько не похожа на ведьму. Все, что произошло с ней, похоже, вершилось без ее ведома. Знает ли она об этом? Судя по всему, да. Не зря она так смущается и уводит разговор в сторону, как только он, Конан, пытается подкрепить или опровергнуть свою страшную догадку.

«Попробуем еще раз, — рассуждал варвар. — Значит, так. Амарис выходила замуж пять раз. Трое из ее мужей не прожили после этого и дня. Скорее всего, и два последних тоже. Ну ладно, этот психопат Оллеб сам предложил себя на ужин. Но ни бритуниец, ни шемит смерти не искали. Еще бы! Какой мужчина, только что выпрыгнувший из постели сладострастной красавицы, побежит делиться впечатлениями с предками? Бритуниец, допустим, был исключительным идиотом и тоже сам напросился. Но ведь она-то, она! Держать в повиновении десятки отборных злобных тварей и НИ остановить какую-то паршивую дворняжку? Заперла бы дома своего муженька до утра, а там, глядишь, и сбросил бы он свою пятнистую шкуру... А шемит? Она же сама отдала его амулет псу!»

Киммериец не привык долго и напряженно размышлять. Его беспокойной душе гораздо понятнее и привычна было действовать. Но сейчас даже пытаться идти напролом нельзя. Интересно, но Амарис, отказывая ему в ласках, вовсе не избегает его общества. Варвар всегда считал, что, если мужчина не привлекает женщину, она и смотреть в его сторону не захочет. Но он ведь не бревно замшелое, он прекрасно чувствовал, когда целовал ее, как напряглось ее тело, подалось ему навстречу. Это не первая женщина в его жизни. Вспыхнувший жар, горящие глаза, этот манящий розовый язычок, быстро облизывавший губы, — все это говорило лишь о том, что Амарис испытывает не менее сильное желание, чем он сам. И все же она оттолкнула его. «Если хочешь обладать мною, ты должен на мне жениться», — всплыло вдруг в мозгу Конана.

— Кром всемогущий! — воскликнул киммериец и резко сел на постели, почувствовав, как струйка холодного пота потекла по его спине, — Жениться! Так вот что тебе надо!

Как он, дурак, раньше не догадался! Эта змея обожает своих зубастых тварей, словно собственных детей. Всю жизнь она занимается тем, что совершенствует породу, стремясь создать необыкновенное животное. После того как эти людоеды пожрали ее мужей, появились на свет псы с удивительными — она же сама говорила! — качествами. Значит, теперь она рвется замуж, чтобы иметь под рукой подопытного кролика?

— Нет, — сказал Конан вслух, обращаясь к самому себе. — Этого не может быть. Что это со мной? Если так дальше пойдет, я начну подозревать собственную тень в том, что она хочет поменяться со мной местами. Если Амарис так кровожадна, что ей стоит купить парочку рабов и устроить своим песикам праздничный обед. Надо же додуматься до такого бреда! К Нергалу в задницу все это! По ночам надо спать.

Киммериец правильно выбрал собеседника. Если разговариваешь сам с собой, тебе никто и никогда не возражает.

Последовав своему собственному совету, он снова улегся на койку, подумав, правда, при этом, что вряд ли сможет заснуть. Но на сей раз он ошибся, и стоило ему донести голову до подушки, как сон мгновенно сморил его.

Сначала ему не снилось ничего. Он плыл в густой темного, покачиваясь, словно в колыбели, но вдруг, словно кто-то зажег вдали тоненькую свечку, перед мысленным взором Конана стали появляться расплывчатые образы. Они постепенно приближались, становились все более и более четкими, пока наконец перед варварам не предстал яркая, почти осязаемая картина.

Ему снилось, что он бредет по темному лесу, упрямо пробираясь к неведомой пока цели. Тропинка петляла, то появляясь, то пропадая в густой траве, но киммериец знал, что не потеряет ее и придет в нужное место. Лес расступился, и показалось маленькое селение, приютившееся у подножии горы. Конан мог поклясться чем угодно, что никогда не бывал в этом месте раньше. Однако он решительно направился к дому, стоявшему на противоположном конце деревни. На пороге его встретил сухонький старичок.

Ты пришел ко мне, киммериец, чтобы узнать, какова твоя истинная сущность? — улыбнулся старик. — Вполне понятное желание, и я могу помочь тебе. На, прими, — и он протянул Конану флакон с золотой пробкой. — Достаточно всего нескольких крупиц, если ты не хочешь каждое полнолуние прятаться от людей.

— Ты Лемпситей? — неожиданно догадался варвар.

— А кто же еще? — рассмеялся старик. — Или ты искал не меня?

— Наверное, тебя. Сам не знаю. Просто шел себе и шел.

— Это тебе так кажется. Что же ты медлишь? Принимай.

Он высыпал на ладонь Конана порошок, и киммериец решительно лизнул его. Не успел на его языке еще пропасть вкус снадобья, как варвар почувствовал, что тело его покрывается шерстью, лицо вытягивается, превращаясь в звериную морду, а нос начинает улавливать такие запахи, о которых он прежде и не подозревал. Прошло всего несколько мгновений, и там, где только что стоял могучий красавец, замер готовый к прыжку огромный материальный волк...

Какая-то часть сознания Конана не спала, и он изо всех сил пытался проснуться, но все его старания оказались тщетны. Сон продолжался. А будь он хоть чуточку менее крепким, киммериец непременно услышал бы топот множества ног и крики Арама, созывавшего команду.

Утомленный противоборством с бурей кормчий в отличие от Конана не жаловался на бессонницу, однако поднялся на рассвете, чтобы привести в порядок слегка потрепанное судно. Команда, преданная и кораблю, и своему капитану душой и телом, охотно и проворно выполняла распоряжения Арама, и выглянувшие из-за рваных облаков солнечные лучи осветили уже чисто прибранную палубу, на которой не осталось и следа от вчерашних разрушений. Довольный кормчий поблагодарил матросов и занялся определением курса, стараясь понять, насколько сбил их штурм с намеченного пути. И в этом им повезло. Несколько быстрых команд, ловких поворотов руля — и «Длань Митры» снова устремилась прямо к Турану.

Арам стоял на носу корабля и смотрел из-под ладони на горизонт, радуясь, что сегодня погода обещала быть мягкой и спокойной. «Длань Митры», хоть и была прочным и еще

довольно новым судном, второй трепки подряд могла не выдержать. Неожиданно вдали показалась мачта, на которой разевался неразличимый на таком расстоянии флаг. Незнакомый корабль приближался так быстро, что опытный моряк сразу понял: галера, идущая на веслах, ибо против ветра никакой парусник не мог бы идти с такой скоростью.

Галера подходила все ближе, и когда зоркие глаза Арама смогли прочесть название «Глаз Нергала», а он едва успел подумать, что первый раз в жизни встречает такое более чем странное название корабля, флаг на ней вдруг опустился, и мгновенно в воздух всплыл новый, совершенно черный. «Пираты, — мелькнуло в мозгу кормчего. — О боги, почему они не сворачивают?» Он даже обернулся, чтобы проверить, хорошо ли виден вымпел, выданный «Длани Митры» шандаратским владыкой. Все в порядке. Вымпел на месте, а значит, пираты должны понимать, что парусник находится под защитой Ашарата и неприкосновенен ни для кого. С давних времен, когда дальновидный правитель сумел договориться с Красным Братством, пиратские галеры даже не подходили близко к торговым судам, идущим под вымпелом Шандарата. А этот «Глаз Нергала» словно имел на борту слепую команду!

Арам даже замахал руками, показывая на мачту с вымпелом, но галера неуклонно приближалась. Положив на всякий случай ладонь на рукоять кинжала, кормчий поспешил на левый борт, к которому «Глаз Нергала» подошел почти вплотную.

— Покровительство Шандарата! — крикнул он.

В ответ раздался дикий хохот нескольких десятков голосов, а один из пиратов даже повернулся спиной к коримому, нагнулся, приспустил штаны и завертел задом. Его собратья загоготали еще громче, но резкий окрик остановил веселье. На палубу вышел мужчина лет тридцати, среднего роста, прекрасно сложенный, с сильными мышцами, игравшими под загорелой кожей. Его длинные черные волосы были аккуратно расчесаны на прямой пробор и мягкими волнами спадали на плечи. Тонкие черты лица и темно-карие глаза выдавали в нем заморийца. Стоило емульниться, как пираты мгновенно притихли и замерли в ожидании приказов.

— Рад тебя приветствовать, кормчий, — с легким полупоклоном проговорил главарь. — Позволь представиться. Дингир.

«Благодарение богам! — подумал Арам. — Хоть один нормальный человек в этом зверинце. Несомненно, нам ничего не грозит».

— Арам, — проговорил он вслух. — Кормчий «Длани Митры», торгового судна, идущего из Шандарата в Аграпур под вымпелом шандаратского правителя.

— Какой товар на борту? — поинтересовался Дингир.

— Ткани, вино, посуда, мастафы, — удивляясь самому себе, ответил Арам.

— Мастафы? — Дингир обвел взглядом палубу.

— Они в трюме, в клетках, — пояснил кормчий.

— Понятно, — кивнул главарь пиратов. — Сами перегрузите на «Глаз Нергала» или вам потребуется помощь?

— Какая помощь? — чуть не задохнулся Арам. — Судно под вымпелом...

— Плевать я хотел на твой вымпел, — все так же соблюдая полное спокойствие, перебил его Дингир. — Можешь им подтереться. Мне нужен твой товар, и он перейдет на мой борт. Псов можешь оставить себе.

— Об этом не может быть и речи! — вскричал Арам.

— Как знаешь, — равнодушно пожал плечами Дингир. — Ты мог вернуться домой вместе с песиками, а теперь ты с ними же пойдешь на дно. — И, повернувшись к команде,

коротко приказал: — На абордаж!

Как по волшебству возникшие абордажные крюки взвились на прочных просмоленных канатах и вонзились в борт «Длани Митры». Пираты ловко подтянули парусник к галере, перекинули с борта на борт широкие доски и один за другим, не уступая в проворстве канатоходцам, перебрались на торговый корабль. Арам не успел даже опомниться толком, как на палубе его корабля вспыхнул кровавый бой.

Командам торговых судов уже много лет не приходилось ни с кем драться во время переходов из одного порта в другой, и хоть многие из матросов постоянно носили кинжалы, чаще всего их пускали в ход в пьяных драках. Стоит ли говорить, что дать достойный отпор пиратам они вряд ли могли. Правда, нашлись смельчаки среди купцов, которые отважно защищали и свою жизнь, и свои товары, и неизвестно еще, чем они дорожили больше. Но, несмотря ни на что, бой обещал быть коротким, и ни у кого ив возникало сомнений, в чью пользу он закончится.

А Конану тем временем снилось, что к дому Лемпситея грациозной походкой приближалась роскошная огненно-рыжая тигрица. Подойдя поближе, она уселась, высоко подняв красивую голову и обвив лапы длинным полосатым хвостом. Взглянув на темно-серого волка, огромная кошка облизнулась и обнажила острые клыки в некоем подобии улыбки.

— Ты не узнаешь меня, Конан? — вкрадчиво спросила и тут же сама ответила: — Не узнаешь. А я-то думала, что никогда не исчезну из твоей памяти.

— Кто ты? — поинтересовался волк, внимательно изучая тигрицу и пытаясь понять, в ком же из его женщин таился такой великолепный зверь.

— Карела, — не то промяукала, не то пропела тигрица.

— Кром! — рявкнул волк. — Напрасно ты звала себя Рыжим Ястребом. Тебе надо было сменить имя на Рыжую Кошку.

Тигрица зашипела и угрожающе подняла когтистую лапу. Не избежать бы насмешнику увесистой оплеухи, не появись из леса бурая гиена с окровавленной мордой. Увидев волка и тигрицу, гиена оглушительно захохотала:

— Как я рад видеть вас снова! Вот это удача!

— А ты кто? — грозно нахмурилась Карела.

— Вот это да! Я-то вас сразу узнал, а вы... Да я Дингир.

На этом месте сон Конана неожиданно оборвался. Еще не придя толком в себя, киммериец прислушался к доносившемуся с палубы шуму, пока не понимая, что там происходит.

«Тьфу, дрянь какая! — подумал он. — Надо же было Дингиру присниться. Вот уж не думал, что когда-нибудь вспомню о нем». Когда-то давно, будучи еще зеленым юнцом, добывавшим себе кусок хлеба, иногда черствого, а иногда и маслом, обирая зазевавшихся толстосумов, Конан попал в разбойничью шайку, которой командовала совершенно невероятная женщина по имени Карела. И сейчас, вспоминая эту изящную красотку с характером гремучей змеи, киммериец невольно улыбнулся. Да, с такой женщиной не соскучишься!

Одним из членов шайки был заморец Дингир, самовлюбленный красавчик, жестокий и кровожадный. Собственно, никто из разбойников не отличался ни особой любовью к ближним, ни целомудрием, но Дингир вдобавок ко всему был нечист на руку даже по отношению к собратьям. Из-за этого не раз вспыхивали ссоры, и Карела пригрозила, что в

конце концов прогонит заморийца прочь. Тогда он решил добиться ее благосклонности, считая, что в этом случае обеспечит себе надежное покровительство. Но не тут-то было. Он настолько разозлил Рыжего Ястреба своими домогательствами, что ему пришлось покинуть шайку под угрозой смерти. С тех пор Конан, который вскоре и сам расстался с Карелой, никогда не встречал Дингира и даже не думал о нем. С чего это вдруг этот тип явился ему во сне?

Киммериец еще раз сплюнул, сладко потянулся до хруста в костях, протер кулаками глаза и снова прислушался. На сей раз он мгновенно догадался обо всем. Там, на палубе, шла драка, и, похоже, серьезная. Вскочив на ноги, Конан выдернул из ножен меч и ударом ноги распахнул дверь.

Защищать уже было некого. Повсюду лежали тела убитых, причем членов команды «Длани Митры» среди них было гораздо больше, чем пиратов. Услышав слабый стон, варвар обернулся и увидел обращенный на него взгляд Арама, который шевелил губами, силясь что-то сказать. Конан присел на корточки возле умирающего и приподнял его голову.

— Они... — прошептал кормчий, но это было все, на что хватило его последних сил, и киммериец так и не узнал, что же хотел сообщить ему Арам.

— А этот еще откуда свалился? — раздался за его спиной голос, и варвар резко выпрямился, намереваясь свернуть пирату шею, но тот, на свое счастье, окликнул главаря: — Смотри, Дингир, какое чудовище к нам пожаловало!

— Дингир?! — изумлению варвара не было предела. — Дингир?!

— Что ты так орешь? — поинтересовался главарь, подходя поближе. — Тебе что, имя мое не нравится?

— Дингир, Нергалово отродье, откуда ты взялся? — Конану на миг показалось, что он все еще спит, только сон каким-то невероятным образом изменился, и киммериец огляделся по сторонам в поисках Карелы.

— О боги! — в глазах Дингира зажглось не менее сильное изумление. — Конан! А ты-то что тут делаешь?

— Я? — переспросил Конан. — Я плыл в Аграпур. А вот что делаю теперь, не знаю. Что тут произошло?

— Ничего особенного, — мгновенно оправившись от изумления, пожал плечами Дингир. — Я предложил отдать мне товар, но эти люди, — он обвел рукой побоище, — почему-то не согласились. Пришлось убедить их в своей правоте.

Собственно, он мог ничего и не объяснять. Взглянув на стоявшую возле «Длани Митры» галеру под черным флагом. Конан прекрасно все понял сам, и у него остался только один вопрос.

— Правитель Шандарата, — сказал он, — уверял меня, что у него есть договор с Красным Братством.

— С Братством, — не дал договорить ему Дингир, — может быть. Но я к нему не принадлежу. Я вольная птица, и никакие договоры меня не интересуют.

— Понятно, — протянул Конан, пытаясь сообразить, как ему нести себя дальше.

— Да ладно тебе, — похлопал его по плечу замориец. — Будь моим гостем. Ты плыл один?

— Не совсем, — улыбнулся киммериец, вдруг вспомнив Амарис. — Со мной женщина, хозяйка мастифов, сидящих в трюме. В каюте у нее тоже несколько песиков.

— Женщина? — Дингир, страстный любитель женщин, о котором в шайке Карелы

говорили: «Ему хоть демон, лишь бы в юбке», даже облизнулся.

— Погоди, приятель, — нахмурился Конан. — Женщина моя, и если я твой гость, она тоже.

— Что ты, что ты, — всплеснул руками Дингир, — О чем речь? — И, повернувшись к своей банде, приказал: — Этот человек и его женщина неприкосновенны. Впрочем, вон тот слизняк — тоже. — Он указал на трясущегося от страха шандаратского судью, который плыл в туранскую столицу на свадьбу своего брата. — Он обещал мне, что за него заплатят приличный выкуп.

Никто не посмел ему возразить. Впрочем, гигант с обнаженным мечом, возвышавшийся над большинством матросов с «Глаза Нергала» не меньше чем на голову, гораздо больше устраивал пиратов как гость главаря, нежели как противник. В его яких синих глазах горел холодный огонь такой силы, что, будь он магом, палубу «Длани Митры» уже через несколько мгновений покрывал бы слой пепла, оставшийся от кучки мерзавцев.

Дингир окинул долгим взглядом своих дружков и, слегка поморщившись, усмехнулся.

— Неплохие ребята, — повернулся он к Конану, — но... Грубоваты малость. А уж кровь пускать любят... Хлебом не корми. — И вдруг совершенно неожиданно рявкнул: — Убрать тут все! Эту падаль, — он показал на трупы, — за борт. Груз осмотрю сам и решу, что перенести на «Глаз Нергала». Остальное — на дно вместе с этим корытом. — Затем притворно вздохнул и вежливо улыбнулся киммерийцу: — С ними иначе нельзя. Как малые дети... Чуть-чуть дашь слабину — на шею сядут.

— Поменяй команду, — буркнул Конан.

— Где ж ее наберешь, другую-то? — снова вздохнул Дингир. — Вот ты бы пошел ко мне? Вместе мы таких бы дел наделали!

Киммериец с превеликим удовольствием удушил бы негодяя и даже не стал бы марать об него свой меч, но сейчас их силы были явно неравны, и он решил подождет более удобного случая.

— Надо подумать, — серьезно ответил он.

— Подумай, — оживился Дингир. — Я тебя не тороплю. Знаешь что? Давай отобедаем вместе. Даму свою пригласи. А то она, бедняжка, небось думает, что мы звери какие-то. Посидим, поболтаем.

— Ну, зверей-то она не боится, — ухмыльнулся Конан.

— Все равно, — настаивал Дингир. — Мальчики-то мои истосковались без женского общества. За ними глаз да глаз нужен. Они, конечно, стараются не нарушать мои приказы, но сам понимаешь...

— Понимаю, — кивнул варвар. — Поэтому лучше сейчас пойду к ней и объясню, что тут происходит.

— Ступай, — милостиво разрешил замориец. — А к обеду вас жду.

Когда Конан распахнул дверь каюты Амарис, женщина видела на краю койки, тщательно одетая и аккуратно причесанная. Она спокойно взглянула на киммерийца, словно тот пришел позвать ее на прогулку. «Потрясающая женщина, — подумал варвар. — Другая на ее месте закатило бы истерику, а она... Да, — усмехнулся про себя он, — другая и не стала бы скормливать своих возлюбленных собакам...»

— У нас неприятности, — сообщил он с порога.

— Крупные? — спросила она, и, словно повинувшись мысленному приказу, два пса подошли к ней и сели возле ног.

— Похоже на то, — кивнул киммериец.

— Что случилось? — Ни один мускул не дрогнул на ее лице. — Мы сели на мель? Корабль получил пробоину? Великий Митра испепелил кормчего? Что за шум был на палубе?

— Самая обыкновенная драка, — ответил Конан.

— Драка? — Тонкие брови приподнялись. — И кто с кем повздорил?

— Пираты с командой «Длани Митры».

— Какие пираты? Красное Братство…

— Братство само по себе, — перебил ее варвар. — Это одиночки.

— Пираты? Одиночки? — в желто-зеленых глазах на мгновение мелькнул ужас. — Их никогда не было на Вилайете.

— А сейчас появились, — непонятно почему разозлился Конан. — И их главарь — исключительная дрянь. Один из самых мерзких людышек, с какими мне когда бы то ни было приходилось встречаться.

— Ты уже успел с ним познакомиться? — удивилась Амарис.

— Я познакомился с ним несколько лет назад, еще до того, как попал в Туран, — пояснил Конан, — Мы с ним были вместе в одной разбойничьей шайке. Правда, недолго. Его оттуда выгнали, а я вскоре ушел сам.

— Если человека прогоняют разбойники, могу представить, каков он, — усмехнулась Амарис.

— Не можешь, — отрезал киммериец. — Его лицо, как морда медведя, выражает не то, что он собирается делать. Его душа грязнее клоаки. За ласковыми манерами холеного кота таится кровожадность гиены и похоть павиана.

Амарис попыталась улыбнуться, но внутренние силы, помогавшие ей казаться спокойной, оставили несчастную женщину, и по ее щекам медленно потекли слезы.

— Мне страшно, — вдруг всхлипнула она. — Я не хочу умирать. Я обязательно должна достичь Турана. Я...

Конан присел рядом с ней и обнял за плечи. Как ни странно, собаки немного посторонились и даже приветливо взглянули на него. Видимо, умные животные поняли, что этот человек — друг. Киммериец прижал голову Амарис к своей груди и тихо гладил ее волосы. Сила воли и совсем не женский характер довольно быстро взяли свое, и слезы, потоком хлынувшие из прекрасных глаз, быстро высохли.

— Надо что-то придумать, — сказала Амарис, отстраняясь от Конана и явно стыдясь минутной слабости. — Всякий человек смертен. И нет такой хитрости, которую нельзя было бы перехитрить. Надо что-то придумать, — повторила она.

— Для начала надо успокоиться, — ответил ей варвар и, видя, что она пытается возражать, продолжил: — Как следует успокоиться. Отвлечься и подумать о чем-нибудь другом. Полностью освободиться от страха, ибо даже самая малая его толика может породить панику.

— О чем-нибудь другом?! — воскликнула Амарис. — Я ни о чем больше не могу думать!

— Расскажи мне что-нибудь, — предложил Конан. — О себе, о своих собаках, мужьях, друзьях, соседях, слугах... О чем хочешь.

— Могу рассказать тебе о Балаи, — благодарно улыбнулась она.

— Балаи? — переспросил киммериец. — А это кто?

— Муж. Четвертый. О! Он был удивительным ваятелем.

- Интересно, — загорелся Конан.
 - Только это длинная история.
 - Ничего. Время у нас пока есть.
-

Глава VIII

История, рассказанная Амарис, и в самом деле оказалась удивительной. Конан, который успел немало побродить по свету, любил слушать рассказы о неведомых землях и новых людях, считая, правда, при этом, что его трудно поразить чем бы то ни было. Однако на сей раз услышанное превзошло все его ожидания. Жадно ловя каждое слово, он забыл и о загадочных собаках, и о пиратах, бродивших сейчас по торговому паруснику. Ему страстно захотелось поскорее добраться до Турана, чтобы доложить о выполненном поручении, и, навсегда покинув войско Илдиза, вернуться к жизни бродяги.

* * *

— Завтра тебе исполняется восемнадцать лет, Балаи. — Темно-карие глаза отца строго смотрели на сына из-под густых бровей. — Все мужчины в нашем роду к этому возрасту уже давно определили свою судьбу, и лишь ты благодаря последней просьбе твоей умирающей матери засиделся дома так долго. Теперь я хочу испытать тебя. Поело этого мы вернемся домой и поговорим.

Они вышли из дома и направились к площадке для спортивных игр, которая находилась неподалеку. Все мужчины их селения, раскинувшегося близ города Шандарата, чуть ли не с первых своих шагов проводили тут долгие часы, воспитывая волю, накачивая сильные мышцы, развивая в себе выносливость. Наверное, поэтому они так славились силой и мужеством, и многие из них прославили ими воинскими подвигами.

Стояло раннее утро, солнце едва-едва поднялось из-за горизонта, и в этот час на площадке было безлюдно. Радуясь своей молодости и здоровью, Балаи легко проделал упражнения, которые задавал ему отец. Он быстро и точно метал копье, бросал тяжелые камни, каждый раз непременно попадая в цель, ловко перепрыгивал через высокие и низкие препятствия, не задевая их. Отец одобрительно кивал головой и придумывал все новые и новые испытания. Вот он заставил сына снова прыгать, но уже с мешком, наполненным мелкими камнями, на плечах. Вот он начал отсчет, а Балаи, взяв в каждую руку по тяжелой дубине, помчался по узкой тропинке, огибавшей площадку. Когда юноша вернулся, отец долго притирчиво прислушивался к дыханию сына, чтобы определить, насколько тот устал.

— Что ты, отец! — рассмеялся Балаи. — Я могу пробежать еще три раза по столько же, а потом поднять любой камень, на который ты укажешь.

— Да, — кивнул отец. — Здоровьем боги тебя не обидели. А теперь я убедился, что ты успел многому научиться. Я доволен тобой. Давай присядем и поговорим.

Они устроились неподалеку от беговой тропинки на мягкой шелковистой траве возле корней высокого раскидистого дерева. Балаи молчал, ожидая, когда заговорит отец, а тот задумчиво смотрел вдаль, словно пытался увидеть будущее своего младшего сына. Наконец он тяжело вздохнул и повернулся к юноше.

— У тебя нет никого, кроме меня и старшего брата. Богатства я за свою жизнь не скопил, хотя мы никогда и не бедствовали. Я дал тебе все, что мог. Ты грамотен, силен, ловок и вынослив. Из тебя мог бы получиться прекрасный воин, который зарабатывает на жизнь мечом. К тому же тот, кто хорошо владеет оружием, не даст превратить себя в раба. Но я не

могу решать за тебя, сын мой, ибо ты уже взрослый. Ты свободный человек и волен сам выбирать свой путь. Знаю, боги наградили тебя не только отменным здоровьем. Они дали тебе талант живописца и ваятеля даже больший, чем талант твоего деда. Скажи, ты уже подумал о своем будущем? Что ты выбрал для себя? Воин или художник? Не торопись с ответом. Это очень серьезный шаг.

— Я давно уже все решил, — ответил Балаи. — Ратное дело — не для меня. Я не хочу уничтожать. Мне гораздо больше по душе создавать прекрасное. Если ты не возражаешь, мне бы хотелось стать ваятелем и прославить наш род в веках.

— Даже так? — усмехнулся отец. — Прославить? На меньшее ты не согласен? — И, не дав сыну возразить, продолжил: — Это хорошо. Имея малые цели лучше не браться за дело. Но для того чтобы стать великим художником, одного желания недостаточно. Дед многому научил тебя, им вот уже два года, как он покинул нас, не успев передать тебе всех секретов своего мастерства. Тебе нужен учитель. Ты согласен со мной?

Балаи задумался, вспомнив, как пытался вылепить из глины статую своего брата, Хоррана. Он несколько раз принимался за работу, но снова и снова бросал ее на сере дине, чувствуя, что не может уловить чего-то самого главного, единственного, чтобы изваяние ожило, чтобы оно показало силу, ловкость, гибкость мускулистого тела Хоррана. Однажды утром, проснувшись, как всегда, на рассвете, Балаи вдруг ощутил, что сегодня все должно получиться. Он разбудил брата и попросил его прийти на задний двор, где под низким навесом, одной стороной упиравшимся о старый дуб, была устроена его мастерская.

Подойдя к возвышавшейся на каменном основании незаконченной статуе, Балаи скинул влажную ткань, которой она была покрыта, чтобы глина не высыхала под лучами солнца, и внимательно осмотрел ее. Да, она была еще далека от совершенства. Перебирая деревянные инструменты ваятеля, доставшиеся ему от деда: изогнутый пилочки, большие и маленькие ножи, узкие и широкие лопатки, — Балаи глядел на свое творение, и ему казалось, что он знает, как надо преобразить его, чтобы вдохнуть в статую жизнь. Появился Хорран. Высокий, стройный, с прекрасными бугристыми мышцами, он словно был не рожден женщиной, а специально создан богами для того, чтобы вдохновлять художника. Поправив узкую набедренную повязку, Хорран взял в руки легкое копье, отставил одну ногу назад, а копье поднял над головой, как будто собирался метнуть его в цель. Балаи следил за движениями брата, восхищаясь его мужественной красотой, но стоило ему повернуться к незаконченной статуе, как улыбка на его лице погасла: собственное творение показалось ему грубой пародией на совершенное человеческое тело.

— Я готов, — весело сказал Хорран. — Я прекрасно выспался и сегодня могу долго позировать тебе.

Балаи кивнул и, не произнося ни слова, углубился в работу. Восторг исчез из глаз юноши. Теперь его взгляд, который он время от времени бросал на неподвижно застывшего Хоррана, стал внимательным и пронзительным. Глаза перебегали с тела брата на сырую глину и обратно, сравнивая, запоминая, соизмеряя. Он не замечал вокруг ничего, забыв о времени, пока не услышал, как Хорран скрипнул зубами.

— Устал? — быстро повернулся к нему Балаи.

— Да нет, — устыдился своей слабости Хорран. — Продолжай.

— Отдохни. Я вовсе не собираюсь замучить тебя до смерти.

С этими словами Балаи повернулся к своему творению и застонал от досады. Статуя, по его мнению, стала еще хуже, чем была накануне. Податливая глина под чуткими пальцами

художника приняла нужную форму, и изваяние походило на позирующего юношу, но в нем не было даже намека на жизнь, движение, порыв. Впившись взглядом в статую, Балаи мучительно пытался отыскать свой промах, пинать, в чем же ошибся, и не находил ничего.

— Нет, это не ошибка, — подумал он вслух. — Просто я безнадежно бездарен. Это выше моих сил. Изваяние мертвое. Не успел Хорран глазом моргнуть, как Балаи выхватил у него копье и яростно обрушился на статую. Через несколько мгновений она снова превратилась в груду сырой глины.

— Зачем ты это сделал? — закричал Хорран.

— Она была настолько плоха, что никто не должен ее видеть.

Три дня Балаи надолго пропадал из дома, бродил по окрестностям, любовался замысловатым рисунком облаков, проплывавших высоко в небе, тонких резных листвьев деревьев и трав, изящным очертанием лепестков диких роз. Постепенно боль, терзавшая его душу, утихла, и он снова с утра до вечера начал пропадать в своей мастерской, никому, однако, не показывая и не объясняя, чем занят...

— Да, отец, ты прав, — очнулся от тяжелых воспоминаний юноша. — Мне надо учиться. Но где? И у кого?

— Придется тебе идти в Офир, — вздохнул отец. — Там, неподалеку от Ианты, в поместье, расположенном в красивом лесу на берегу реки Красной, живет талантливый и очень богатый ваятель Варкус. Ты должен поступить к нему в ученики.

— Но примет ли он меня? — засомневался Балаи.

— Он принимает всех, в ком есть искра божья, а в тебе она есть, — успокоил юношу отец. — Но учти: быть учеником Варкуса — великкая честь. Если ты не оправдаешь его, то навсегда опозоришь свое имя. Пойдем, — добавил он, поднимаясь на ноги. — Завтра мы отметим твой восемнадцатый день рождения, а еще через пару дней ты тронешься в путь.

— Так скоро?! — воскликнул юноша.

— А ты думал, Варкус сам явится за тобой? — насмешливо посмотрел на него отец. — Хватит, ты и так уже засиделся дома. Добьешься своего, возвращайся.

После веселого пира с обильным угощением, песнями, танцами, играми, состязаниями в силе и ловкости, в которых участвовали, как было принято, все селяне, Балаи начал собираться в дорогу. Путь до Офира был неблизким, и несмотря на то что юноша уже давно не был беспомощным младенцем, он не отважился отправляться в одиночестве. Правда, вопрос решился очень быстро. В таком большом городе, как Шандарат, в котором вовсю процветала торговля, всегда можно было найти купцов, собиравшихся в ту или иную страну. Балаи с отцом провели в Шандарате всего один день, а наутро следующего юноша уже покинул город вместе с караваном, идущим в Замору.

Караван достиг Шадизара без особых приключений, а там Балаи легко отыскал попутчиков до Ианты. Юноша прежде не покидал родного дома, и потому все, что он видел, приводило его в восторг, ибо он открывал для себя такой огромный и такой разнообразный мир. Горы поражали его величием и строгостью, равнины — бескрайним простором и небом над ним, которое здесь казалось особенно высоким и чистым, леса — множеством деревьев, трав и цветов, каких до сих пор Балаи не приходилось видеть. Ему хотелось обнять весь мир и унести его с собой в сердце, чтобы потом создать хотя бы подобие этой неповторимой красоты. Он так радовался каждому новому дню, что дальний путь вовсе не показался ему дальним, и он даже удивился, когда купец, с которым юноша успел подружиться, показал рукой на горизонт:

— Видишь вон те башни? Это Ианта.

— Как Ианта? — удивился Балаи. — Так быстро? Мне кажется, я совсем не готов к встрече с Варкусом. Да и как найти его дом?

— Очень просто, — рассмеялся купец. — Слава великого ваятеля настолько велика, что любой офицер, от знатного вельможи до последнего нищего, покажет тебе дорогу к его поместью. Впрочем, насчет нищих я погорячился. В этой благословенной стране нет нищих. Здесь даже существует поговорка: «Не родился еще офицер, который хоть раз испытал чувство голода или ночевал под открытым небом».

К вечеру караван достиг Ианты, и Балаи решил переночевать в таверне, а уж наутро отправиться на поиски Варкуса, и пусть знаменитый мастер решит его судьбу. «Он принимает всех, в ком есть искра божья, а в тебе она есть», — вспомнил он слова отца, и это теплое воспоминание помогло ему хорошенько выспаться, видя светлые и радостные сны.

Наутро, переговорив с хозяином таверны, который оказался, как это ни странно для человека его занятий, худощавым и весьма суровым, Балаи поспешил в центр города, где на главной базарной площади находилась лавка, владелец которой торговал ювелирными изделиями, поделками из камней и металлов, а также картинами. Уж кто-то, а он точно должен был знать, где живет Варкус. Без труда отыскав лавку, юноша решительно толкнул дверь, и ему показалось, что он очутился в волшебном сне.

На полках, развешенных по стенам, стояли вещи необычайной красоты. Кубки из оникса, опоясанные диковинными драконами, — первое, что бросилось в глаза Балаи. Чудовищные каменные звери поднимали оскаленные морды с огромными клыками, взмахивали крыльями, вырезанными так тщательно, что была видна каждая чешуйка, и украшенными золотыми крохотными звездочками, и злобно смотрели друг на друга рубиновыми глазами. С трудом заставив себя оторваться от завораживающего зрелища, юноша перевел взгляд и снова замер, увидев кувшин из агата, украшенный стеблями ползучих растений из зеленого непрозрачного камня. Ветви шли снизу, изгибались в виде ручки и заканчивались у горлышка. В тончайше выполненной листве прятались невиданные птицы, окрашенные разноцветной эмалью.

Затаив дыхание, Балаи рассматривал пейзажи и портреты, обрамленные совсем тоненькими и тяжелыми резными рамами, которые висели на стенах, округлившимися от изумления и восторга глазами глядел на разложенные и мелких деревянных ящиках, дно которых было затянуто красным и синим бархатом, медали, броши, серьги, кольца, браслеты. Тускло мерцавшее золото, огненные рубины, полупрозрачные дымчатые топазы, темно-красные гранаты, светлые и темные изумруды — такого великолепия ему еще никогда не приходилось видеть. И вовсе не то, что за пару таких колец можно было купить дом, восхищало Балаи. По его мнению, всему этому просто не было цены, ибо любая безделушка в этой лавке могла смело называться произведением искусства.

— Ты, я вижу, прибыл издалека, — услышал вдруг юноша голос, который вывел его из оцепенения. — Офицеры редко заглядывают ко мне. Тем, кто победнее, не нужны все эти побрякушки, а тот, кто побогаче, предпочитает заказывать для себя вещи у мастеров.

Балаи обернулся на голос и увидел хозяина лавки, невысокого пухлого старичка, маленькие глазки которого приветливо смотрели на юношу из-под лохматых седых прядей. Старик улыбался, и на круглых, розовых, как у младенца, щеках играли веселые ямочки. Балаи невольно улыбался в ответ.

— Ты уже выбрал что-нибудь? — поинтересовался старик. — Пусть весь этот блеск не

смущает тебя. Я много не запрошу.

— Увы, — развел руками юноша. — Я пришел не покупать. Я лишь хотел узнать, не подскажешь ли ты мне, как отыскать Варкуса.

— Ты хочешь заказать у него какую-нибудь вещь? — удивился стариk. — Варкус — знаменитый мастер, и его работа стоит очень дорого. Она по карману лишь королю и ого приближенным.

— Нет, что ты! — рассмеялся Балаи. — Посмотри на меня. Какой из меня заказчик? Нет. Я прибыл издалека, как ты правильно понял, но не за украшениями. Я хочу просить великого Варкуса, чтобы он взял меня в ученики.

— Ах вот оно что, — закивал головой стариk. — А ты умеешь что-нибудь делать?

— Я неплохо рисую, — ответил Балаи. — Занимался лепкой. Мой дед был ваятелем, и он кое-чему успел обучить меня. Но этого мало.

— Хорошо, — согласился стариk. — Я скажу тебе, где живет Варкус. А ты пообещай, если он примет тебя в ученики, время от времени приносить мне свои работы для продажи. И тебе деньги не помешают, и у меня в лавке что-то новенькое появится. А то все это, — он обвел рукой свою лавку, — уже почти никто не берет.

— Если Варкус не прогонит меня, я буду иметь дела только с тобой, — твердо пообещал юноша.

— Вот и договорились, — обрадовался стариk. — Слушай. Тебе надо выйти за городские ворота и направиться по дороге, уходящей на юг. Совсем недалеко, не больше трети дня пути, увидишь почти на самом берегу реки высокую стену из белого камня. Это поместье Варкуса. Больше ничьих домов там нет, так что ты не ошибешься. Возле ворот есть дверь. Постучись в нее и объясни, кто ты и зачем пришел. А дальше... Я могу лишь попросить лучезарного Митру, чтобы он был милостив к тебе.

— Благодарю тебя. Ты необычайно добр, стариk. Да пребудет с тобой благословение богов!

Балаи, не желая больше тратить ни минуты драгоценного времени, поспешил прочь из лавки, вернулся в трактир, забрал свои пожитки, расплатился с хозяином и вскоре уже шагал по широкой, ровной дороге, ведущей из Ианты на юг. Стариk описал все очень точно, и, едва солнце перевалило за горизонт, как впереди юноша увидел стену из белого камня и прибавил шагу, чтобы поскорее постучаться в вожделенную дверь.

Поместье Варкуса раскинулось на берегу реки Красной. Оно было так велико, что скорее напоминало целое селение. От реки и окружающего светлого леса его отделяла прочная стена с широкими стрельчатыми воротами и узкой тяжелой дверью, обитой металлом. В двери было сделано небольшое окошко, плотно закрытое изнутри. С замирающим сердцем Балаи поднял руку и несколько раз робко постучал в окошко. Оно тут же приотворилось, и юноша увидел краснощекое лицо молодого стражника.

— Кто ты? — спросил стражник. — Что привело тебя к дому великого мастера?

— Меня зовут Балаи. Я хотел бы увидеть Варкуса и спросить, не возьмет ли он меня в ученики, — на одном дыхании выпалил юноша.

— Подожди здесь, — ответил стражник, и окошко тут же захлопнулось.

Ждать пришлось не очень долго, и вскоре окно снова приоткрылось.

— Заходи, — распорядился стражник. — Великий Варкус мшился поговорить с тобой.

Дверь распахнулась, и на дрожавших от волнения ногах и ступил в обширный квадратный двор, вымощенный каменными плитами. Двор тоже был обнесен стеной, правда,

не такой высокой, как внешняя, но, похоже, не менее прочной. В этой стене было проделано две двери: одна справа, а другая — впереди, в глубине двора.

Как позже узнал Балаи, за дверью, находившейся впереди, входящему представлял дом, где обитал Варкус с семьей и учениками. Это был даже не дом, а, скорее, дворец, сложенный из белого камня, с двумя островерхими башнями к бокам. В одной из них располагалась огромная библиотека, которую начал собирать еще дед художника, а в другой находилась комната, в которой мастер уединялся, когда обдумывал очередной заказ или, осененный вдохновением, щ зарисовки своих будущих шедевров.

Фасад дома поднимался уступами, и от этого здание казалось гораздо выше, чем было на самом деле. Высокие окна состояли как бы из двух частей. Нижние половины были прозрачными, а в верхних всеми цветами радуги играли изумительной красоты витражи.

За домом раскинулись чудесные сады, за которыми ухаживали садовники. Должности эти были наследственными, так что деды нынешних садовников работали на деда Варкуса, который и основал поместье. В садах росли невозможные деревья, в том числе и фруктовые, цветли различные цветы, так удачно сменявшие друг друга, что, капалось, тут царит вечное лето. Широкие тенистые аллеи с установленными на них резными скамьями были излюбленным местом прогулок Варкуса.

За садами шли огороды. Мастер предпочитал овощи, только что снятые с грядки, и потому его слуги никогда не ходили на рынки. К тому же он был весьма недоверчив и ел только то, что было произведено руками проверенных людей, опасаясь за свою жизнь и здоровье. Именно поэтому за огородами располагались птичий двор, овчарни, хлева, а поскольку хозяин обожал лошадей, то и конюшни.

Предусмотрительные предки Варкуса устроили свое жилье так, что в поместье, если бы возникла такая необходимость, можно было выдержать многолетнюю осаду, ни в чем не нуждаясь и не отказываясь от своих давних привычек»

Все это стало известно Балаи несколько позже, когда он, любезно принятый знаменитым художником, прожил в его доме в качестве ученика пять лет. Это был самый малый срок, отведенный Варкусом на обучение. Мастер вообще любил говорить, что для настоящего художника пора ученичества не кончается никогда, потому что его истинный учитель — жизнь.

— Варкус примет тебя в мастерской, — пояснил стражник и повел Балаи к двери, расположенной справа.

За ней в маленьком дворе стояло небольшое и очень скромное с виду здание, где Варкус проводил обычно но менее половины дня, а его ученики вообще покидали мастерские лишь для того, чтобы поесть, принять ванну и выспаться. Если кому-то такой распорядок дня казался слишком напряженным, он просто-напросто переставал числиться в учениках Варкуса и навсегда покидал его дом.

Балаи сделал глубокий вдох, словно собирался нырнуть на большую глубину, и решительно переступил порог мастерской. Навстречу ему из-за широкого стола, на котором были разложены куски поделочных камней и различные резцы, поднялся высокий мужчина лет сорока с небольшим, широкоплечий и, судя по всему, сильный и ловкий. Светлокаштановые длинные волосы, лежавшие крупными волнами, открывали высокий лоб и падали на спину. Аккуратно подстриженная борода была тщательно расчесана. Красивые карие глаза, обычно холодные и проницательные, смотрели внимательно и по-доброму.

— Ты хочешь у меня учиться? — спросил Варкус, и голос художника, низкий,

бархатный, казалось, проник в душу оробевшего юноши.

— Да, — кивнул Балаи и больше не мог вымолвить ни слова.

— Покажи, что ты умеешь. — Мастер протянул юноше резец. Балаи удивился, насколько изящны руки Варкуса с длинными, тонкими, как у женщины, пальцами. — Присаживайся. Ты когда-нибудь работал с камнями?

— Нет, — замотал головой Балаи. — Я пробовал лишь рисовать и лепить.

— Хорошо. Тогда пройди вглубь мастерской. Там есть бумага и угольки для рисования. А вон там, справа, найдешь глину. Когда будешь готов, позови.

Варкус снова погрузился в работу, а Балаи, положив на иол свой дорожный мешок, отправился искать бумагу, преследуемый испытующими взглядами пяти учеников художника, успев при этом заметить, что, к его радости, ни один из взглядов не был недоброжелательным.

Быстро отыскав все необходимое, юноша взял в руки уголек и задумался. Что бы такое изобразить, чтобы Варкус сразу понял, что из Балаи может выйти толк, и оставил его у себя? Пока он размышлял, рука сама потянулась к бумаге, и вскоре на белом листе отчетливо проступили величественные горы, над ними поплыли легкие облака, а по острым камням весело запрыгала стремительная речка.

— Довольно, — услышал он у себя за спиной чарующий голос мастера. — У тебя неплохая рука. И глаз верный. Красками рисовать не пробовал? — Балаи отрицательно мотнул головой. — Ничего, у тебя еще все впереди. Оставайся.

И потекли дни ученичества. Они складывались в месяцы, месяцы — в годы, но Балаи сетовал лишь на то, что время бежит слишком быстро, ибо только здесь, познавая глубинную сущность искусства, юноша чувствовал себя необычайно счастливым. Все казалось ему интересным и важным. С трепетом и восторгом изучал он творения величайших древних художников, которые несколько поколений предков Варкуса старательно собирали, чтобы потомки не утратили представления о красоте. Затем долгими днями усердный ученик копировал статуи, барельефы, рисунки, картины, чтобы отработать четкость линий и чистоту формы. Учитель не раз говорил, что такая работа рождает лишь хорошего подражателя, но не творца, однако и это необходимо, ибо Великие Древние не зря оставили после себя наследие. По нему, как по мудрым книгам, должны учиться благодарные потомки. А творцом человек становится лишь после того, как понимает: у него есть что сказать людям.

— Прежде чем браться за работу, — поучал своих подмастерьев Варкус, — долго думайте над тем, что хотите создать. Вы уже овладели мастерством хороших ремесленников, теперь добивайтесь выразительности. Возьмите любой материал и одухотворите его. Пусть руки выполняют веления сердца и разума.

Чем больше Балаи узнавал Варкуса, тем больше восхищался этим человеком. Боги указали художнику его предназначение, одарили его множеством талантов. Если он брался за кисть, полотно ожидало. Изображенные им люди, казалось, беседовали с теми, кто на них смотрел, деревья колыхались под дуновением ветра, цветы благоухали, а солнце грело тонкими, едва уловимыми лучами. Если Варкус присматривал какой-нибудь поделочный камень, под его резцом тот обретал душу. Презренное золото и холодные самоцветы превращал он в удивительные волшебные сказки, и даже дурнушка становилась красавицей, если на ней было надето украшение, сотворенное Варкусом. Однажды художник показал Балаи крошечную серебряную статuetку танцовщицы, и восхищенному ученику почудилось, что зазвучала музыка, а изящное тело танцовщицы начало изгибаться в такт ей.

О! — воскликнул юноша. — Да ведь она живая! Воистину, учитель, боги благоволят тебе.

— Не знаю, — пожал плечами Варкус. — Милость богов дарует нам силы, но, если ты не хочешь или не можешь много работать, боги отвернутся от тебя. Так что без усилий человека не получится настоящего художника.

— Как удалось тебе создать такое чудо? — спросил Балаи.

— Запомни два основных правила, — ответил мастер. — Во-первых, если хочешь быть художником, оставь все печали и заботы, кроме искусства. Душа твоя должна быть подобна зеркалу, которое отражает мир во всем многообразии форм и красок, оставаясь при этом неподвижным и ясным.

— А второе?

— Изучи пропорции человеческого тела, после чего займись наблюдениями. Смотри на людей: как они стоят, ходят, разговаривают, плачут, смеются, ссорятся. Обращай внимание, какие у них при этом лица. И всегда носи с собой маленькую книжечку с чистыми листами. В ней делай зарисовки. Когда она кончится, возьми другую, но старую никогда не выбрасывай. Не полагайся на память, ибо движения тел бесконечны.

Каждое слово учителя Балаи воспринимал как откровение богов, и результаты не замедлили сказаться. Довольно скоро он стал одним из самых любимых учеников Варкуса, которому художник прочил великое будущее. Он вообще-то относился к своим ученикам довольно ровно, потому что бездарных прогонял сразу, а ленивых — чуть позже. Но двоих он все же выделял: Балаи и его приятеля Далуса из Аквилонии. Однажды Балаи случайно услышал, как Варкус говорил жене:

— Далусу, к сожалению, не хватает изобретательности и вдохновения, зато он блестящий мастер с чуткими руками, хорошо понимает замыслы и предельно точно выполняет их. Балаи тоже чуть-чуть не хватает фантазии, он вряд когда-нибудь сможет создавать диковинные образы, но зато он обладает душой, чувствительной ко всему прекрасному. Его работы изящны и утонченны. Мне очень нравятся эти юноши, и я рад, что они дружат. Когда я работаю Далусом, у меня словно четыре руки, а когда с Балаи — две души.

Эти слова окрылили юношу, и он удвоил свои старания. Пять лет пролетели для него, как один, и он даже слегка огорчился, когда Варкус сказал ему:

— Годы твоего ученичества подходят к концу. Ты очень многому научился за это время, и, по моему мнению, стал достоин звания художника. Но прежде чем я позволю тебе работать самостоятельно, тебе придется сдать своеобразный экзамен. Ты должен сам задумать и исполнить какуюнибудь работу. Я ни в чем не буду ограничивать тебя. Это может быть картина, ювелирное украшение, крошечная статуэтка, чаша, ваза или большая статуя. Главное — в ней должна быть твоя душа.

— Я думал об этом, учитель, — ответил Балаи, — и знаю, что бы мне хотелось сделать.

— И что же?

— У одного из твоих садовников, Фарраса, есть дочь

— Нирала? Знаю, прелестное дитя. Изящное, милое и веселое, как птичка. А сколько ей лет?

— Двенадцать. Но дело не в ее возрасте. Она так очаровательна, что мне хотелось бы создать статую из бронзы, изображающую девочку с букетом цветов.

— Статую? — удивился Варкус. — Ты не ищешь легких путей, сын мой. Это очень

трудная работа. Буду рад, если она у тебя получится.

Работа и правда оказалась нелегкой, но молодым художником овладело такое вдохновение, что даже трудности приносили ему радость. Несколько дней он потратил на то, чтобы уговорить Ниралу позировать ему для необходимых эскизов. Девочка вовсе не отказывалась, да и ее отцу льстило, что с его дочери собираются изготавливать статую, но природная живость и непоседливость ребенка не давали ей усидеть на месте дольше нескольких минут, а Балаи требовались часы. Наконец он придумал, как быть. Нирала бродила по саду, собирая цветы, а Балаи, сидя на скамье неподалеку, рисовал. Лишь изредка он просил девочку замереть, и она послушно исполняла его просьбы.

Когда эскизы были готовы, Балаи приступил к лепке статуи из воска. Много раз он начинал и вновь ломал до основания свою работу, пока в конце концов не получил то, к чему стремился. С восторгом смотрел он на милое дитя, слегка склонившее прелестную головку и прижимающее к груди букетик скромных цветов. Казалось, легкий ветерок шевелит длинные волнистые пряди и подол короткою платья, из-под которого выглядывают маленькие стройные ножки.

Варкус долго смотрел на восковую статую, не произнося ни слова. Затем он обернулся к замершему в ожидании ученику:

— Ты еще более талантлив, чем я предполагал. Она удивительно хороша. А теперь да благословят боги твои руки и огонь печи, откуда эта девочка должна выйти в бронзе.

Балаи и сам понимал, что наступает самый ответственный этап его работы, и попросил других учеников немногого помочь ему. Возле здания мастерской стояла обжиговая печь. Помощники Балаи к назначенному сроку загрузили ее дровами, тщательно и очень аккуратно уложив их, чтобы костер горел равномерно. Молодой художник старательно обмазал специально подготовленной глиной восковую модель, проделав в глине отверстия, чтобы воск, когда начнет таять, мог легко вытечь наружу. Балаи с Далусом бережно отнесли ее к печи и положили внутрь, так что полученная форма оказалась в середине костра. Вспыхнул огонь, и через некоторое время глиняная форма начала «плакать» — потек воск.

Целую ночь, затем день, а потом еще ночь форма лежала в печи, и Балаи ни на минуту не отошел от нее, поддерживая огонь и следя за тем, чтобы глина хорошо обожглась. Если форму обжечь неправильно, считай, все труды потрачены напрасно. Наконец, когда последние капли воска с тихим шипением испарились, форма была готова и ее вынули из печи. Только после этого Балаи согласился пойти в свою комнату и отдохнуть. Не успел он коснуться подушки щекой, как провалился в глубокий сон и проспал до утра следующего дня.

Пока он отдыхал, его помощники выкопали глубокую и яму возле печи. Форму обвязали крепкими веревками и осторожно опустили в яму вровень с печью. К отверстиям ноли глиняные трубки для заливки бронзы, форму зашли и засыпали землей, которую тщательно утрамбовали. Пора было приступить к литью металла и отливке статуи, но без Балаи никто ни к чему не прикасался, ибо он хотел все сделать сам.

Пробудившись от долгого сна и почувствовав себя бодрым и свежим, молодой художник наскоро позавтракал и поспешил к мастерской. Печь для плавки уже была готова для работы. Балаи собственноручно аккуратно уложил внутрь слитки чугуна и меди, располагая их симметрично, чтобы огонь охватил слитки со всех сторон и металл расплавился равномерно. Окинув свою работу быстрым взглядом, он удовлетворенно кивнул и поджег сухие смолистый поленья.

Когда слитки металла превратились в жидкость и перемешались между собой, Балаи

собственноручно открыл специальное отверстие в плавильной печи, и горячая бронзу медленно потекла по трубкам в форму.

— Подбросьте еще дров! — распорядился художник, опасаясь, что бронза остынет раньше времени и статуя окажется безнадежно испорченной.

Его приказание было немедленно выполнено, однако Балаи не успокоился и, рванувшись в мастерскую, принес оттуда куски серебра и олова. Не обращая внимания на недоуменные взгляды окружающих, он решительно бросил добавки в печь. Бронза вскипела и потекла значительно быстрее. Когда форма была заполнена, трубы вынули, а отверстия плотно закрыли и присыпали их землей. Теперь статуя должна была остыть, прежде чем ее освободят от глиняной формы.

Прошли два дня, во время которых Балаи не находил себе места от волнения, и наконец все собрались возле мастерской. Раскопав статую, ее осторожно вынули из ямы и бережно положили на землю. Балаи взял в руки небольшой металлический стержень и слегка ударил по глине. Раздался треск, и по форме во все стороны побежали глубокие трещины, словно она мгновенно покрылась глубокими морщинами. Аккуратно, словно боясь повредить свое детище, Балаи начал снимать отковавшиеся куски. Когда статуя предстала перед зрителями, у всех вырвался общий вздох восхищения. Даже холодный металл не смог сковать жизнь этого великолепного творения, спрятать его душу.

— Благодарю тебя, сын мой, — взволнованно произнес Варкус. — Она так прекрасна, что, кажется, боги водили твоей рукой. Мне больше нечего учить тебя.

— Через несколько дней, установив свое творение в саду Варкуса и уговорив его принять этот подарок от благодарного ученика, Балаи навсегда покинул поместье великого мастера. Душа его разрывалась от горя, ибо он покидал верных друзей и единомышленников, и пела от счастья, потому что он возвращался домой художником, который своими деяниями не посрамил имени отца, а наоборот, принес ему славу. То ли еще будет, когда он вернется на родину и весь мир узнает о маленьком селении близ города Шандарата не потому, что там родился и создал свои лучшие произведения блестящий ваятель по имени Балаи. В том, что он когда-нибудь создаст хоть один бессмертный шедевр, молодой художник нисколько не сомневался.

Несмотря на то что ему хотелось как можно скорее двинуться в обратный путь, Балаи прекрасно понимал, какие опасности подстерегают одинокого странника. Вернувшись в Ианту, он прожил там пять дней, пока не выяснил, что вскоре в Замору отправляется караван. Вместе с торговым караваном пришел он в Офир, так же и уйдет отсюда.

Дорога сюда оказалась нетрудной и приятной, а значит, и ню он доберется без приключений. На сей раз, однако, все вышло совсем иначе. Караван благополучно добрался до Карпашских гор, лежавших на границе Офира и Заморы, и после короткого привала ступи на широкую тропу, извивавшуюся среди серых угловатых скал, на которых, каким-то чудом удерживаясь на камнях цепкими кривыми корнями, росли редкие деревья и убогие колючие кусты.

— Смотри, — обратился к Балаи купец, который ехал рядом с ним на изящной нервной лошадке, совершенно не пригодной для дальних переходов, — какое удивительное дерево.

Балаи проследил глазами за рукой купца и невольно вздрогнул. Но не корявое деревцо, напоминавшее очертаниями старуху с поднятыми для проклятия руками, испугало художника. Его зоркие глаза увидели то, что не заметил беспечный купец. Корни дерева обнимали крупный камень, который, казалось, только на них и держался. Стоило ветру

посильнее ударить в скалу, как камень непременно сорвется и повлечет за собой другие, словно специально рассыпанные по склону. Начнется камнепад, который сметет с тропы любого, кто будет в тот миг проходить по ней.

— Надо поспешить! — крикнул Балаи, чтобы его услышали все. — Тут очень опасно! Огромный камень навис над скалой!

— Не паникуй, — рассмеялся кто-то в ответ. — Этот камень висит здесь с сотворения мира. Тысячи людей проходили под ним. Он только кажется страшным, а на самом деле держится оченьочно.

И тут дерево, стоявшее на скале, словно услышало их спор. Оно вздрогнуло и заскрипело, и в этом противном звуке Балаи послышался дребезжащий старушечий смех Он снова взглянул вверх и замер, словно сам обратился и каменное изваяние: корни разжались, как пальцы цепкой руки, и камень с грохотом полетел вниз, сметая все на своем пути. Все бросились врассыпную, но разве можно укрыться от камнепада на горной тропе? Люди падали и больше не поднимались, лошади вставали на дыбы, сбрасывая седоков, слышались вопли и хруст ломавшихся костей...

Лошадь, на которой ехал Балаи, взмыкала, и он непременно свернулся бы себе шею, ударившись о землю, если бы не ухватился обеими руками за колючий куст, который, на его счастье, рос неподалеку. Повиснув на скале, Балаи испуганно озирался вокруг, пытаясь найти хоть крошечный уступ на который можно было бы поставить ногу, потому что руки, пронзенные острыми шипами, отказывались ему служить. Сверху сыпались камни, и вот один из них, спружинив на ветках куста, перелетел через голову художника и со страшным грохотом рухнул на землю. Скосив глаза вниз, Балаи с изумлением увидел, что камень начал медленно погружаться в почву, затем все быстрее и быстрее, оставляя за собой широкую яму с неровными краями. «О боги!» — успел подумать Балаи, пальцы его разжались, и он стремительно полетел вниз.

Падение длилось долго. Художника окружала непрочная тьма, воздух был сырым и холодным, время, казалось, замерло. Постепенно вокруг Балаи начало появляться слабое свечение, словно где-то внизу был спрятан источник света, но его лучи не могли рассеять тьму. Внезапно скорость падения резко возросла, и Балаи, безуспешно пытавшийся ухватиться за края ямы, рухнул в рокочущие волны. Вынырнув на поверхность, он увидел, что стало гораздо светлее и что свет идет откуда-то спереди, по течению быстрой реки, в которую он попал. Стремительный поток подхватил его и понес навстречу свету. Вода была обжигающе холодной, и Балаи, собрав последние силы, попытался выбраться на берег, который, к счастью, оказался недалеко.

С трудом уцепившись за скользкий камень, стоявший у самой кромки воды, художник отдохнул, а потом, несколько раз срываясь и падая обратно в реку, все-таки умудрился выбраться на сушу. Глаза его успели привыкнуть к полумраку, и он внимательно оглядился по сторонам. Такой огромной пещеры ему еще никогда не приходилось видеть. И всюду — лишь голые камни, такие холодные, что это чувствовалось даже на расстоянии.

Немного отдохнув, Балаи решительно направился по миопию подземной реки, стараясь не покидать берега, чтобы не заблудиться. Он понятия не имел, куда в конце концов выйдет, но и оставаться на месте в ожидании голодной смерти тоже не собирался. Он шел, пробираясь между камнями, бездумно и бесцельно. Кое-где начали попадаться незнакомые растения. Все они, лишенные солнечного тепла и света, были хилыми, блеклыми, уныло-серого цвета, но все-таки это была жизнь, а значит, появлялась надежда, что пещера рано или

поздно кончится. Иногда, осматриваясь, Балаи думал, что все это ему снится, и старался запомнить этот совершенно нереальный мир, чтобы, пробудившись, запечатлеть его на полотне.

Даже под пыткой Балаи не смог бы сказать, сколько времени он бредет по холодной пещере и день сейчас или ночь. Он просто шел, не останавливаясь ни на миг, сосредоточенно глядя под ноги, чтобы не споткнуться и не сломать ногу, и, следовательно, не остаться тут навсегда. Вдруг он остановился, словно кто-то шепнул ему: «Спасен!», и поднял голову. Далеко впереди полыхал яркий свет. Солнце?! Но разве можно было что-нибудь рассмотреть на таком расстоянии? И Балаи, ускорив шаг, почти побежал к долгожданному свету, обещавшему вожделенное тепло.

Он бежал и бежал вперед, все больше убеждаясь, что там, впереди, дневной свет, а когда наконец выскочил из высоких каменных сводов, сердце его затрепетало от радости: перед ним лежала долина, залитая жарким солнцем. Какое это было счастье снова видеть голубое небо, ярко зеленую траву, деревья, пышные кусты и чудесные цветы!

— Слава тебе, великий Митра, Податель Жизни! — воскликнул Балаи.

Словно в ответ на его слова вдруг прогрохотал гром, и деревья вздрогнули от сильного порыва ветра. Художник в изумлении огляделся. Откуда гром? На небе — ни облачка. И тут его осенило. Это могло быть лишь ответом на прославление чужого бога! Значит, несмотря на то что все вокруг выглядит таким привычным и знакомым, это не поверхность земли? Значит, он попал в подземную страну, как дм капли воды похожую на ту, откуда он пришел? Но как такое может быть? Или он умер и попал в страну Огненного Бога Эрлика? Эрлик — суровый и жестокий бог, он вполне мог рассердиться, что прибывший к нему сначала вспомнил Митру.

— Прости меня, достославный Эрлик, — пробормотал Балаи, — не со зла я не сразу вспомнил о тебе.

И снова загремел гром, налетевший ветер прижал к земле высокую траву, затрещали ветки деревьев, и с них посыпались какие-то плоды. Посмотрев под ноги, Балаи увидел какой-то необычный фрукт овальной формы нежно-розового цвета и, совершенно не думая о возможных последствиях, впился в него зубами, так как вдруг почувствовал, что голоден настолько, что готов щипать траву. Внезапно под ступивший голод был так силен, что художник даже забыл на миг о гневе неведомого бога. Фрукт оказался сочным и удивительно нежным. Его бледно-желтая мякоть таяла во рту, и с каждым глотком к Балаи быстро возвращались силы, а съев еще пару удивительных фруктов, он и вовсе забыл и о богах, и о том, как попал в эту долину, и о том, что даже не догадывается, как дальше сложится его судьба. Ему стало легко и радостно, так что даже захотелось петь. Такие ощущения он испытывал лишь однажды, когда по неопытности перебрал вина. Махнув на все рукой, Балаи лег на шелковистую траву, закинул руки за голову и мгновенно заснул.

Сколько он проспал: час, день или целую неделю, — Балаи не знал, но когда он открыл глаза, солнце по-прежнему стояло высоко в небе, словно вовсе и не покидало его. Опьянение, вызванное сладким соком неведомого фрукта, прошло, и художник вновь задумался над тем, куда же он попал. Он посидел немного на берегу реки, задавая себе множество вопросов, на которые, естественно, не находил ответа, а потом решил, что как бы то ни было, но надо идти вперед. Скорее всего, где-то здесь есть люди. Вот они-то и помогут разобраться во всем.

Он встал и зашагал вперед, где тонкой полоской у самого горизонта виднелся дальний

лес. Подойдя поближе, Балаи остановился в нерешительности: деревья стояли почти вплотную друг к другу, а там, где между ними можно было бы пройти, росли высокие колючие кусты. Вздохнув, он пошел вдоль опушки, отыскивая более подходящее для входа место, и наконец обнаружил тропу, наверняка прорубленную человеком. Деревья и кусты по обеим сторонам тропы были обобраны. На них не было ни одного плода, хотя дальше, в глубине леса, их хватило бы на сто человек. Несомненно, где-то неподалеку жили люди, которые постоянно по пользовались этой тропой.

Извилистая, то и дело петлявшая тропа вывела путника на большую поляну, посредине которой возвышался камень в два человеческих роста, покрытый ровным ковром темно-зеленого мха. За ним лес кончался, и впереди виднелась высокая башня из серого камня, поднимавшаяся из-за каменной же стены. Довольно легко взобравшись по мягкому, пружинившему под ногами мху, Балаи разглядел за стеной островерхие крыши над неказистыми домами. Между лесом и городской стеной простирались возделанные поля с оросительными каналами.

Художник почти бегом направился к городу. Стоили ему приблизиться к массивным деревянным воротам, окованным широкими металлическими полосами, как проделанная в них узкая дверца распахнулась, и навстречу Балаи вышли три высоких воина в строгих черных одеяниях с тяжелыми мечами в руках. Они заговорили с путником, и, к его радостному удивлению, их язык очень походил и распространенный в Офире хайборийский.

— Кто ты? — спросил один из воинов, по-видимому старший.TM Откуда ты идешь и что ищешь в Акстаре?

— Меня зовут Балаи, — ответил художник. — Я жил и учениках Варкуса, великого офирского ваятеля. Время моего ученичества кончилось, и я возвращался в Шандарат, когда разбушевавшаяся стихия занесла меня сюда.

— Шандарат? — Старший повернулся к своим спутникам. — Кто-нибудь из вас слышал о такой стране? — И когда те покачали головами, нахмурился. — Ты лжешь, путник. Такой страны нет в нашем мире.

— Это не страна, — пояснил Балаи. — Это город. А ваш мир... Похоже, я жил в другом мире.

— И другого мира тоже нет, — совсем рассердился воин. — Великий Напот сотворил только один мир.

— Напот? Это ваш бог? — поинтересовался Балаи, одно временно пытаясь вспомнить, в какой стране поклоняются богу с таким именем, но его попытки ни к чему не привели, разве что своим вопросом он вызвал ярость всех трех воинов.

— Взять его! — приказал старший. — Его слова настолько кощунственны, что он должен предстать перед халачем и его советниками. Пусть они решают его судьбу.

Воины схватили художника, недоумевавшего, какое преступление он совершил, и потащили его в город. Не успел он и глазом моргнуть, как очутился возле входа в башню, где, как оказалось, обитал халач — правитель города-государства под названием Акстара. Трудно сказать, повезло Балаи или нет, но в это время халач как раз обсуждал со своими советниками — представителями знати и жрецами — государственные вопросы, и потому судьба странного путника, неизвестно как попавшего в Акстару, решилась быстро.

Выслушав сбивчивый и, с точки зрения халача, совершенно неправдоподобный рассказ пленника, правитель сказал:

— Или ты сумасшедший, или тебя создали злые духи. Я давно правлю Акстарой, как до

этого правила мой отец, дед и прадед. Моим жрецам, хранителям знаний, известно все о мире, созданном Напотом, но никто и никогда даже не слышал о местах, о которых твердишь нам ты. Я мог бы убить тебя сразу или приказать принести тебя в жертву, но в твоих глазах нет безумия, а значит, твою тайну надо раскрыть.

Халач надолго замолчал, и никто из присутствовавших не осмелился нарушить молчание. Наконец, решив для себя что-то, правитель заговорил снова, но уже обращаясь к высокому мужчине лет пятидесяти, облаченному в просторные одежды темно-красного цвета, голова которого была гладко выбрита, а иссиня-черная борода заплетена в две длинные косы:

— Слушай мое слово, кинами Хуракан. Тебе, первосвященнику, подчиняются жрецы всех богов. Ты должен взять пленника к себе и разузнать о нем как можно больше. После этого тебе предоставляется право решить, кто из чиланов принесет его в жертву своему богу.

Кинами Хуракан поднялся и едва заметно склонил голову в знак повиновения.

— Ты произнес свое слово, халач Авилиш, и я его услышал. Да будет так.

По знаку Хуракана два воина, стоявших за спиной Балаи, снопа подхватили его под руки и вывели из зала. Они долго шли по лестницам и запутанным переходам, пока наконец не достигли самых дальних покоев, где обитал первосвященник. Там воины сдали Балаи на руки личной охране кипами и поспешно удалились. Пленника отвели в крошечную комнату, обставленную, однако, весьма удобно, и заперли его там до прихода Хуракана.

Ждать Балаи пришлось долго, и вовсе не потому что кинами не заинтересовался пленником, просто у первосвященника было много важных и неотложных дел, и он нескоро сумел выкроить время для обстоятельной беседы. В стране, куда волею богов или волею случая попал Балаи, давно царил твердый, прочно устоявшийся порядок, нарушение которого каралось мгновенно и безжалостно, а свои обязанности каждый должен был выполнять четко и безукоризненно, даже первосвященник.

Городом-государством Акстарой, где проживал народ, называющий себя кокомами, неограниченная и пожизненная власть принадлежала халачу и передавалась она лишь по наследству и обязательно первенцу, даже если он не отличался ни умом, ни особыми талантами. Будущие правители с самого раннего детства воспитывались совершенно особым образом, подготавливаясь к тому, что им придется вершить судьбы своего народа. Даже внешне они отличались от всех остальных. Чтобы подчеркнуть исключительность халачей, их тела покрывали сплошной татуировкой, каждый знак которой имел строго определенное значение. С младенчества их пеленали и одевали так, чтобы ноги искривились, и чем больше они напоминали круг — символ верховного божества Нацамны, сына Напота, который, как верили кокомы, сотворил мир и передал его сыну, тем больше правитель приближался к богам. Мочки ушей им прокалывали и подвешивали тяжелые серьги, чтобы уши оттянулись до плеч, а в ноздри вживляли драгоценный камни. Неудивительно, что Балаи был поражен, когда из-под роскошной диадемы из перьев редких по красоте птиц на него взглянуло лицо нынешнего халача, вдобавок ко всему еще и изборожденное глубокими морщинами.

Чтобы халач всегда знал обо всем, что происходит в его государстве, раз в неделю к нему являлись кабобы — правители окрестных деревень, подчинявшиеся только правителью, и докладывали обо всем, что произошло со времени последнего визита. Кабобы были по сути «младшими правителями», ибо у себя в деревнях властвовали безраздельно: отдавали приказы, решали спорные вопросы, выносили приговоры, командовали воинами. Эта должность также передавалась по наследству, и потому кабобы не боялись потерять свои

привилегии.

Самые ответственные решения халачу помогал принимать государственный совет, куда входили представители знати и жрецы. Жрецы занимали в Акстаре особое положение, так как у кокомов было великое множество богов, и чтобы ублажить их всех, естественно, требовалось немало служителей. Бог Напот, сотворив мир и отдав его своему сыну, удалился от дел, и для его расположения нужно было всего лишь с держать храм Напота в безукоризненном порядке, да не дышать, входя под его сени, чтобы не оскорбить божество своим дыханием. Жрецы, прислуживавшие Напоту, не могли пожаловаться на излишнюю занятость, но богатыми они не были: Напоту не приносили жертв, а значит и имущество несчастных не отходило храму.

Сын Напота, Нацамна, в божественной иерархии кокомов соответствовал земному халачу. Он был богом неба и солнца, и от его настроения зависела смена дня и ночи, а также времен года. С последним, правда, особых трудностей не возникало, так как кокомы не знали зимы. Полгода стояла прекрасная, ровная, теплая погода, четверть года солнце палило так, что выжигало все вокруг, и еще четверть года шли непрерывные дожди. Дождями ведал еще один бог — Чак. Он был капризен и своенравен, прекрасно понимая, что от него зависит очень и очень многое. По кровожадности с ним вряд ли мог сравниться кто-нибудь еще из пантеона кокомов, и потому стать жрецом Чака считалось особо почетным, да и что лукавить, выгодным.

Выли у кокомов и бог смерти Пуч, царивший где-то глубоко под землей, и бог ветров Кукан, не слишком бесивший своих служителей, и богиня женских работ Ишель, помогавшаяправляться с домашними делами, и даже богиня самоубийц Итаб, ведь кокомы считали, что самоубийц ждет роскошная загробная жизнь, и право наложить на себя руки давалось как особая награда.

При таком обилии богов у одного народа, конечно же, и жрецов у них было немало. Главный из них, первосвященник, назывался кинами. Он руководил отправлением всех обрядов, следил за воспитанием детей халача, был прекрасно образован. Ему подчинялись высшие жрецы чиланы, которые возглавляли храмы, посвященные отдельным богам. Это тоже были люди грамотные, они участвовали в воспитании детей знати и обучали низших жрецов — накомов. И чиланы, и накомы беспрекословно повиновались кинами и были обязаны ежедневно извещать его обо всем происходившем в храмах.

Неудивительно, что, имея так много забот, кинами Хуракан не сразу нашел время для пленника, хотя тот сильно интересовал жреца, и не столько сам по себе, сколько его удивительные рассказы. В конце концов, когда Балаи уже устал от бессмысленного сидения взаперти, дверь его комнаты отворилась. Хуракан величественно вплыл внутрь и сел на скамью, обтянутую шкурой какого-то пушистого зверя. Спина кинами была идеально прямой, а руки жрец положил на колени и застыл в этой весьма неудобной позе подобно изваянию. Какое-то время он пристально всматривался в лицо Балаи, а тот не решался нарушить молчание, дабы не обидеть одного из представителей власти неосторожным словом. Наконец кинами заговорил:

— Скажи мне, чужак, кто вложил в твои уста столь необычные речи?

— Как кто? — опешил Балаи. — Я рассказал все как было. И не моя вина, что я попал к вам. Будь моя воля...

— Чья воля привела тебя сюда? — перебил его Хуракан.

— Откуда я знаю? — возмутился пленник. — Я же объяснял: начался камнепад, и я

провалился в яму, которую пробил в земле один из камней.

Кинами встал, подошел к окну и жестом позвал Балаи, а когда тот подошел, указал рукой вверх:

— Взгляни. Что ты видишь?

— Небо.

— И это не просто небо. Там обитает Нацамна. Не хочешь ли ты сказать, что явился сюда прямо от бога неба и солнца? Может, ты тоже бог?

— Да никакой я не бог! — вскричал Балаи. — Я самый обычный человек, художник, ваятель. И я правда провалился сквозь землю, клянусь Митрой!

— Митрой? — переспросил Хуракан. — А это еще кто такой?

— Владыка Света, Податель Жизни.

— Нет таких богов. Ты все выдумал.

— Но почему ты не веришь мне? — чуть не заплакал Балаи.

— Как же я могу тебе поверить, — удивился жрец, — если речи твои бессмысленны?

— Я не знаю, как доказать тебе свою правоту, — устало махнул рукой Балаи. — Делай что хочешь.

— Я бы с удовольствием выслушал твой рассказ, — покачал головой кинами Хуракан, — но, боюсь, мой разум не выдержит этого.

С этими словами он вышел из комнаты, и Балаи снова остался в одиночестве. Прошло три дня. С пленником обращались вполне сносно. Его сытно кормили четыре раза и день, прибирали комнату, но никто из входящих не перекинулся с ним ни единным словом, как будто им запретили разговаривать. Все обстояло гораздо проще: домашним слугам вырезали языки, чтобы они не болтали лишнего. Но Балаи об этом так и не узнал, потому что утром четвертого дня к нему снова пришел кинами и объявил:

— Я долго думал, чужак. Теперь слушай мое последнее слово. Ты молод, красив и силен. Раз ты утверждаешь, что пришел к нам с неба, на небо мы тебя и отправим. Бог Нацамна будет доволен такой жертвой. И для тебя это большая честь — быть посвященным верховному богу.

Чуть позже за пленником явились два воина в сопровождении жреца. Его отвели к храму Нацамны, возле которого стояли несколько приземистых строений с решетками на окнах. В одном из них и поместили Балаи.

Помещение, в которое он попал, заметно отличалось уютной комнаты в доме Хуракана. Теперь в его распоряжении была лишь узкая лежанка из потрескавшегося времени дерева, покрытая мешком с соломой, низкий столик и кривой чурбан, на котором можно было сидеть.

Окна с прочными металлическими решетками выходили на странное сооружение, похожее на усеченную пирамиду. Со всех сторон наверх вели выщербленные ступени, а на самом верху возвышался деревянный идол бога Нацамны. Это была фигура человека с очень короткими и очень кривыми ногами. В руках, прижатых к выпуклому животу, бог держал диск, судя по всему, символизирующий солнце. Грубо вырезанное лицо было уродливым и не выражало ничего. У ног идола стоял длинный плоский камень высотой примерно по пояс человеку среднего роста.

На следующее же утро Балаи получил возможность увидеть, для чего предназначалась эта пирамида. На рассвете его разбудило громкое заунывное пение, и, вскочив со своего неудобного ложа, пленник бросился к окну. На нижней ступеньке пирамиды стоял

обнаженный мужчина, судя по медному цвету кожи и раскосым глазам, уроженец другой страны. Справа и слева от него расположились накомы. Низших жрецов отличал от высших цвет одеяния. Если кинами носил красные одежды, то чиланы — зеленые, а накомы — черные.

Третий наком, стоявший перед пленником, держал в руках сосуд и дребезжащим голосом выводил ту самую песню, что разбудила Балаи. Едва он умолк, накомы, стоявшие по сторонам от краснокожего, начали доставать из сосудов голубую краску и, проведя на своих щеках по широкой полосе, стали тщательно обмазывать ею тело мужчины. Когда они закончили, появился еще один наком с высоким колпаком золотистого цвета в руках. Теперь уже запели все четверо. Очередная песня (или молитва?) закончилась, и на голову пленника, превратившегося из краснокожего в голубокожего, надели колпак.

Оглушительно завыв, накомы взяли мужчину за ноги и за руки и понесли его вверх по лестнице. Подойдя к плоскому камню, они положили на нее свою ношу и замерли, по прежнему придерживая жертву. Откуда-то из-за спины идола показался чилан с огромным каменным ножом. Он им руку, и накомы замолчали. Тогда чилан, размахнувшись, одним движением вспорол жертве грудную клетку, вынул сердце, высоко поднял его над головой, а затем передал второму чилану (когда и откуда тот появился, Балаи, увлеченный зрелищем, не заметил). Второй чилан взял теплое и все еще пульсирующее сердце, сдавил его, и брызнувшая кровь окропила идола.

Накомы снова запели, подняли тело жертвы за руки и ноги и сбросили его вниз. На последней ступеньке пирамиды тело подхватили другие накомы и, ловко орудуя каменными ножами, содрали с него кожу. Пока они это проделывали, к ним спустился чилан, который окроплял статую Нацамны. Приняв кожу из рук накомов, он натянул им себя и начал исполнять ритуальный танец. Когда все окончено, тело несчастной жертвы разрезали на множество мелких кусочков и тут же съели.

Увиденное настолько поразило Балаи, что он долго не мог прийти в себя. Он бродил по тесной каморке от стены к стене, и перед его глазами то и дело возникали ужасные картины жертвоприношения. Потом, совершенно обессилен, он опустился на пол и вздрогнул: в руку ему вонзилась остшая палочка. Выдернув ее из ладони, художник другой рукой расчистил место на земляном полу и начал рисовать, совершенно не задумываясь о том, что у него получится. Когда работа была закончена, Балаи с изумлением увидел, что с пола на него смотрит уродливое лицо Нацамны. Кровожадный бог ухмылялся, словно напоминая пленнику, что они скоро встретятся.

Дверь за спиной Балаи заскрипела, и на пороге возник наком, державший в руках кувшин и большую лепешку. Он уже собирался войти внутрь, как увидел изображение на полу и, завопив что было сил, выронил принесенную еду. На крик сбежались другие накомы. Когда они увидели яйцо своего бога, все тут же упали на колени и приникли лбами к земле. Поняв, что натворило его произведение, Балаи заулыбался: у него мгновенно возник план побега. Подойдя к одному из накомов и небрежно пнув его ногой, художник сказал:

— Позови кого-нибудь из чиланов. Желательно самого главного. Пока вы там человечинкой баловались, ко мне явился Нацамна. Но его слова — не для ваших ушей.

До смерти перепуганный наком бросился исполнять распоряжение, и вскоре вернулся с чиланом. Жестом отогнав оторопевших от происходящего жрецов, чилан вошел в каморку Балаи и закрыл за собой дверь. Затем он посмотрел на пол, поднял над головой скрещенные руки и растопыренными пальцами — знаком бога солнца — и по вернулся к пленнику:

— Что ты хотел сказать мне?

— Бог Нацамна явился ко мне сразу после жертвоприношения и повелел изготовить столько идолов размером с мизинец, сколько жрецов прислуживают ему, чтобы они могли носить изображение Нацамны на груди.

— Почему он велел это тебе? — удивился чилан.

— Все очень просто. Я ваятель, и у меня это вы лучше, чем у кого бы то ни было. А кроме того, меня ведь тоже принесут в жертву, и мы встретимся с Нацамной.

— Хорошо, — немного помедлив, кивнул чилан. — Что тебе для этого нужно?

— Камень, который поддается обработке и в то же время не крошится, да инструменты. Самую малость, всего три резца. Я нарисую, какие.

— А камень?

— Я не знаю, какие камни есть в вашей стране. Хорошо бы мне самому поискать в окрестностях. Не бойся, предугадал он ответ жреца, — я не сбегу. Ведь я дал слово самому Нацамне, а разве бога можно обмануть?

Балаи и на самом деле не спешил убегать. Если все пойдет по его плану, он получит возможность бродить по окрестностям и достаточно хорошо изучить их. Только безумец пускается в дальний путь не думая. Далеко впереди, еще когда осматривал город с вершины камня в лесу, Балаи заметил горы. Уж если он свалился сюда сверху, то наверх и должен уходить. Как знать, может, с одной из горных вершин и откроется ему дорога домой.

— Я должен посоветоваться с другими чиланами и сообщить обо всем кинами Хуракану, — ответил чилан. — Скоро ты узнаешь о нашем решении. А пока тебя переведут в другое помещение. Не можешь ведь ты топтать лик бога!

Томиться в ожидании решения жрецов Балаи пришлось недолго. У кокомов не было художников. Идолы богов этого народа, существовавшие с незапамятных времен, считались ниспосланными кокомам свыше. Поэтому, по их мнению, рукой человека, создавшего священный лик, мог двигать только сам бог. В конце концов, странный чужак попал Акстару столь необычным образом, что никто не осмелился обвинить его во лжи. Кроме того, он ведь не просил даровать ему жизнь. Он сам заявил, что вскоре встретиться с Нацамной. Так пусть же исполнит его веление, а потом Владыка неба и солнца осыпет жрецов всевозможными милостями.

— Мы решили, чужак, что ты должен исполнить волю Нацамны, — сказал Балаи явившийся к нему на следующее утро чилан. — Я, чилан Тукур, буду помогать тебе в великом деле. Повтори, в чем ты нуждаешься.

— Я уже говорил, — стараясь скрыть свою радость, ответил Балаи. — Резцы и подходящий камень. Вели своим слугам сопровождать меня. Я сам хочу выбрать материал для работы.

— Хорошо, — после недолгих размышлений кивнул Тукур. — С тобой пойдут три накома, Вукуб, Цис и Пакам. Они будут всюду сопровождать тебя.

Чуть позже Балаи, полной грудью вдыхая прохладный утренний воздух и внимательно глядя по сторонам, чтобы запомнить мельчайшие детали для задуманного побега, отправился с навязанными ему спутниками на поиски подходящего камня. Накомы ни на миг не сводили с него глаз, да это, собственно, было и не нужно, так как ноги художника сковали длинной, удивительно легкой, но необычайно крепкой цепью. Как он убедился позже, ее снимали только тогда, когда пленника возвращали в его каморку. Значит, о побеге во время поисков не могло быть и речи.

В первый день Балаи подобрал несколько камней, прекрасно понимая, что они не подходят для его цели. Весь вечер он старательно царапал не поддающийся никакой обработке камень, а наутро заявил, что поиски надо вести гораздо дальше от города, ближе к горам.

Шли дни. Балаи успел неплохо изучить местность, несчастные накомы перетаскали на своих хребтах груду никчемного хлама, но ни одной статуэтки Нацамны художник так и не сделал. Однако он не просто так тратил время: вечерами и по ночам, когда накомы наконец-то оставляли его в покое, он подпиливал прутья решетки образовавшиеся зазоры заклеивал пережеванными крошками лепешек, смешанными с землей. Глядя на свою работу, Балаи горько усмехался: вот уж никогда прежде ему не пришло бы в голову, что от того, насколько решетка из хлебного мякиша похожа на настоящую, будет зависеть его свобода и жизнь.

В конце концов художник решил, что пора изготовить первого идола, чтобы не вызывать подозрений у чилана Тукура, который в отличие от недалеких Вукуба, Цисса и Пакама был человеком неглупым и достаточно проницательным. Отыскав в половине дня пути от Акстары прекрасный белый камень, который, будучи вполне прочным, прекрасно поддавался обработке, Балаи вырезал первую статуэтку и торжественно вручил ее Тукуру. Тот долго держал маленького идола на ладони и, затаив дыхание, вглядывался в безобразное лицо Нацамны. Затем чилан глубоко вздохнул и поднял глаза на художника.

— Ты совершил чудо, — дрогнувшим голосом произнес жрец. — Сам Владыка неба и солнца коснулся твоих рук. Когда ты уйдешь к нему, я с удовольствием съем твой палец, и частичка божественного дара перейдет ко мне.

— Буду рад услужить тебе, — с полупоклоном ответил Балаи.

— У тебя есть какие-нибудь просьбы? — расщедрился довольный Тукур. — Я готов выслушать их.

— Что мне еще может быть нужно? — опустив глаза, чтобы жрец не увидел, как они заблестели, ответил Балаи. — Разве что одно...

— Говори, — велел жрец.

— Я трачу много сил. Нельзя ли приносить мне побольше еды? Лучше всего лепешек. И еще мне хотелось бы, у меня всегда была питьевая вода в каком-нибудь сосуде с крышкой.

— Всего-то? — рассмеялся Тукур. — Ты все получишь. Теперь у пленника появилась возможность делать запасы в дорогу. Чем скорее приближался день побега, тем с большим воодушевлением работал Балаи. Утром он в сопровождении накомов отправлялся за камнями, затем сосредоточенно вырезал идолов, радуясь, что богу прислуживает так много жрецов, а ночью старательно пилил и пилил решетку.

Наконец все было готово. Убедившись, что его никто не охраняет (конечно, стражи, как всегда, были на месте, но по заливистому храпу, от которого могли рухнуть стены, не будь они такими прочными, Балаи понял, что сладкие сны охранникам дороже жизни), художник осторожно вынул решетку и выскоцил на улицу. Немного подумав, он вставил решетку на место и замазал распиленные прутья все той же смесью крошек и земли. Огляделвшись по сторонам и никого не увидев, он пустился бегом прочь от Акстары.

Утро застало его уже далеко от города. Беглец обернулся. Погони не было. То ли жрецы еще сладко спали, то ли их сбила с толку неповрежденная решетка и закрытая дверь. В том, что стражники не расскажут, как проспали пленника. Балаи не сомневался. Что ж, боги его земли, похоже, все-таки вспомнили о своем сыне. Знай он, насколько был прав, когда поставил решетку на место, Балаи решил бы, что боги не просто вспомнили о нем, но и

осыпали его своими милостями. Никому из жрецов Нацамны не пришло в голову тщательно осмотреть каморку пленника. Когда первое изумление у них прошло, они решили так: дверь заперта, решетка цела, на полу в ряд выложены готовые идолы, а значит, чужак закончил свою работу, и Владыка неба и солнца забрал его к себе. Жаль конечно, что бог не воспользовался для этого их руками, но раз Нацамне так было угодно, кто же станет ему перечить? Поэтому Балаи напрасно боялся погони. Никто и не подумал, что он просто-напросто удрал.

Пять дней пробирался беглец по чужой земле, опасаясь встречи с любым разумным существом. Ему крупно повезло, что кокомы не принесли его в жертву в первый же день и Балаи вполне мог считать, что тот неизвестный мужчина, напитавший кровью своего сердца сурого бога Нацамну, спас ему жизнь, подарив отсрочку. Как знать, может, и соседству с Акстарой обитают еще какие-нибудь люди, от которых улизнуть не удастся. Теперь, когда Балаи вновь обрел свободу, он просто не пережил бы нового заточения.

Казалось, сами боги вливали в него силы, и он упрямо шел вперед, к горам, и чем ближе к ним подходил, том сильнее в его сердце разгоралась надежда на возвращение домой. Будь на его месте более опытный путешественник, его, возможно, остановили бы трудности, поджидавшие неподготовленного путника в горах. Но Балаи даже не представлял, что это такое — восхождение на крутую, и неприступную вершину, и потому, наверное, удача улыбнулась ему.

Когда измученный до полусмерти, израненный об острые камни, едва державшийся на слабых от усталости ногах он достиг плато, раскинувшегося высоко над землей, его глазам предстала удивительная картина. Посредине плато, ослепительно блестя под лучами солнца, лениво шевелило темно-синими водами бескрайнее озеро. Но не оно поразило путника, а то, что вдали от берега он заметил постоянно перемещавшийся водоворот, который то стремительно закручивался широкой спиралью, то вдруг разглаживался и пропадал, словно в синей бездне приоткрывалась и снова захлопывалась дверь.

Долго сидел Балаи на берегу озера, как зачарованный глядя на причудливую игру водной глади, пока наконец не решил, что отдохнет тут немного, искупается, доест последнюю лепешку, а потом двинется дальше, туда, где вершина, покрытая ослепительно белым снегом, уходила за облака. Не снимая одежды, превратившейся за время трудного хождения в жалкие лохмотья, он вошел в воду, оказавшуюся на удивление не слишком холодной, и медленно поплыл, полностью доверившись ласковым языкам, которые мягко слизывали с изнуренного тела усталость. Вода качала и убаюкивала, снимала боль, потихоньку возвращая силы. Балаи настолько расслабился, что не заметил, как приблизился к очередному водовороту слишком близко. Он сделал слабую попытку вернуться к берегу, но стихия подхватила его, несколько раз перевернула и бросила головой вниз в разверзшуюся воронку.

Художник почувствовал, как его с бешеною скоростью несет вниз, потом наверх, начинает кидать из стороны в сторону, снова тянет вниз и опять подбрасывает неведомая сила. Он еще успел удивиться, что воздух в легких почему-то еще не кончился, как невидимая гигантская рука толкнула его в спину, он ударился обо что-то головой и потерял сознание.

Сколько длилось беспамятство, Балаи не знал. Когда он открыл глаза, его избитое тело стремительно несла вниз горная река, которая падала из огромной пещеры, темневшей на почти отвесной скале. То тут, то там из-под воды выглядывали острые камни, но поток ловко обходил их, и хотя смерть ежесекундно заглядывала Балаи в глаза, он все еще оставался жив. «О, Митра всемогущий, Эрлик справедливый, — пронеслось в мозгу художника, — куда я

попал? Что это за река и куда ее воды вынесут меня?» Но боги молчали, не торопясь вызволять из беды своего не слишком набожного сына.

Поток, непостижимым образом сохранивший Балаи жизнь, постепенно иссякал. Река становилась уже и мельче, обозначилось дно, течение замедлялось и наконец стало таким, что человек вполне смог помериться с ней силами. Собравшись в комок, Балаи оттолкнулся от каменистого дна и выбросил тело на берег. Он сильно ушибся, разодранный бок кровоточил, отбитые ноги болели, но, лежа на плоском камне, теплом от солнечных лучей, худом; счастливо улыбался: он победил стихию или обманул он, неважно, главное — он жив.

Приподнявшись на локте, Балаи взглянул вниз. У подножия горы было совсем недалеко. Он уже мог рассмотреть лежавшую внизу долину, а где-то далеко впереди, едва наметившейся точкой, — какое-то поселение. Он не знал, где находится и что за люди живут в долине, но и остаться среди голых камней, голодный и обессиленный, он не мог. «Будь что будет!» — решил Балаи и, с трудом поднявшись на ноги, побрел навстречу неизвестности.

Дрожавшие от напряжения ноги подкашивались и скользили на мокрых камнях, пальцы с обломанными до крови ногтями, едва уцепившись за какой-нибудь выступ, разжимались, голова гудела и кружилась, но он с упорством, присущим только человеку, бросившему вызов смерти, упорно шел вперед, а когда ноги отказались нести его — полз. Наконец последний камень остался позади, и Балаи, уткнувшись лицом в колючую траву, потерял сознание.

Когда он открыл глаза, над ним, склонившись, стоял какой-то мужчина.

— Где я? — с трудом разлепив запекшиеся от крови губы, спросил Балаи.

— Благодарение Митре, жив! — воскликнул незнакомец, обращаясь к своему спутнику, которого Балаи не сразу заметил.

— Митре? — встрепенулся обрадованный беглец. — Митре? Значит, я дома?

— Ты в Заморе, — пояснил мужчина. — Ты бы лучше помолчал, приятель. И так непонятно, в чем душа держится. Мы с сыном отнесем тебя домой. Жена у меня тоже травы знает — через день бегать будешь.

Несколько дней Балаи прожил в доме крестьянина, который подобрал его у самого подножия горы. То радость от того, что он все-таки выбрался из подземного королевства, то ли забота и внимание, которым его окружили в этом скромном доме, то ли жизненные силы, всегда бурлившие в молодом и крепком теле, а то ли все вместе вскоре помогли ему оказаться на ногах. Он быстро поправлялся, и через пару дней уже вовсю помогал крестьянину по хозяйству. Он мог бы и навсегда остаться здесь, тем более ему это неоднократно предлагали, но Балаи тянуло в родные края, и, окончательно оправившись, он засобирался в путь.

Снабдив его всем необходимым, крестьянин проводил Балаи до Шадизара, который лежал всего в двух третях пути, а уж оттуда добраться до Шандарата оказалось вовсе не сложно.

Какое это было счастье снова видеть родные лица, говорить на своем языке, заниматься любимым делом! Балаи работал не покладая рук, и довольно скоро имя молодого художника, рук которого коснулись Светлые Боги, стало известно далеко за пределами его селения. Появились заказчики, а вслед за этим, естественно, пришел и достаток. Казалось, все складывается хорошо, но душа художника жаждала иного. Ему хотелось создать нечто особое, удивительное, чтобы имя его осталось жить в веках. Он затосковал, начал подолгу пропадать из дома, бродил по окрестностям, часто бывал в Шандарате, часами сидел в гавани, глядя на море, но сердце его не отзывалось на увиденное. Однажды, когда Балаи бродил по городу,

пристально вглядываясь в оживленные, задумчивые, радостные, печальные и равнодушные лица и пытаясь отыскать среди них одно-единственное, которое сможет даровать ему вдохновение, ноги как будто сами принесли художника к амфитеатру, где проходили собачьи бои. Заплатив за вход, он прошел внутрь и устроился в первом ряду в ожидании захватывающего зрелища. Начался бой. Красивые сильные тела животных привели Балаи в восторг. Ему захотелось немедленно ринуться в мастерскую и вылепить из податливой глины замершего в сознании победы над противником роскошного зверя. Он уже видел свое будущее творение, как откуда-то издалека донесся окрик, и огромный пес, вильнув хвостом, послушно побежал на зов.

Балаи проводил собаку взглядом, и... Такой красивой женщины ему еще никогда в жизни не приходилось видеть. В ней были и утонченное изящество, и воля, и почти мужская сила. В воображении художника мгновенно нарисовалась будущая скульптура: высокая, стройная женщина смотрит вдаль, положив тонкую и одновременно сильную руку на голову громадного зверя, который, словно крохотный ласковый котенок, льнет к ее ногам. Двух более разных и таких близких по духу существ он и представим, себе не мог.

Балаи решительно поднялся со скамьи и начал пробираться к поразившей его женщине, не обращая внимания на ругань зрителей, которым наступал на ноги. Подойдя к красавице, художник учтиво поклонился:

— Добрый день, прекрасная госпожа. Да пребудет с тобой милость Светлых Богов! Я Балаи, художник. Не сочти за дерзость мои слова и позволь обратиться к тебе с просьбой, хоть я даже не знаю твоего имени.

— Балаи? — улыбнулась женщина. — Я слышала о тебе. Меня зовут Амарис. Что ты от меня хочешь?

— Я задумал великое творение, моя госпожа. Оно останется жить в веках. — Он замолчал, а потом, набрав полную грудь воздуха, решительно продолжил: — Если ты согласишься позировать мне.

— Я? — рассмеялась Амарис и окинула изучающим взглядом статную фигуру привлекательного молодого человека, в глазах которых горело обожание. — Я? — повторила она, — Это интересно. А каким будет это произведение?

Балаи начал взахлеб рассказывать о возникшем только что замысле, и своей горячностью настолько увлек Амарис, что она в конце концов согласилась позировать художнику, поставив лишь одно условие: работать он должен у им дома.

Через несколько дней художник приступил к работе. Долгие часы проводили они с Амарис наедине, и скоро Балаи стало ясно, что эта необыкновенная женщина только красива. Боги наделили ее глубоким умом, железной волей, сильным характером и тонкой душой. Стоит ли удивляться тому, что творец всем сердцем полюбил свою модель и безумно страдал, когда им приходилось разлуки, пусть даже ненадолго. И Амарис было приятно общество этого мужественного и одновременно мягкого и ласкового человека. Она даже начинала грустить, когда думала о том, что работа закончится и Балаи покинет ее дом.

Однажды утром Амарис пришла в устроенную для иконка мастерскую и увидела, что статуя плотно закутана темной тканью, а Балаи сидит у ее ног, прижавшись щекой к своему детищу.

— Что случилось, Балаи? — удивилась Амарис. — Разве мы не будем работать сегодня?

— Нет, — уныло покачал головой художник. — Она готова.

— Так покажи мне ее! — воскликнула Амарис и шагнула к статуе.

— Погоди, — остановил ее Балаи. — Я так вдохновенно работал над этой статуей, что она, мне кажется, вынула из меня душу. Боюсь, я ничего больше не смогу создать. Только ты можешь вернуть мне утраченные силы. Амарис! Моя жизнь — в твоих руках. Прикажи — и я умру.

— Ты разве не хочешь жить? — улыбнулась Амарис.

— Без тебя — нет!

— А почему без меня? Ты ведь можешь и не уходить отсюда.

— О, душа моя, — простонал художник. — Ты выйдешь за меня замуж?

— Да, — кивнула Амарис. — Я так привыкла видеть тебя, говорить с тобой, что мой дом опустеет, если ты покинешь его.

Балаи бросился на колени и начал страстно целовать тонкие пальцы. Амарис мягко высвободила руку, нежно потрепала влюбленного по щеке:

— Покажи мне скорее статую.

— Я сниму с нее покров в день нашей свадьбы, — твердо ответил художник. — Это будет подарок.

В назначенный день в доме Амарис снова собирались гости. На сей раз их было не так много, как на предыдущих свадьбах роковой красавицы, но это не потому, что шандаратская знать стала менее охочей до празднеств и увлекательных зрелищ, просто молодожены решили не устраивать великого пиршства, ибо вдовство прекрасной невесты длилось менее положенного срока.

Статую установили в саду, разрушив специально для нее центральную клумбу, где прежде росли ярко-алые розы. Гости с любопытством поглядывали на высокое изваяние, укутанное в белые шелка, но жених наотрез отказался открыть ее.

— Когда взойдет луна, — сказал он, — я покажу статую Амарис, ибо только благодаря ее красоте мое творение увидело свет. А завтра оно предстанет перед зрителями.

Едва затих стук копыт лошадей, увозивших карсту последнего гостя, Балаи и Амарис вышли в сад. Солнце уж скрылось за горизонтом, и бархатная ночь вступила в свои права. Ночное светило окутало сад бледно-голубым светом, посеребрившим белый шелк, и казалось, изваяние светится изнутри. Художник подошел к нему, ласково погладил мягкие складки и решительно сдернул ткань. Из груди Амарис вырвался вздох восхищения. Прямо перед ней, задумчиво глядя вдаль, стояла мраморная богиня с ее лицом. Точеную фигуру едва прикрывало легкое одеяние, доходившее до середины колен и открывавшее стройные ноги, к которым прижимала массивную голову могучая собака, всем своим видом выражавшая преданность и послушание.

— Ты гений, мой дорогой, — прошептала Амарис. — Нет, ты полубог... Они ведь живые, и эта женщина, и ее пес...

Видимо, так же подумали и сторожевые людоеды всех мастей, выпущенные в сад после того, как гости разъехались по домам. Один из них, черный с извилистой рыжей полосой на морде и груди, глухо зарычал и бросился на каменного противника, осмелившегося приблизиться к хозяйке. Громко вскрикнув, Балаи кинулся наперерез собаке, стремясь закрыть грудью статую. Мускулистое черное тело взметнулось в прыжке, и Балаи, сбитый с ног, ударился головой о постамент. Последнее, что он увидел, были ослепительно белые клыки, приближившиеся к его лицу...

Глава IX

Когда Амарис закончила свой рассказ, в глазах ее не осталось и тени страха. Как и предполагал Конан, она сейчас вовсе не думала о пиратах, полностью пишись своим воспоминаниям.

— Ты любила его? — неожиданно спросил киммериец, и удивился своему вопросу.

— Думаю, да, — после короткой паузы ответила Амарис.

— Он был очень добрым человеком. И сильным.

— Тогда почему... — вскричал варвар и тут же осекся.

— Что «почему»? — Изумрудный оттенок исчез из глаз женщины, и теперь они, темно-желтые, напоминала глаза разъяренной тигрицы.

— Ничего, — буркнул Конан.

Оба замолчали, думая каждый о своем. Или об одном и том же? Киммериец согласился бы многое отдать, чтобы хоть на миг заглянуть в эту прелестную головку. Его подозрения становились все более настойчивыми, но с неменьшим упорством он не желал верить в то, что под такой великолепной оболочкой скрывается столь жестокая душа. Тряхнув головой, словно отгоняя назойливые мысли, Конан встал.

— Да, я не сказал тебе еще об одном, — повернулся он, стоя уже у двери каюты.

— Что еще? — сердито посмотрела на него Амарис. Мы приглашены на обед.

— Мы?!

— Да, — усмехнулся варвар. — Относись к этому как хочешь, но мне пришлось сказать, что ты моя женщина. В противном случае сначала ты досталась бы главарю, а потом вся шайка или разыграла бы тебя в кости, или дружим поделила между собой.

— Как это поделила? — не поняла Амарис.

— Очень просто. Они взяли бы тебя с собой на галеру, и тебе пришлось бы провести с каждым из них ночь. Или несколько, все зависит от их темперамента.

— А потом? — испуганно спросила женщина.

— Потом? Скорее всего, они вышвырнули бы тебя за борт где-нибудь в открытом море.

— Меня?! В кости, а потом за борт?! — В своем праведном гневе она была так великолепна, что Конан невольно залюбовался ею. — Не родился еще тот человек...

Но киммериец не дал ей договорить. Он приоткрыл дверь и показал Амарис на суетившихся на палубе пиратов.

— Видишь, сколько их, — криво улыбнулся он. — И все уже родились.

— Мои собаки будут стоять за меня насмерть! — воскликнула Амарис.

— Будут, — кивнул Конан. — И даже загрызут пару-тройку нахалов. Но, — он притворно вздохнул, — вся беда в том, что этих самых нахалов гораздо больше. Неужели ты думаешь, — вдруг совершенно серьезно добавил он, — я стал бы беседовать с этим мерзавцем, а тем более садиться ним за стол, если б хоть на короткий миг решил, что смогу справиться со всеми? Пять, десять противников не остановили бы меня, но их тут десять раз по десять. Борт о борт с «Дланью Митры» стоит их галера. Я не особенно ее рассматривал, но, судя по очертаниям судна, она не меньше, чем пятидесятивесельная. — Увидев, что Амарис побледнела, он поспешил успокоить ее: — Не бойся ничего. Я еще собираюсь пожить на этом свете и тебе погибнуть не дам. Найдется выход!

С этими словами он отправился в свою каюту.

Ближе к вечеру в дверь Конана постучался один из пиратов и сообщил, что стол накрыт и Дингир ожидает гостей в каюте кормчего. Киммериец выругался сквозь зубы, крикнув в ответ, что они скоро придут, поднялся и пошел звать Амарис. Чуть позже они уже сидели за роскошным столом, покрытым кружевной скатертью, видимо, из запасников Дингира. Зная, что его ожидает женское общество, замориц приоделся и прихорошился. На его широких плечах ладно сидел темно-зеленый бархатный камзол, а пышные кружева тонкой шелковой сорочки сияли ослепительной белизной. Длинные красивые волосы Дингира были тщательно расчесаны и, как показалось Амирис, завиты. Кроме того, в этот день он был воплощением любезности, изысканности и хорошего воспитания. Проходи этот обед не на разграбленном паруснике, палуба которого еще утром была завалена окровавленными трупами, распознать в Дингире пирата было бы очень и очень

Большой знаток и страстный любитель женщин, замориц чуть не задохнулся от восторга, когда увидел Амарис. «Чтоб ты сдох, проклятый киммериец! — вспыхнуло у него и мозгу. — Ну почему тебе всегда перепадают самые лакомые куски?! Сначала Карела, теперь эта потрясающая женщина, к тому же еще, судя по всему, и богатая!» Однако на лице не отразилось даже тени этих мыслей. Он широко улыбнулся и красивым жестом пригласил гостей к столу, на котором красовались аппетитные блюда и бутыли темного стекла с отборным вином. Судя по всему, удача сопутствовала «Глазу Нергала», и его трюмы были полны.

Обед шел легко и, пожалуй, даже весело. Правда, Конан и Дингир время от времени бросали исподтишка друг на друга полные ненависти взгляды, а Амарис поеживалась, когда на нее смотрели темно-карие глаза, обладатель которых мысленно раздевал ее, нервно облизывая тонкие губы, однако сторонний наблюдатель мог подумать, что старые знакомые мило беседуют о пустяках, встретившись после долгой разлуки.

Мужчины с радостью вцепились бы друг другу в глотки, но давний неписанный кодекс чести гласил, что женщина, принадлежащая другому, может быть либо подарена, либо выиграна в поединке. Выходить один на один с Конаном Дингир никогда не решился бы, так как прекрасно понимал, что это была бы его последняя драка, а на подарок, конечно же, не рассчитывал, и потому прилагал все усилия, чтобы очаровать женщину и попытаться увести ее хитростью. Надо отдать ему должное: он умел быть обольстительным, и будь на месте Амарис другая женщина, от, пожалуй, предпочла бы молчаливому и суровому Конан сладкоголосого Дингира.

Замориц поднял высокий бокал с темно-красным вином и, ласково улыбаясь, произнес:

— Я предлагаю выпить за единственную на свете женщину, которая смогла завоевать сердце моего давнего друга Конана! Надеюсь, вы оба примете мое приглашение и завтра утром ступите на борт «Глаза Нергала».

Он залпом осушил бокал, а Конан, едва пригубив вино, спросил:

— Что ты собираешься делать с «Дланью Митры»?

— Как что? — удивленно посмотрел на него Дингир. То же, что и с другими парусниками. Перегрузим товар, а корабль отправится на дно. Мне он совершенно не нужен.

Киммериец похолодел. «Длань Митры» везет жемчуг на такую сумму, что он и представить себе не мог. Если корабль потопить, груз будет потерян навсегда, ибо поднять его с такой глубины не удастся никому.

— А как же мои собаки? — встревожилась Амарис.

— Вынужден просить у тебя прощения, прекрасная, но собаки мне не нужны. Кстати,

почему они такие вялые, словно жить им осталось считанные дни?

— Все очень просто, — пожала плечами Амарис. — Я давно занимаюсь разведением собак и добилась того, что слава о них распространилась далеко за пределами Шандарата. Более свирепых и мощных псов, чем мастифы, нет на всем свете. Но сам понимаешь, они могут и болеть, и умирать...

Конан понял, что его спутница тянет время, не зная, как выкрутиться. На самом деле собаки были квельми не из-за болезни, а потому, что перед отплытием Амарис собственоручно дала им специальное снадобье, которое сделало псов такими, какими увидел их Дингир. Пока снадобье действовало, мастифы находились в полусне, почти ничего не ели и не пили и были кроткими и покорными. Когда действие кончалось, собаки становились настоящими демонами. Они приходили в ярость и уничтожали всех, кому допелось оказаться поблизости. Однако примерно через час бешенство переходило в глубокий сон, который длился почти сутки, после чего к мастифам возвращался их обычный нрав. В первый день плавания Амарис сказала Конану, что во время пути собакам придется дать вторую дозу лекарства, так как она рассчитана на три-четыре дня. Если дозу увеличить, псы могут погибнуть, а если не повторить, озверят так, что станут неуправляемыми. Сейчас действие снадобья подходило к концу, и варвар вдруг подумал, что этим можно как-то воспользоваться. Видя, что Амарис все еще не приходит в голову хоть сколько-нибудь правдоподобная история, решил подыграть ей.

— Ладно, Амарис, — сказал он со вздохом. — Давай расскажем.

Она удивленно взглянула на киммерийца, но, полностью доверяя ему, кивнула.

— Видишь ли, — продолжал Конан, обращаясь уже к Дингиру, — у Илдиза есть военачальник, которого зовут Джерег. Он очень богат, смел и еще более тщеславен. Так вот, прослышиав о мастифах, Джерег захотел изготовить для себя походную палатку из их шкур и заказал их у Амарис.

— Не понимаю, — пожал плечами Дингир. — Проще было снять шкуры прямо в Шандарate и не тащить с собой эту ораву, которую ко всему прочему надо еще кормить.

— Я же сказал тебе, — поморщился Конан, — что он тщеславен. Он хочет собственоручно прибить этих псов, чтобы о нем пошла слава как о человеке, который не побоялся выйти один на один против сотни мастифов. Но так как Джерег прекрасно понимал, что вряд ли справится и с одним-то псом, он договорился с Амарис, что она отберет старых и больных.

— Да я бы и не согласилась содрать шкуры со здоровых собак, — вмешалась Амарис, благодарно улыбнувшись Конану. Затем она повернулась к Дингиру: — Может, ты все-таки не будешь топить моих псов? Во-первых, это немалые деньги, а во-вторых, мне не хотелось бы, чтоб обо мне говорили как о человеке, с которым нельзя вести дела.

— Допустим, я оставлю их, — медленно проговорил Дингир. — И что дальше?

— А дальше, — постаралась Амарис вложить в свой взгляд как можно больше ласки и обещания неги, — ты высадишь нас в маленькой бухте неподалеку от Султанапура. Оттуда мы уж как-нибудь доберемся сами. Мы ведь твои гости? Я правильно понимаю? Или пленники?

— Неужели я похож на человека, который может обидеть прекрасную женщину?! — всплеснул руками замориц. — Конечно, гости!

— Так ты высадишь нас на берег? — глядя на него в упор, спросил Конан.

— О боги, — вздохнул Дингир. — Так замечательно начавшийся обед превратился в

обсуждение какой-то сделки. Давайте сейчас не будем говорить об этом. Я начинаю грустить, когда думаю, что больше не увижу этих волшебных глаз...

И он словно невзначай коснулся руки Амарис. Ее передернуло от отвращения, но, быстро сумев взять себя в руки, Амарис улыбнулась:

— Конечно! Давайте еще выпьем!

Обед постепенно подошел к концу, и Конан с Амарис, сославшись на то, что даме необходимо отдохнуть, покинули каюту, некогда принадлежавшую Араму. Когда они наконец остались вдвоем, Амарис сказала варвару:

— Я должна поблагодарить тебя. Без твоей помощи мне было бы трудно объяснить, почему я так пекусь о своих собаках.

— Не стоит благодарности, — усмехнулся киммериец. — Я думал не о твоих чувствах, а о том, что мастифы могут помочь нам разобраться с пиратами. Помнишь, ты рассказывала мне о снадобье? Если открыть замки клеток...

Все правильно, — кивнула Амарис. — Но я вовсе не уверена, что Дингир собирается отпускать нас. К тому же и стараюсь сохранить жизнь моим собакам вовсе по другой причине.

— Да знаю, — не дослушав ее, досадливо поморщился Конан, — Они дороги тебе, ты их любишь, как другие женщины любят своих детей... Все это понятно. Но ведь твои «детишки» могут здорово поддержать нас.

— Может, ты дашь мне договорить? — обиженно спросила Амарис.

— Извини, — буркнул киммериец.

— Кажется, я знаю, как разобраться с Дингиром. Только прошу тебя не мешать и ничему не удивляться.

— У тебя есть план?

— Нет, — тряхнула головой женщина. — Это еще не совсем план... Надо кое-что обдумать... Ты, пожалуй, иди к себе. Надеюсь, завтрашний день для нас будет более радостным.

Конан ушел, а Амарис, не раздеваясь, прилегла на койку, бросив на ноги пушистый плед, и глубоко задумалась. Почувствовав настроение хозяйки, псы притихли. Две собаки легли на полу возле койки, а три уселись под дверью, как всегда, охраняя покой единственного человека, которому были преданы до глубины души и ради которого без колебаний отдали бы свои жизни.

Спустилась ночь, все вокруг замерло, и даже пираты, уставшие от долгого перетаскивания грузов из одного трюма в другой и от лихой попойки, устроенной по случаю удачного грабежа, притихли, видимо заснув. В этой звенящей тишине чуткие уши мастифов мгновенно уловили легкие шаги, приближавшиеся к двери каюты. Псы насторожились и глухо заворчали: там, за дверью, был чужак. Даже собаки, мирно лежавшие на полу, вскочили на ноги, и шерсть на мощных загривках всталла дыбом, а кончики тяжелых хвостов воинственно загнулись наверх.

Беспокойство мастифов вывело Амарис из оцепенения. Она села и, хотя никто даже не пытался открыть дверь, громко спросила:

— Кто здесь?

— Открой, лучезарная, — донесся до нее ненавистный голос Дингира. — Мне надо с тобой поговорить.

— Дверь не заперта, — ответила Амарис и жестом подозвала собак к себе.

На цыпочках, стараясь не производить лишнего шума, каюту вошел замориец. С опаской взглянув на грозных стражей, стеной вставших между ним и своей обожаемой хозяйкой, Дингир попросил:

— Могу я присесть?

— Пожалуйста, — указала Амарис на стоявший напротив койки сундук.

— Я пытался заснуть, но так и не смог. — Пират попытался изобразить виноватый взгляд, но вместо вины в его глазах зажглась похоть, которую он не сумел скрыть. — Ты самая прекрасная женщина на свете... Нет, ты не женщина, Ты богиня. О, как бы я хотел припасть к твоим ногам!

Он попытался привстать с сундука, но оскаленные клыки, которые запросто могли бы перегрызть металлический прут, остановили его.

— У тебя хорошие охранники, — заставил себя рассмеяться Дингир. — Но они напрасно волнуются. Я не причиню тебе вреда. Не бойся.

— Чего мне бояться? — пожала плечами Амарис. — Эти псы хорошо знают, что мое ложе доступно только законному супругу. Никого иного они и близко не подпустят,

— Так ты невеста Конана? — изумился замориец. — Вот уж не думал, что он когда-нибудь сподобится жениться.

— Кто тебе сказал, что он женится на мне? — лукаво улыбнулась Амарис. Дингир, сам того не ведая, проглотил подброшенную ему наживку. — О свадьбе разговора не было. Конан слишком дорожит своей свободой. — Она вздохнула и грустно посмотрела на Дингира.

— А если я предложу тебе руку и сердце? — забыв о том, что хотел вести себя тихо, вскричал он. — Если мы завтра же сыграем свадьбу?

— О! — Амарис кокетливо склонила набок свою очаровательную головку. — Это так неожиданно... Я даже не знаю.

— Я буду обожать тебя всю жизнь, — принял горячо уговаривать ее Дингир, — на руках тебя носить. Я сложу к твоим ногам все сокровища мира. Моя любовь отныне ет принадлежать только тебе! Если хочешь, я навсегда оставлю пиратство. — При этих словах он отвернулся, чтобы женщина не увидела его лица и усмешку, которую он не смог сдержать. — Ты такая... Я даже мечтать не мог, что повстречаю тебя когда-нибудь.

— Но как же мы поженимся? — задумчиво произнесла Амарис. — Прямо тут, посреди моря?

— На борту «Длани Митры» есть судья, — радостно пояснил замориец. — Он вполне может составить брачный договор. Так ты согласна?

— Не торопи меня, — попросила Амарис. — Позволь дать ответ утром.

— Хорошо, — кивнул Дингир. — Утро я встречу у твоих дверей.

Если бы Дингир обернулся, покидая каюту женщины, с которой хотел связать себя брачными узами, он бы тысячу раз подумал, прежде чем решиться на это. Взгляд, которым Амарис проводила ночного гостя, отнюдь не походил на взгляд счастливой невесты. Но пират, довольный тем, что утер нос Конану, избежав кровопролития, и почти добился своей цели, не думал об этом. Собственно, брачный договор, подписанный шандаратским судьей, для него ничего не значил. Замориец собирался вволю насладиться прекрасным телом этой женщины, а потом, когда она надоест ему, избавиться от нее. К тому же Амарис была богата, и он до конца своих дней мог играть роль безутешного вдовца, которому неизбывное горе вовсе не мешает купаться в роскоши.

Амарис же, когда дверь за Дингиром закрылась, весело потрапала по головам верных

псов и звонко расхохоталась. У нее были свои планы, и эта свадьба как нельзя лучше помогала ей их осуществить.

Утром Конан и Дингир встретились возле каюты Амарис.

— Что ты тут делаешь? — грозно нахмурился киммериец.

— Я вчера обратился к этой замечательной женщины одной просьбой, — хитро улыбнулся пират, — и сегодня пришел за ответом. Если хочешь, войдем вместе, и ты первым узнаешь все новости.

Конан бросил на него внимательный взгляд, но ничего не ответил. Он подошел к двери и постучал три раза.

— Заходи, Конан, — раздалось из каюты. — Мне как раз надо с тобой поговорить.

Амарис поднялась навстречу варвару, но, увидев выглядывавшую из-за его плеча рожу Дингира, села обратно

— А... — протянула она. — Ты уже здесь...

— Как и обещал, — осклабился пират. — Я встретил утро у твоих дверей. Так что ты решила, лучезарная?

Она долго смотрела на Конана, словно хотела что-то сказать, потом, вздохнув, перевела взгляд на Дингира.

— Я согласна, — ответила она и пояснила киммерийцу: — Дингир предложил мне выйти за него замуж. Я согласна, — повторила она, обращаясь к жениху, — но при нескольких условиях...

— Все, что пожелаешь! — воскликнул замориец.

Свадьбу справим на борту «Длани Митры». И еще: ни ты, ни твои люди не должны даже пальцем притрагиваться к моим собакам. Псы мне нужны живые.

— Всего-то? — обрадовался Дингир. — Да если б ты потребовала достать тебе луну с неба...

— Хватит трепаться! — не выдержал Конан. — Прежде чем я начну поздравлять счастливых влюбленных, позволь мне поговорить с Амарис. Наедине.

— Пожалуйста! — пожал плечами пират. Обрадованный тем, что все так здорово получается, он даже не обратил внимания на грубость варвара. — Только недолго. Это все-таки теперь моя невеста. Пойду объявлю моим мальчикам, что вечером гуляем на свадьбе.

Едва он ушел, Конан набросился на Амарис:

— Ты в своем уме?! Ты представляешь, что делаешь?

— Совершенно отчетливо, — усмехнулась она.

— И что ты задумала?

— Умоляю, не спрашивай ни о чем. Просто доверься миг. Я и в самом деле знаю, что делаю. А вот завтра мне наверняка понадобится уже твоя помощь.

— Спорить с женщиной — все равно что идти по дну роки против течения, — фыркнул киммериец.

Неожиданно в его мозгу, словно яркая молния темной ночью, мелькнула догадка. Он посмотрел на мастифов, приветливо вилявших хвостами, и подумал: «Если я прав, ребята, то вас скоро станет шестеро, а если нет, то кто-то из нас идиот, или я, или ваша хозяйка». Вслух он, однако, не оказал ничего, а просто резко повернулся и вышел на залитую солнцем палубу. Там уже начались приготовления к пиршеству. Грузы из трюма «Длани Митры», которые Дингир приказал перенести на «Глаз Нергала», уже были вынесены, и теперь пираты отсоединяли абордажные крючки и снимали доски, чтобы два корабля могли продолжить

свой путь параллельными курсами.

Конан хмуро глядел на всю эту суету. Дингир уверял, что, по просьбе его обожаемой невесты, он не будет топить торговый парусник, но это отнюдь не означало, что пират сдержит слово. Будь на его месте кто-нибудь другой, киммериец поверил бы ему, но Дингира он знал слишком хорошо, чтобы полагаться на его честность. Амарис не сочла нужным посвятить его в свои планы, и это тоже не улучшало настроения варвара. Кроме того, Конана угнетало бездействие. Хоть он и научился выжидать и давно уже не лез в драку сломя голову, на сей раз, как ему казалось, ожидание слишком затянулось. В конце концов, чтобы не дать волю своим чувствам, он просто-напросто ушел в каюту.

Вечером все свободные от управления кораблями собирались на палубах. И хоть главные события происходили на паруснике, на галере также были накрыты столы для свадебного пира. Блистательная невеста и счастливо улыбающийся жених прошли в каюту Арама, где насмерть перепуганный судья зачитал условия брачного договора. Они почти не слушали его, ибо ни один, ни другой не собирались прожить вместе до глубокой старости. Едва судья замолчал, оба торопливо поставили свои подписи и вышли к гостям.

Их встретил восторженный рев множества глоток, Дингир усадил молодую жену на лавку, покрытую мягким ковром, и гулянье началось.

Довольно быстро, как это часто бывает на многолюдных сбирающих, гости начали забывать, по какому поводу собрались. Однако по меньшей мере три человека на бурной гулянке старались сохранить трезвую голову. Конан ожидал какого-нибудь знака от Амарис, и потому не спускал с новобрачных глаз. Амарис с нетерпением ждала, когда сможет приступить к исполнению своего плана, и не смотрела в сторону киммерийца, так как сейчас не могла ничего ему объяснить. А Дингир тоже горел нетерпением, но планов у него никаких не было, он просто жаждал поскорее выйти из-за стола и уединиться с красавицей-женой.

Пиршество затянулось до глубокой ночи, и замориец, устав ждать, резко поднялся с бокалом в руке.

— Я хочу выпить, — громко провозгласил он, — за друзей, разделивших мою радость. Гуляйте, ешьте и пейте ад наше здоровье, а мы, с вашего позволения, удалимся в каюту кормчего, где давно остывает брачное ложе.

— Как в каюту кормчего? — побледнела Амарис. — Я думала... Мне бы хотелось провести эту ночь в своей каюте.

Но Дингир, не слушая никаких возражений, потянул ее за собой. Конан приподнялся из-за стола, положив ладонь на рукоять кинжала, но Амарис взглядом остановила его. Глубоко вздохнув, она нехотя последовала за пиратом.

Оставшись наедине с женщиной, которая вызывала в нем дикую страсть, Дингир начал нетерпеливо срывать с нее одежду. Она вскрикнула и задрожала от отвращения, но замориец понял ее дрожь по-своему. Грубо толкнув женщину на койку, застеленную белыми шелками, он принялся осыпать ее тело горячими поцелуями. Стиснув зубы и отвернувшись, чтобы Дингир не видел ее перекошеною лица, Амарис позволила ему овладеть своим телом.

Она была сильной женщиной, и, довольно быстро взяла себя в руки и постаравшись, чтобы жажда мести, горевшим в ее душе, не отразилась на лице, Амарис потрепала заморийца по щеке — Тебе было хорошо, мой милый?

— О... — выдохнул Дингир не в силах сказать что-нибудь еще.

— А теперь, — она хищно улыбнулась, — я все-таки предлагаю тебе пойти в мою каюту.

Там тебя ожидает сюрприз

— Сюрприз? — удивился пират, — Какой?

— Ты все увидали сам, — рассмеялась Амарис. — Уверяю тебя, ничего подобного в твоей жизни еще не было.

Быстро вскочив с постели, она привела свою одежду в порядок и потянула Дингира за руку:

— Скорее, мой дорогой. Я горю от нетерпения.

Сопровождаемые красноречивыми взглядами изрядно подгулявших гостей и злобным взглядом киммерийца, они прошли на корму и скрылись в каюте Амарис. Коварная женщина уселась на свою койку, приподняла подол длинного платья и вытянула прелестную ножку.

— Опустись на одно колено, — велела она, — и сними с меня туфельку.

Стоило Дингиру прикоснуться к ней, как Амарис тихо, но внятно приказала:

— Корди, взять!

Иссиня-черный мастиф, самый крупный из пяти ее псов, не издав ни звука, взвился в прыжке и сбил Дингира с ног. Новобрачный не успел даже удивиться происходящему, как белые клыки вырвали из его горла такой кусок, что голова заморийца буквально повисла на ниточке. Ярко-красная кровь фонтаном брызнула из страшной раны и залила небесно-голубое платье Амарис. Она даже не вздрогнула. Ласково потрепав собаку по голове, Амарис поцеловала окровавленную морду:

— Хороший мальчик, спасибо, родной.

Потом она нагнулась, обмакнула ладони в лужу крови, провела руками по лицу и телу, бросила мимолетный взгляд в зеркало, удовлетворенно кивнула и приказала собакам:

— Голос!

Пять мощных глоток начали издавать такие грозные пауки, что пираты, веселившиеся на палубе, притихли. Амарис распахнула дверь каюты и, отчаянно визжа, рухнула на пол. Все повскакивали с мест, выхватывая кинжалы, но женщина подняла руку, останавливая их.

— Не надо! — крикнула она. — Он... Он хотел ударить меня, а собаки набросились на него. Животные не виноваты! Они защищали хозяйку!

Конан в два прыжка очутился возле Амарис и поднял ее на ноги. Окинув женщину тревожным взглядом и удивившись, что кровь, которой заляпаны ее лицо и одежда, принадлежит только Дингиру, он успокоился.

— Остановитесь! — приказал он пиратам. — Вы даже ни представляете, какими беспощадными могут быть эти псы! Каждый легко управится с десятком людей. Только Амирис может совладать с ними.

Мгновеннопротрезвевшие пираты замерли. Один из них рослый и сильный, повернувшись к приятелям, сказал:

— Кто из вас питал нежные чувства к Дингиру и будет оплакивать его гибель? — Никто не проронил ни слова, и он продолжил: — Тогда выкинем его труп за борт, а я займу его место.

— Почему ты, Мунвик? — раздвинув толпу, вышел вперед молодой туранец.

— Я предлагаю поединок.

— Правильно! — крикнул кто-то. — Хордиз прав! Главарем должен стать сильнейший!

— Погодите! — вмешался Конан. — Я тоже непрочно побороться с вами. Расчистите палубу! Пусть честная драка решит, кто из нас займет место Дингира.

Глава X

Проводив Амарис, глаза которой горели от радости и возбуждения, в свою каюту, Конан вернулся на палубу. Труп Дингира без особых церемоний сбросили за борт, даже не вспомнив о полагающейся тризне по покойнику, столы мгновенно убрали, и пираты образовали круг, освободив в середине место для сражающихся.

— Это Шамар, — сказал киммерийцу Хордиз, указывая на человека, стоявшего в центре круга. Многочисленные шрамы, расположенные лицо Шамара, мешали определить его возраст, но, судя по всему, он был старше всех собравшихся. — Шамар будет судить поединок, — пояснил Хордиз. — Мы все доверяем ему. — Остальные одобрительно ни гудели, подтверждая слова Хордиза.

— Бой должен быть честным, — заговорил Шамар. — И условия равные. Ты владеешь мечом? — Конан усмехнулся. — Хорошо, — кивнул старик. — А кинжалом? — Киммериец усмехнулся еще раз и пожал плечами, — Значит, будете драться на мечах и кинжалах. До смертельного исхода. Оставшийся в живых возглавит команду. Первым против тебя выйдет... — Шамар задумался, переводя взгляд с Хордиза на Мунвики, — Хордиз, — провозгласил он и отступил и ряды зрителей.

Конан выхватил меч и замер, ожидая первого шага противника. Молодой и крепкий, пират вряд ли уступал в силе варвару, но опыта, пожалуй, у него было меньше. Он сделал резкий выпад, и киммериец без труда отразил удар.

Хордиз не остановился на этом, и его меч сверкнул перед самым лицом Конана. Поняв, что несколько ошибся, определяя опытность соперника, тот начал драться всерьез. Клинки замелькали с такой скоростью, что, казалось, сражающихся окружило облако из ослепительно ярких искр, металлы звонко ударяясь о металл, но ни Конан, ни Хордиз пока не получили ни царапины.

Наконец пират изловчился, и на обнаженном плече киммерийца пропустила багровая полоса. Зрители радостно завопили:

— Давай, малыш! Так его! Нам чужаков не надо! Разделай его, как свинью тушу!

Стиснув зубы, Конан бросился на противника и сильным ударом выбил из его рук меч. Со скоростью молнии Хордиз выхватил кинжал, однако оружие варвара, мягко войдя в грудь туранца, уже показалось у него из спины.

— Проклятие... — успел выговорить Хордиз, но из уголка его губ быстро побежала тоненькая струйка крови, и он затих.

— Готов, — мрачно проговорил Шамар, склонившись над поверженным. — Ловко ты его, — поднял он глаза на киммерийца.

— Посмотрим, что у тебя получится со мной, — злобно прорычал Мунвик, выходя в середину круга, — Хордиз был мальчишкой, с ним бы и женщина могла справиться.

— Нет ничего проще, как поносить мертвца, — ухмыльнулся Конан. — Для этого не нужно ни ума, ни храбрости.

— Так ты называешь меня трусом? — взревел Мунвик и ринулся на варвара.

Закипел бой. Ярость застилала глаза Мунвики, и он несколько раз ошибался, расплачиваясь за свои ошибки многочисленными ранами, но стойко держался на ногах, наносил ответные удары, и они неоднократно попадали в цель. Кровь струилась по обнаженным до пояса телам, злобное рычание вырывалось из глоток противников, и они

стоили друг друга, и потому драка продолжалась. Пираты вопили и улюлюкали, появились даже хитрецы, которые начали делать ставки на победителя, вспыхивали ссоры и мелкие стычки, а Конан с Мунвиком по-прежнему противостояли друг другу, и ни один не собирался уступать.

Наконец ловким ударом киммериец нанес пирату глубокую рану, тот выронил кинжал, схватился рукой за бок, не удержался на ногах и повалился навзничь. Конан прыгнул к нему и приставил к горлу соперника острие меча. Зрители замерли.

— Ты оказался более удачливым, — прохрипел Мунвик. — Что же ты медлишь?

— Не в моих привычках бить лежачего, — спокойно ответил варвар и сделал шаг в сторону. — Поднимайся. Наш спор еще не окончен.

Мунвик попытался встать, но силы изменили ему. Стоило пирату приподняться на локте, как он снова рухнул на палубу.

— Добей его! — крикнул кто-то из толпы.

Конан окинул тяжелым взглядом зрителей и молча убрал меч в ножны. Затем он подошел к Мунвику и протянул ему руку:

— Вставай. Хочу кое-что предложить тебе.

Пират с трудом поднялся и вопросительно взглянул на киммерийца. Тот помог недавнему противнику сесть, устроился напротив него и сказал:

— Мне понравилось, как ты дерешься. В тебе есть ярость, упорство и ловкость. Кроме того, ты горд. Такие люди мне по душе. Знаешь, я подумал, на кой ляд мне этот «Глаз Моргала»? Пиратствовать я не собираюсь. Мне неплохо платят Илдиз, а к тому же я давал клятву верности, и не и моих правилах нарушать слово. Давай поделимся. Я отдам тебе галеру, а себе оставлю парусник. Мне нужно несколько опытных матросов, чтобы довести корабль до Аграпура. Всем, кто останется со мной, обещаю по прибытии в Туран либо службу у Илдиза, либо полную свободу. И в любом случае — щедрую награду. Но слушаться меня должны беспрекословно.

По толпе пиратов пробежал рокот. Вдруг вперед шагнул совсем молодой туранец, почти юноша.

— Меня зовут Балаль. Я останусь на паруснике.

— И я! И я! — послышались голоса, и один за другим к Конану подошли человек двадцать.

— Хорошо, — кивнул варвар. — Остальные должны прямо сейчас вернуться на галеру. Можете взять лодки.

Когда последний пират покинул борт «Длани Митры» и галера начала быстро отдаляться от парусника, Конан распорядился:

— Всем по местам! А я отправляюсь спать.

Он, конечно, не собирался спать в эту ночь, ибо было бы смешно слепо доверять совершенно незнакомым людям, но страстно желал хоть на миг расслабиться. Поэтому, войдя в свою каюту, он не стал закрывать дверь и, отвечая на вопросы Амарис, которая в волнении ждала его, время от времени поглядывал на палубу, чтобы удостовериться, что корабль ложится на правильный курс.

Убедившись, что его новая команда не собирается бунтовать, Конан наконец мог сосредоточить свое внимание на женщине.

— Ты была великолепна, — улыбнулся он. — Правда, сомневаюсь, что ласки Дингира пришли тебе по душе.

— Он сполна расплатился за каждый поцелуй! — вспыхнула она. — Жаль только, Корди прикончил его одним ударом и не дал помучиться.

— Корди? — переспросил Конан. — Это который?

— Самый молодой и крупный, — пояснила Амарис. — Совершенно черный.

— И в честь кого он назван? — поинтересовался киммериец.

Щеки Амарис залил ярко-красный румянец, потом кропи резко отхлынула, и лицо женщины стало таким белым, словно ее кожи никогда не касалось солнце.

— Ты обратил внимание... — начала она.

— ...Что клички твоих любимых собак начинаются о тех же букв, что и имена твоих покойных мужей, — продолжил Конан, пристально глядя ей в глаза.

— Да, я назвала собак в память о тех, кого любила, — отвела взгляд Амарис.

— И все?

— И все, — твердо ответила она. — А чего ты еще ожидал?

— Не знаю, — пожал плечами варвар. — Я думал, тебе есть что рассказать мне.

— Разве что о Кави, — улыбнулась Амарис. — О моем последнем муже.

— Предпоследнем, — поправил ее Конан.

— Не напоминай мне об этой мерзости, — рассердилась Амарис. — Я сделала это, чтобы спасти наши жизни.

— Не надо злиться, — мягко положил свою ладонь на ее руку Конан. — Лучше поговорим о твоем Кави, если это воспоминание более приятно тебе. Кто он был?

— Дарфарец.

— Дарфарец?! — подпрыгнул варвар. — Людоед?!

Амарис кивнула.

— Кажется, это будет увлекательнейшая история, — оживился киммериец.

— Суди сам, — ответила женщина и начала рассказывать

* * *

Серый сумрак опустился на землю, и лес, радостный, зеленый, полный птичьего гомона и визгов вечно дерущихся обезьян, потемнел и затих. Где-то далеко в пышных кронах прошелестел ветер, и деревья отзывались глухим шелестом. Наступила тишина, которую лишь изредка пропиливал резкий крик ночного хищника или сонный зов птицы, и только очень чуткое ухо могло уловить тихий шорох, легкое шлепанье босых ног и глубокий вздох человека, скинувшего тяжелую ношу.

Высокий, стройный темнокожий юноша осторожно положил на влажный мох убитую антилопу, присел на корточки и, зачерпнув ладонью немного воды из мелкого ручки, обтер ее лицо. Затем он снова погрузил руки в воду, набрал полные пригоршни, сделал несколько жадных глотков и заулыбался, обнажив в улыбке остро заточенные белоснежные зубы. До его деревни оставалось всего несколько полетов стрелы, и скоро он будет дома. Охота оказалась удачной. Мяса крупной антилопы хватит его семье на пять-шесть дней, а то его родители, хоть и опасались гнева Йога, уже начали подумывать, не начать ли собирать и есть плоды. Виданное ли это дело — уподобляться безмозглым тварям и жевать всякую дрянь, растущую на деревьях или земле! Нет! Только мясо!

Охотник снова улыбнулся, поднял с земли свою увесистую ношу и, распрямив плечи,

направился к деревне. Когда до нее оставалось не более одного полета стрелы и дм серые сумерки не могли спрятать четко вырисовывающиеся на другой стороне ручья хижины, юноша снова остановился и прислушался. Как странно! Почему не слышно детских голосов? Почему не горят костры? Юноша издал боевой клич своего племени, но никто не отозвался. Удивившись еще больше, он, передернув плечами, поправил ножу и чуть ли не бегом припустил к своему дому.

Стоило ему перейти ручей, как страшная картина предстала перед его глазами: полуразрушенные хижины, затон тайные костры, тела убитых. Бросив антилопу на землю, охотник кинулся к людям. Он всматривался в застывшие, лица тех, кто лежал на спине, переворачивал упавших ничком, тщетно пытаясь отыскать хоть кого-нибудь, в ком еще теплилась жизнь. Наконец ему повезло. Услышав приглушенный стон, юноша побежал туда. Возле обрушившейся стены его родного дома на сорванном и смятом пологе лежал брат юноши, Нунду. Голова его была проломлена, руки и ноги неестественно вывернуты, но Ворота в Страну Теней для него еще не открылись.

Охотник опустился на колени возле брата, немного приподнял его голову, и Нунду открыл глаза.

— Кави... — еле слышно прошептал он, — Как хорошо, что ты ушел еще утром...

— Что здесь произошло? — вскричал Кави. — Ты можешь говорить?

Нунду слабо кивнул и начал рассказывать.

— Дети Сета...

— Стигийцы? — перебил его Кави. — Охотники за рабами?

— Они, — подтвердил Нунду худшие опасения брата. — Но дай мне договорить... Иначе не успею... Лулаба удачно охотился. Дал нам мяса. Мать позвала есть. Я не успел проглотить и кусочка... Их было очень много. Жрец Йога бил в барабан, но мы не успели сплотиться... — Голос Нунду то креп и звучал громко, то резко понижался до тихого шепота. Иногда он надолго замолкал, собирая силы для рассказа. — Я задушил двоих. Одному сломал шею... Кто-то ударил меня мечом по голове... Я упал. Они прыгали на моем теле... Дрались все, даже женщины. Крики... О, как они кричали...

— Где мать, отец и маленькая Хатонга? — спросил Кави.

— Мать в Стране Теней. Отца и Хатонгувели, — после недолгого молчания ответил Нунду. — Иди за ними. Помоги им бежать. Ты успеешь...

— Я не могу оставить тебя, брат, — нахмурился Кави.

— Ворота уже открылись, я слышу, как они скрипят, — слабо улыбнулся Нунду. — Уходи.

— Нет, — покачал головой юноша. — Если тебе суждено пройти через Ворота в Страну Теней, я провожу тебя до них. Об отце и Хатонге не беспокойся. Если они живы, я сделаю все, чтобы они были свободны.

Нунду ничего не ответил и лишь слабо пожал руку брата. До рассвета он не проронил больше ни слова, только тихие стоны изредка вырывались из его груди. Когда первые лучи утреннего солнца позолотили верхушки деревьев, Нунду отправился в последний путь. Кави закрыл его глаза, отнес тело в середину деревни, туда же стащил трупы соседей, сложил погребальный костер и поджег. Конечно, эти похороны не походили на обычный ритуал его племени, но у Кави не было ни времени, ни сил, а главное — стигийцы у вели с собой жреца Йога, и некому было обратиться к божеству с нужными словами.

Страна Теней приняла новых обитателей. Во всяком случае, Кави очень на это надеялся.

Он поднялся с колен и огляделся по сторонам. Справа посредине пепелища, оставшегося от хижины, где обитал жрец, возвышался обгоревший идол Йога. Кави подошел к нему, зачем-то потрогал божество рукой, затем отыскал брошенную накануне антилопу, вырезал из нее кусок мякоти и бросил его И ногам божества.

— Прости меня, великий, — сказал он. — Я не могу сейчас принести тебе человеческую жертву, но обещаю вернуться и повесить тебе на шею ожерелье из ушей стигийцев, которых буду убивать в твою честь.

Последний раз взглянув на то, что осталось от его деревни, словно давая себе клятву никогда не забыть горе, причиненное ему стигийскими работогоровцами, Кави решительно зашагал туда, где за ручьем, прикрытым узенькой полоской утреннего тумана, начинался лес. Юноша был высок, ладно сложен и на первый взгляд казался хрупким, но напрягающиеся при ходьбе мускулы выдавали большую силу. На его длинной шее висел кожаный мешочек, медный браслет в виде тонкой змейки плотно охватывал левую руку чуть ниже локтя, темно-каштановые волосы, обмазанные глиной, были уложены в высокую островерхую прическу, с которой сбоку свисали три обезьяниных хвоста. На лбу Кави виднелись три тонких шрама, расположенных один под другим — знак его племени, а большие карие глаза горели злым, диким огнем. Из-за этого взгляда, а также благодаря плавной, почти неслышной походке юноша походил на хищного зверя, преследующего добычу.

Перейдя ручей, юноша на мгновение замер, прислушиваясь и ловя широкими ноздрями влажный воздух, а затем ловко проскользнул сквозь зеленую стену, образованную переплетенными лианами, и шагнул в лес. Его обдало душным воздухом, наполненным запахами тления. Словно выточенные из серо-зеленого камня, стояли гигантские деревья, обвитые лианами, которые, как живые существа, упрямо тянулись наверх, к свету, а оттуда снова спускались вниз. Изредка попадались одинокие кусты, а высоко-высоко, почти под самыми облаками, кроны деревьев сплетались в плотный свод, почти не пропускавший ни света, ни свежего воздуха. Где-то наверху шла жизнь: пронзительно кричали обезьяны, звонкими голосами перекликались птицы, а тут, у подножия лесных исполинов, царили темнота и безмолвие, и только полчища злобных, пребольно кусающихся насекомых копошились в трухлявых пнях, прелых листьях, на земле и под ней.

Кави, выросший в джунглях и никогда не покидавший их, не боялся ни мрака, ни тишины. Наоборот, сейчас они и его друзьями. Как будто превратившись в собственную тень, скользил он вперед, высматривая и вынюхивая след врага, легко и ловко переходил небольшие болотца, от которых отвратительно несло гнилью, перепрыгивал медленно текущие ручейки, смело перешагивал упавшие стволы, которые, стоило их слегка задеть, рассыпались в мельчайшую пыль.

Вот он резко остановился и замер, понюхал воздух и вдруг, собравшись в тугой комок, отпрыгнул в заросли кустарника, затаился там, а чуть позже тихонько раздвинул ветви и осторожно выглянул. Его внимательному взору предстала небольшая прогалина. Помятая трава, не успевшая выпрямиться, черные костища, от которых тянулись тонкие, прерывающиеся струйки дыма, подсказали юноше, что еще совсем недавно тут были люди. Конечно, большой отряд, отягощенный к тому же пленниками, которые не спешат попасть на невольничий рынок, идет гораздо медленнее, чем одинокий охотник, одержимый жаждой мести. Еще немного — и Кави догонит ненавистных стигийцев.

Почти сразу за прогалиной шла довольно широкая тропа, постепенно переходившая в дорогу, которая вела из Дарфара в Стигию, проходя неподалеку от города Сухмета, что стоял

у самой границы. Пленников, несомненно, вели туда, и юноша заторопился: надо настигнуть отряд, пока он еще не покинул джунгли. Осторожно, не производя ни малейшего шума, Кави вышел из укрывавшего его мрака на освещенную солнцем тропу и радостно вскрикнул, увидев четкие отпечатки ног: обутых — охотников за рабами и босых — его соплеменников.

Солнце уже добралось до середины небосвода, когда до чутких ушей юноши донеслись звуки человеческих голосов. Он мгновенно отпрыгнул в сторону и нырнул в лес. Словно гибкая, бесшумная змея — даже не змея, а ее тень, — скользил он теперь вдоль дороги, пробираясь через густые заросли и лабиринты толстых корней, легко перескакивая через лежащие стволы и узкие ручьи. Разноголосая болтовня, смех, громкие выкрики на чужом языке, вполне понятном Кави, бряцание мечей, топот ног доносились с тропы — стигийцы нагло шли вперед, но опасаясь преследования.

Юноша пробрался к самой кромке дороги и начал вглядываться в лица врагов, выбирая первую жертву. Вот он! Тело Кави напряглось, как у готового к прыжку тигра, мускулы на руках, сжавшихся в кулаки, вздулись буграми, остро заточенные зубы оскалились в страшной улыбке, когда юноша увидел, как рослый стигиец грубо толкнул в спину замешкавшегося отца Кави, и заорал:

— Пошевеливайся, гнусный потрошитель человеческих тел! Не пить тебе больше людской крови!

«Как это не пить?!» — взбунтовалась душа Кави. Великий Йог сурово наказывает тех, кто не отведал человеческой плоти хотя бы раз в тридцать дней! Такой дарфарец становится нечистым, и даже Страна Теней не примет его. Мало того, что эти грязные стигийцы лишают его сородичей свободы, они еще навлекают на них гнев Йога! Может, они к тому же хотят заставить дарфарцев есть хлеб и овощи? Кави был готов зубами вцепиться в глотку врага, но и место, и время для этого не подходили. Он снова углубился в лес, упорно преследуя отряд и выжидая, когда сумеет начать мстить.

День подходил к концу, и предводитель отряда приказал останавливаться на ночлег. Присмотрев подходящую лужайку, стигийцы быстро установили две походные палатки, разместили пленников между ними, развели костры. Из куста, растущего неподалеку от одной из палаток, преследователь наблюдал за всем, что происходило в лагере. Когда тени от окружавших лужайку деревьев окутали лагерь темно-зеленой мглой, Кави выбрался из своего убежища и отполз в лес, а затем начал кругами обходить лужайку. Ни одной ветки, ни одного высокого стебля не задело его гибкое тело, ни один сучок не хрустнул под босыми ступнями, никому в голову не пришло, что за каждым движением недругов следят внимательные глаза, в которых горит дикий огонь. Кави дрожал от нетерпения, но выйти из леса не мог, и ему оставалось лишь ждать, когда первая жертва ступит на его территорию.

Вдруг он остановился и замер, приникнув к толстому шероховатому стволу. От костра, горевшего ровным, неярким светом, поднялся один из стигийцев, как раз тот, которого Кави присмотрел еще по дороге, и, распутывая на ходу завязки широких штанов, быстро направился к лесу, совершенно не ожидая, что за высоким кустом его подстерегает смерть. Не успел он и глазом моргнуть, как темнокожая рука с быстротой атакующей змеи метнулась из-за ветвей. Приглушенный хрип, тихий треск ломающихся шейных позвонков — и к ногам дарфарца упало тело врага. С глухим урчанием Кави вонзил острые зубы в теплую плоть, с наслаждением вырвал кусок и проглотил. Две гонкие струйки крови потекли из уголков рта и закапали ид обнаженную грудь. Затем юноша ощупал жертву, вытащил у нее из-за пояса кинжал и отрезал ухо.

— Великий Йог, — прошептал он. — Это первое для твоего ожерелья. За мою мать.

Кави аккуратно развязал ремешок, стягивавший мешочек, который висел у него на шее, и положил туда ухо. Затем он внимательно осмотрел острый клинок, обтер его о штаны стигийца, снял с мертвого ножны и привесил их к своему поясу. Дарфарцы обычно не использовали ни мечей, ни кинжалов для жертвоприношения, и жертва, которой были нанесены ножевые раны, считалась испорченной, однако справиться с целым отрядом врагов, будучи совершенно безоружным, Кави не мог. К тому же сейчас он более горел жаждой мести, чем желанием служить Йогу. Великий бог простит его, когда юноша принесет обещанное ожерелье из ушей охотников за рабами.

Оглядевшись по сторонам, Кави поднял тело и, пригибаясь под тяжестью ноши, потащил его в лес, где спрятал под круто изгибавшимися корнями ветвистого дерева. Затем он снова вернулся к лагерю и опять принял описывать круги, поджиная следующего стигийца. То и дело он останавливался и замирал, но возможные жертвы, словно чуя опасность, не углублялись в заросли.

Непроглядная ночь медленно опустилась на землю, и огонь костра показался затаившемуся дарфарцу ослепительно ярким. Он отвел глаза, чтобы они не привыкали к свету и по-прежнему хорошо видели в темноте. Со стороны лагеря послышался шум и кто-то крикнул:

— Ахон, ты что, весь на дермо изошел? Где ты шляешься, придурок?

Чуть позже послышался другой голос:

— Ахон! Ахон, дружище, отзовись! Давно пора возвращаться!

— Поищите в чащце вашего Ахона, — буркнул под нос Кави. — Хороший приятель у вас был, жирный и сладкий. Поторопитесь. Я бы с удовольствием поужинал еще раз.

Несколько факелов ярко вспыхнули в непроглядной тьме, и трое стигийцев понесли их в лес, ступая медленно и осторожно, вздрагивая от каждого шороха. Войдя в лес, факельщики разбрелись в разные стороны, то зовя Ахона, то окликая друг друга, постоянно оглядываясь. Однако никто даже не заметил, как черная тень, отделившись от толстого ствола, скользнула вслед за одним из них. Факельщик остановился, повел рукой в разные стороны, разгоняя темноту, и крикнул:

— Эй!..

Что он хотел сказать дальше, так и осталось неизвестным, потому что из-за спины вылетела стальная молния, и острое лезвие полоснуло по шее, едва не отделив голову от туловища. Стигиец тяжело грохнулся на землю, уронил факел, и тот, попав в неглубокую лужицу, зашипел и погас. Острые зубы с восторгом несколько раз вгрызлись в мягкое тело послышалось смачное чавканье, затем снова блеснул нож, Кави бережно уложил в мешочек второе ухо.

— Это за мой разрушенный дом, — сказал он и двинулся в чащу.

Смертоносным призраком скользил он вперед, остановился, растаял в густых зарослях лиан, появился с другой стороны, неслышно упал на землю и вдруг прыгнул, опрокинув на прелые листья еще одного факельщика. Тот не успел даже понять, что происходит, как его душа отлетела на встречу с Великим Змеем.

— За мою деревню, — провозгласил Кави, пряча в мешок третье ухо. — Затем он нагнулся, откусил кусок плоти моей жертвы и тут же выплюнул: — Фу, провонял потом насеквоздь, тебя даже есть противно.

Оставшиеся в живых еще недолго бродили по темной чащце. Голоса их, окликавшие

исчезнувших спутников, звучали все более нерешительно, в них явно слышался страх, и вскоре подрагивавшие огоньки двинулись обратно к лагерю. Там поднялась страшная суматоха, послышались крики, топот ног, зажглись новые костры. С кривой усмешкой наблюдал Кави за этой суетой, твердо зная, что, стоит кому-нибудь хоть немного углубиться в чащу, он оттуда не вернется. Стигийцы выставили охрану, и лагерь замер до утра, словно охотники за рабами боялись неосторожным словом или резким движением привлечь затаившуюся в дремучих зарослях смерть.

Лагерь снова ожил лишь тогда, когда яркие солнечные лучи осветили все вокруг, прогнав тени даже из самых удаленных уголков. Посовещавшись, стигийцы по двое прочесали лес возле лужайки, отыскали пропавших ночью и вынесли их из зарослей.

— Это дарфарцы, — без малейшего сомнения в голосе заявил старший. — Кто знает, сколько их прячется в лесах. Вряд ли много, иначе они приготовили бы себе лакомство из наших печенок уже сегодня ночью. Но сколько бы их ни было, мы не можем противостоять им. Джунгли — их дом. Если хотим выжить и добраться до Стигии, надо поторопиться. До границы совсем недалеко. Пойдем без остановок — ночевать будем на родной земле.

Кави, прекрасно слышавший каждое слово, усмехнулся и поспешил вслед за отрядом. Если то, что говорил предводитель работников, правда, то надежда освободить соплеменников с каждой минутой становилась все слабее.

Приближался вечер, когда нервы молодого людоеда не выдержали. Еще бы, за целый день ему не удалось увеличить ожерелье для Йога и съесть хотя бы крошечный кусочек мяса. Стигийцы почти бежали по пустынной дороге, не позволяя никому сходить с нее, и тычками подгоняли измученных дарфарцев. Работников в скором времени ожидали надежные родные стены, а их пленников — позорное существование до конца дней, после которого им на всегда будет закрыт путь в Страну Теней, и их неприкаянные души начнут скитаться по джунглям, наводя ужас на соплеменников.

Издав угробный рык, а вслед за ним — боевой клич, Кави выпрыгнул на дорогу, обогнав отряд на несколько шагов. Полуголый, окровавленный, оскаливший острые зубы в страшной усмешке, он был настолько ужасен, что в первый миг его враги испугались. Но, видя, что больше их никто не преследует, бросились на дарфарца. Он отбившись руками и ногами, вырывал зубами куски плоти, наносим кинжалом глубокие раны, но он был один, а врагов много. Его соплеменники, связанные прочными веревками, помочь ему ничем не могли.

Кави схватили и долго, с упоением топтали ногами. Только бурлящие в его теле молодые силы да ярость оттого, что так и не сумел ничего сделать для своих собратьев, помогли ему выжить. Избитого, грязного, с ног до головы выпачканного своей и чужой кровью дарфарца подняли ни ноги и подвели к предводителю стигийцев. Тот долго смотрел на новую добычу холодными, полными злобы глазами, а потом проговорил:

— Хорош! За тебя хорошо заплатят в Птейоне или Луксуре. Не надейся, на рынок в Сухмете я тебя не выведу, Это слишком близко от Дарфара. — Затем он повернулся к своим спутникам и приказал: — В колодки его! А то сильно шустрой. И не спускайте с него глаз, такой, как он, и с колодками удрать может.

Два человека держали Кави, еще двое подняли его руки над головой, свели их вместе и соединили запястья странным деревянным приспособлением. Дарфарец попытался согнуть руки в локтях и положить их на голову, но остшая боль пронзила его тело: два острых угла колодок впились в запястья с такой силой, что, казалось, кисти вот-вот отвалятся. Охотник за рабами, надевавший на юношу колодки, злобно усмехнулся и толкнул Кави к пленникам. На

щиковатки ему надели веревочные петли, затянули их, связали между собой и прикрепили к общей веревке, соединявшей такие же петли на ногах всех пойманных дарфарцев. Отряд двинулся дальше, и, когда уже совсем стемнело, пересек границу Стигии.

В Сухмете пленников отвязали друг от друга, не сняв, однако, с ног каждого веревок, и затолкали в крошечное, очень тесное помещение, вплотную примыкавшее к дому предводителя отряда охотников за рабами. Кави освободили от колодок, но, памятуя о его исключительной опасности, им одеревеневшие руки юноши надели металлические браслеты, скрепленные толстой цепью. Впрочем, все эти предосторожности вряд ли были уместны, ибо заточенные зубы всюду сразу выдавали дарфарцев, а в Стигии они появлялись только в качестве рабов, граница же близ Дарфара хорошо охранялась, так что бежать пленникам было некуда.

Новый хозяин, окинув измученных и до смерти перепуганных людей долгим, изучающим взглядом, приказал одному из слуг:

— Накормить, дать воды для питья и умывания. А то на рынке за них и медной монеты получить не удастся. Пусть слегка окрепнут. — Затем он повернулся к дарфарцам: — Меня зовут Аркон. Отныне вы принадлежите мне, и я решаю, жить вам или умереть.

С этими словами он вышел, а расторопный слуга поспешил выполнить приказание господина. Большой жбан с водой пленники встретили гулом одобрения, а вот к еде никто не притронулся, ибо хлеб и некое подобие каши из неизвестной дарфарцам крупы были для них страшнее яда: грозный Йог немилосердно наказывал тех, кто осмеливался есть что бы ни было, кроме мяса. Ни уговоры, ни побои, ни угроза расправы не подействовали ни на кого из них, и в конце концов раздосадованный хозяин распорядился принести пленникам вожделенную пищу. Конечно, хорошего мяса им не досталось, но и требуха вызвала восторг у изголодавшихся людей.

Вскоре, слегка насытившись, все улеглись спать, а Кави еще долго шептался со своей сестрой Хатонгой, но маленькая девочка только упрямо качала головой в ответ на все его уговоры.

— Ну почему? — рассердившись в конце концов, чуть не выкрикнул Кави. — Неужели тебе нравится этот вонючий дом и мерзкая еда?

— Кому это может понравиться? — пожала плечами Хатонга.

— Так давай убежим! Мы сумеем. Я помогу тебе, — снова начал уговаривать сестру юноша.

— Нет, — опять закачала головой Хатонга. — Куда мы пойдем? Деревни нашей больше нету, — начала она перечислять, загибая пальцы, — родители мертвые, все сородичи здесь, другое племя может не принять нас. И как мы будем жить?

— Мы будем жить на свободе. Я умею охотиться. Построим заново наш дом... — Он замолчал, вдруг поняв, насколько неубедительно все это звучит для ребенка, не ведавшего до сих пор никаких забот, — А может, — добавил он, подумав, — соседнее племя и не прогонит нас. Мы ведь никогда не враждовали.

— А чьего жреца мы съели на прошлом празднике Йога? — сощурившись, взглянула на него сестра.

— Тогда найдем незнакомое племя. У них не будет с нами счетов.

— Не будет, — согласилась Хатонга, с самого раннего детства отличавшаяся рассудительностью. — Зачем незнакомым людям сводить с нами счеты? Они нас просто съедят.

Кави не мог не согласиться с тем, что она права. Дарфарские племена были сильно разобщены, и на соседей, как правило, смотрели как на будущие жертвы Йогу и угощение к пиршественному столу. Кому нужны двое, оставшиеся без кровя и родственников? Их, конечно, примут, будут хорошо кормить и оберегать, но только до очередного праздника, посвященного кровожадному божеству. А потом, оглушив ударом дубины по голове, их бросят в яму, где стоит жертвенный огонь, затем, слегка поджарив, вынут тела, поднесут Йогу крошечный кусочек, а остальное с удовольствием съедят сами. Проклятые стигийцы навсегда закрыли им путь на родину!

Хатонга, которой надоели пустые разговоры, свернулась клубочком и заснула, положив брату на коле расстрапанную голову, а Кави еще долго сидел, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к ночным шорохам, и напряженно думал. В конце концов, немало дарфарцев живет в чужих краях. Говорят, они даже объединяются в общины и исправно служат своему богу. Во всяком случае, из отрывочных разговоров стигийцев он понял, что с дарфарцами считаются, хоть и боятся и ненавидят их. А как же данное Йогу обещание вернуться и преподнести ожерелье из ушей врагов? Но ведь он, Кави, еще жив, а значит, сумеет собрать обещанную жертву. Надеть ожерелье можно и на другого идола, ведь бог один, только изображений у него множество... Юноша тяжело вздохнул. Пожалуй, Хатонга поступает мудро, отказываясь бежать. Что ж, попробует и он не горячиться, подождать и посмотреть, как все сложится дальше. Плох тот охотник, который не умеет сидеть в засаде.

Стигиец, отряд которого уничтожил деревню Кави, тоже не сразу лег спать в эту ночь, но у него были другие причины бодрствовать: он подсчитывал будущую выручку. Сначала он собирался отвезти пленников в Луксур. Там невольничий рынок был покрупнее, покупателей всегда собирались много, и потому пойманные дарфарцы могли бы принести большую прибыль. Несмотря на их верования, постоянно требовавшие человеческой крови, каннибалов из Дарфара покупали охотно. Они были сильными и ловкими, легкоправлялись с самой тяжелой работой, а кроме того, других рабов всегда можно было держать в повиновении, пригрозив им, что за непослушание они будут отданы людоеду. На то, что дарфарцы время от времени выходили по ночам на улицы городов на охоту, их хозяева смотрели сквозь пальцы: как правило, добычей приверженцев Йога становились нищие, бродяги и прочий сброд. В конце концов, в уличных потасовках погибает немало тех, кто не умеет постоять за себя, а будет убитый торжественно похоронен или съеден в угоду чужеземному богу — кого это волновало?

Все бы хорошо, но до Луксура было несколько дней пути, и чтобы товар прибыл на место в приличном состоянии, пришлось бы изрядно потратиться и на содержание пленников, и на охрану. Тщательно прикинув все за и против, удачливый охотник за рабами решил, что гораздо выгоднее будет сбыть всех прямо в Сухмете. Близость дарфарской границы существенно снижала цену на рабов, но зато и держать их у себя, рискуя, что в любую минуту они могут сбежать, было не нужно.

Наутро Аркон еще раз внимательно осмотрел всех пленников и остался доволен. Четверо высоких, стройных и ловких юношей, шесть зрелых мужчин, еще вполне сильных и крепких, три старика, которые вполне продержат! несколько лет, даже если их купят для работы на каменоломнях, три очаровательные девушки — чудесное приобретение для гарема какого-нибудь любителя острых ощущений, четыре женщины, вполне годившиеся для любой работы, и пара детей, уже вполне самостоятельных. Если торговля пойдет удачно, нескоро понадобится собирать новый отряд и пускаться в опасное путешествие за новым товаром.

Дарфарцев накормили, затем внимательно осмотрели путы на руках и ногах, скрепили всех пленников одной веревкой и под охраной десяти хорошо вооруженных воинов повели на рынок, находившийся на противоположном конце города, у северных ворот. Место, где продавали и покупали рабов, сильно отличалось от рынков, где торговали снедью, тканями, изделиями гончаров и жестянщиком. Посреди небольшой площади был сооружен узкий помост, достаточно высокий, чтобы возможные покупатели могли со всех сторон рассмотреть предлагаемого к продаже раба. Товар держали за помостом, в тесном здании, и выводили рабов по одному: таким образом продавцу было легчи добиваться желаемой цены. Первоначальную цену назначал хозяин пленников, предоставляя публике право торговаться.

На помосте стояли кресло для главного продавца, стол для писца, аккуратно ведущего записи (дата, число проданных голов, цена), на основании которых продавцы затем платили налог в казну города, и гонг, оповещавший о начале и конце торгов за каждого отдельного раба. Человек у гонга и писец получали долю с продажи, а потому за эти места всегда шла ожесточенная борьба.

У самого помоста, как правило, толпились нищие попрошайки, протягивавшие жадные руки к каждому покупателю, ибо обычай требовал от каждого, кто приобрел здесь хоть что-нибудь, щедрой милостыни. Чуть поодаль полукругом стояли кресла, предназначенные для наиболее богатых и знатных. Справа и слева обычно замирали носильщики, слуги и телохранители, терпеливо поджидавшие своих хозяев. За креслами тянулись несколько рядов простых деревянных лавок для покупателей победнее, праздношатающихся бездельников и любопытствующих зевак. Иногда они приобретали по бросовой цене тех рабов, на которых не позарились богачи.

Перед самым началом торгов Аркон еще раз осмотрел свой товар, пощупал мускулы у мужчин, проверил, целы ли зубы, подергал женщин за волосы, приказал всем раздеться догола, велел слугам натереть золотисто-коричневые тела оливковым маслом, а после этого пояснил, в какой очередности выводить рабов на помост. Слуги дружно закивали и согнулись в учтивом поклоне, всем своим видом выражая готовность в точности выполнить каждое распоряжение хозяина.

Аркон удобно устроился в кресле, предназначенном для владельца товара, и дал знак зазывале начинать торги. Тот радостно заулыбался, по боковой лесенке влетел на помост, вышел на его середину и поднял над головой руки, призывая зрителей к тишине. Когда толпа немного затихла, он провозгласил:

— Почтеннейшая публика! Сегодня нашуважаемый Аркон, известный своей смелостью и удачливостью, предлагает вашему вниманию свою самую свежую добычу. Он совершил рискованнейшее путешествие в Дарфар и привел оттуда великолепнейший товар. Смотрите.

Ударил гонг, и на помост вывели высокого пожилого мужчину. Его выпуклые мышцы, блестевшие от втертого в них масла, произвели на публику должное впечатление, и по толпе пробежал говорок.

— Взгляните на него хорошенько! — завопил зазывала. — Смотрите, как он силен и ловок! Неважно, что ему уже не двадцать лет! У него впереди еще половина жизни, и за это время он принесет своему хозяину немалую прибыль! Посмотрите на него внимательно! Десять серебряных монет — разве это цена за такого мощного раба? Десять монет! Кто даст их?

Седовласый мужчина, сидевший в первом ряду, поднял руку:

— Двенадцать!

Ударил гонг, писец обмакнул перо в чернила, а зазывала снова закричал:

— Двенадцать монет! У тебя хороший глаз, господин!

Этот дикарь вернет вам вложенные деньги и в десятки раз увеличит их. Двенадцать монет! Может, кто-нибудь хочет предложить больше?

Сосед седовласого выкрикнул:

— Пятнадцать!

Снова ударил гонг.

— Пятнадцать! — захлебнулся от восторга зазывала. — Великолепно! Тот, кому посчастливится стать хозяином этого дарфарца, никогда не пожалеет! Кто больше?

— Шестнадцать! Восемнадцать! Двадцать! — предложения посыпались со всех сторон, и Аркон едва заметно улыбнулся: он снова не ошибся, наняв именно этого зазывалу. В конце концов первый раб был продан за двадцать две монеты. Гонг ударил трижды, писец быстро записал цену, и кузнец, расположившийся возле помоста, ловко постукивая маленьким молоточком, надел на проданного раба кандалы. Покупатель сделал знак одному из своих слуг, и тот достал из мешочка, висевшего у него на шее, клеймо. Клеймо обмакнули в специальную жидкость и с силой приложили к правому плечу дарфарца. Десятки острых иголочек пронзили плоть, и на могучем плече проступил черный рисунок. Такую татуировку нельзя было вывести ничем. Теперь каждому, кто взглянет на рисунок, будет ясно, чья это собственность.

В этот день торги шли бойко. Зазывала старался как мог. Он улыбался, кричал, уговаривал, расхваливал товар так, что даже тем, кто пришел просто развлечься, хотелось купить именно того раба, которого он представлял. Кави, который слышал каждое слово, доносившееся с помоста, тряслось от отвращения и ненависти, но ничего поделать он не мог. Наконец дошла очередь и до него.

— Номер восемь! — объявил зазывала. — Какой красавец! — Он закатил глаза и причмокнул. — А сила!.. Его силы хватит на десятерых! Он молод. Он неглуп. У него большое будущее. Тридцать серебряных монет за это роскошное животное! Торопитесь! Если его не купят сегодня, благородный Аркон обучит его грамоте, и тогда цена этого дарфарца вырастет до десяти золотых монет! А обучить его будет нетрудно! Он может быть кротким, и свирепым, покорным и строптивым, из него получится великолепный сторожевой пес! Тридцать монет! Да это просто подарок от благородного Аркона в честь удачных торгов!

— Тридцать пять! Сорок! Пятьдесят! — Публика явно вошла в раж. — Пятьдесят пять! Шестьдесят!

Кави пристально вглядывался в лица выкрикивавших все новые и новые цены, и думал, с каким наслаждением он впился бы в горло любого из этих людей, с какой радостью терзал бы их жалкую плоть, как быстро пополнилось бы ожерелье для Йога. Воображение юноши нарисовало такую яркую картину, что он невольно облизнулся, а его злобный и настороженный взгляд на несколько мгновений потепел.

— Восемьдесят! — вскинул вверх руку широкоплечий, крепкий мужчина, ястребиный нос которого и курчавая пышная борода, суживающаяся книзу, выдавали в нем уроженца Шема.

— Прекрасная цена! Превосходная цена! — заверещал зазывала. — Есть еще предложения? Восемьдесят — какая чудесная цена!

Гонг ударил трижды, и Кави перешел в собственность шемита. Юношу, как и его собратьев по несчастью, заковали, а вот клеймо новый хозяин приказал поставить не на

плече, а на спине, между лопатками. Когда жгучая волна боли схлынула и Кави вновь обрел способность видеть и говорить, шемит сказал ему:

— Меня зовут Исакар. Сегодня же я возвращаюсь домой, в Аббедрах, что находится в Шеме, близ границы со Стигией. О своей судьбе ты узнаешь, когда мы прибудем на место, но, обещаю, ты не пожалеешь о том, что тебя купил именно я.

Кави хмуро взглянул на своего хозяина и криво усмехнулся, подумав при этом: «Чернобородый тупица! Как можно не пожалеть о том, что тебя лишили свободы? Ну ничего, с тобой я поквитаюсь попозже». В тот миг юноша даже заподозрить не мог, что годы, проведенные в доме Исакара, будут вспоминать как лучшую пору своей жизни.

По прибытии в Аббедрах Кави поместили в доме хозяина. Крошечная комната, хоть и надежно укрепленная толстой решеткой на окне и массивными запорами на прочной двери, оказалась вполне удобной и даже уютной. Обстановка ее была довольно скучной: узкая лежанка, маленький столик и небольшой сундучок для одежды, — но привыкшему и к более скромным условиям дарфарцу этого было более чем достаточно.

Его сытно кормили отборным мясом, даже не пытаясь предлагать какую бы то ни было иную пищу, и никто не беспокоил. Лишь сам Исакар время от времени навещал своего раба, никогда не беря с собой охрану, словно совсем не опасался за свою жизнь, и подолгу беседовал с ним, попутно обучая смышеного юношу шемитскому и туранскому языкам, а также грамоте. В конце концов Кави, удивляясь самому себе, привязался к хозяину. Единственное, что беспокоило молодого раба, — ему давно не приходилось отведать человеческого мяса, и он почти физически ощущал то, что его соплеменники обозначали словом «нечистый». Когда он уже был на грани отчаяния, случилось нечто, наполнившее его душу чувством, сходным со счастьем.

Однажды вечером Исакар пришел к нему в комнату:

— Я давно присматриваюсь к тебе и могу уверенно сказать, что не ошибся, когда в Сухмете выбрал именно тебя. То, что я расскажу сейчас, все посвященные клянутся держать в величайшей тайне, цена которой — жизнь. Ты можешь поклясться?

— Клянусь Воротами Страны Теней, — взволнованно произнес Кави, подумав, правда, при этом, что иных собеседников, кроме Исакара, у него все равно нет.

— Слышал ли ты когда-нибудь о культе Золотого Павлина Саббатеи? — спросил Исакар, и когда дарфарец отрицательно покачал головой, продолжил: — Приверженцы этого культа поклоняются демону в павлиньях перьях. Золотой Павлин строг и суров и требует от своих детей многих жертв, лучше всего — человеческих. — Кави напрягся, а Исакар по-дружески потрепал его по плечу: — Не волнуйся. Я потратил такие деньги не для того, чтобы принести тебя в жертву Золотому Павлину. Все гораздо интереснее.

Он надолго замолчал, не сводя пристального взгляда с дарфарца, словно еще раз обдумывал, можно ли посвящать раба в свою сокровенную тайну, но все-таки решился:

— Я жрец Золотого Павлина. Ты спросишь, почему это тайна? Наш культ запрещен в Шеме. И не только в Шеме, но и повсюду. Из-за человеческих жертв, конечно. Но мы признаем свое божество истинным и не собираемся отступаться от него. Так вот, я жрец. До недавнего времени у меня был превосходный помощник, но вот уже два месяца, как он покинул меня, чтобы встретиться с богом. Тогда я решил отправиться в Стигию, где можно купить раба из Дарфара, чтобы им заменить своего усопшего друга. Культы Золотого Павлина и Йога очень близки друг другу, и я хочу спросить, согласен ли ты служить Павлину?

Беседа затянулась далеко за полночь. Исакар подробнейше рассказал о своем божестве,

поведал, как добываются для него жертвы, доказывал, что его бог и бог Кави — почти родные братья. Дарфарец долго не поддавался уговорам, но против одного предложения устоять не смог.

— Мы отдаем всю жертву Павлину, тогда как вы почти целиком оставляете ее себе, — сказал Исакар. — Я позволю тебе забирать ту часть, какую захочешь, после каждого жертвоприношения.

Глаза Кави засияли. В конце концов, ему ведь не предлагаю отречься от своего бога, просто он обретет еще одного, очень похожего.

— Хорошо, — согласился юноша. — А что требуется от меня?

Оказалось, добывать жертвы с каждым годом становилось все труднее и труднее, несмотря на то что жрецы Золотого Павлина в этом деле достигли небывалых высот, творя подчас настоящие чудеса. После многих удачных вылазок Исакар все же навлек на себя некоторые подозрения и потому больше заниматься этим не мог. Кави с его ловкостью, силой и сноровкой как нельзя лучше подходил для этой роли и после короткой подготовки начал прекрасно справляться со своими новыми обязанностями. Два года прошли для него как два дня, пока однажды не грянул гром.

Приверженцы сabbатейского культа, которых, к удивлению дарфарца, в Шеме оказалась немало, готовились к очередному торжеству, посвященному Золотому Павлину. Это был особенный праздник, проводимый один раз в пять лет, когда божеству требовалось преподнести сердце девочки не старше семи лет.

До этого Кави прекрасно справлялся со своей задачей. Ему, выросшему в глухих джунглях, где от ловкости и умения передвигаться быстро и совершенно бесшумно зависело, скоро ли Ворота в Страну Теней откроются, чтобы впустить очередного обитателя, было совсем нетрудно отлавливать одиноких прохожих, заезжих ротозеев, подгулявших выпивох, предназначенных для алтаря Павлина. Но как быть, когда малые дети редко остаются без присмотра? Оставалось одно: завлечь девочку обманом.

Он долго бродил по улицам Аббедраха, пока не присмотрел несколько детей, вполне подходивших для его целей. Терпения и выдержки дарфарцу хватило бы на то, чтобы выслеживать ребенка годами, но времени-то как раз у него и не было, и он остановил свой выбор на шестилетней девочке, семья которой, как показалось Кави, не слишком обременяла себя заботой о ребенке. Во всяком случае, ему не раз приходилось видеть, как она играет одна или как ее мать, отправляясь за покупками, смело оставляет дочь на улице возле лавки.

Договориться с малышкой оказалось нетрудно. И правда, весьма сложно найти девочку, которая не приняла бы в подарок забавную игрушку и не согласилась бы зайти к добруму дяде, который утверждает, что больше всего на свете любит играть с детьми и что в саду у него есть качели, а в доме стоит накрытый стол с сочными фруктами, сладким изюмом и медовыми лепешками. Девочка доверчиво протянула «доброму дяде» розовую ладошку, и он, чуть ли не приплясывая от радости, что все так ловко получилось, повел ее в дом, где ребенка действительно ждали, но не расписные качели, а другие «добрые дяди», которые уже заточили нож, чтобы вырезать сердце из груди гостьи.

Девочку напоили сладким соком, в который не забыли подмешать сонный порошок, умыли, переодели в белоснежное платье и торжественно возложили на алтарь. Жрец Золотого Павлина нараспив прочел молитву, гонкое стальное лезвие мягко вошло в хрупкую грудную клетку, и кровожадный демон в роскошном оперении поглотил еще бьющееся сердечко. Кави, довольный собой, вечером тихонько шепнул благодарственные слова Йогу и,

причмокивая, съел большой кусок нежного, слегка поджаренного мяса.

Однако радовался он напрасно, ибо впервые в жизни наблюдательность дарфарца подвела его. Женщина, которая так беспечно оставляла ребенка без присмотра, оказалась не матерью девочки, а ее няней, по лавкам или просто поболтать с подружкой она ходила втайне от хозяев, рассчитывая на молчаливость ребенка и ее привязанность. Когда малышка пропала, начался большой переполох, который усиливался тем, что она была единственной наследницей уже очень немолодого, зато весьма богатого купца, который добрую половину своей жизни потратил на то, чтобы вымолить у богов дочь или сына.

Через несколько дней в дом Исакара явился несчастный отец. Откинув обычные для шемитской знати цветастые приветствия, он сразу заявил:

— Нашлись люди, которые видели, как твой чернокожий раб разговаривал с моей дочерью. После этого она бесследно исчезла. Я, может, не обратил бы на это особого внимания, не будь он родом из Дарфара.

— Почтенный Джайаб, — ответил Исакар, склонившись в полупоклоне, — этот раб живет в моем доме уже не один год, и я смею утверждать, что он отказался от каннибальства. Я подолгу беседовал с ним, и он согласился принять нашу веру. А что до твоей дочери... У Кави нежная и любящая душа. Стигийцы разлучили его с любимой сестрой, и он особенно сильно тоскует, когда видит маленьких девочек. Мой раб не мог причинить вреда твоей дочери.

— Не родился еще тот дарфарец, который откажется от человеческого мяса! — вскричал Джайаб. — Почему ты защищаешь нечестивого? Он раб, и одного подозрения достаточно, чтобы осудить его, не обращаясь к владыке и его судьям.

— Ты прав, он раб, — кивнул Исакар. — Но это мой раб, а значит, моя собственность. Из уважения к тебе и твоему горю я сам накажу его, хотя не сомневаюсь, что его вины тут нет. Но позволь дать тебе добрый совет: не прекращай поиски дочери. Может, она просто заблудилась?

— Нельзя не верить тому, кого ни разу не подозревали во лжи, — вздохнул купец. — А совет твой напрасен, я и так не перестану искать мою девочку до конца своих дней.

Когда Джайаб ушел, Исакар поспешил в комнату Кави.

— Друг мой, — сказал он дарфарцу. — Я не виню тебя, но Джайаб требует наказания. Будь ты просто рабом, мне пришлось бы отдать тебя в руки палачей. Но за эти годы ты стал мне другом и единомышленником, а потому я предлагаю единственный выход. Тебе придется бежать, ибо в Шеме ты не можешь оставаться и часу. Однако жизни беглого раба не позавидует и покойник...

— И что мне делать? — всполошился Кави.

— Я дам тебе бумагу, где будет написано, что за усердие и послушание, а также за особые заслуги тебе дарована свобода.

— Это больше, на что я мог рассчитывать, — печально улыбнулся Кави, — но мне некуда идти.

— Это не моя прихоть, — сурово наступил Исакар. — Собирайся, если хочешь остаться в живых. А я пока приготовлю бумагу. Еще до наступления ночи ты должен покинуть мой дом. И учти: утром я подниму шум, что ты бежал. Мы затратили слишком много усилий, чтобы держать наш культ в тайне, и не можем теперь рисковать. Если бы заподозрили меня, я тоже был бы вынужден скрываться. Торопись. Времени у тебя очень мало.

— Куда мне идти? — покорился своей судьбе Кави.

— Подальше от Шема и Стигии. Здесь ты погибнешь, а там тебя снова продадут в рабство, и никакие бумаги не помогут. Я бы посоветовал податься в Туран. Это большая страна, в ней всегда много чужеземцев, и к ним привыкли настолько, что никто не будет задавать тебе лишних вопросов. В крайнем случае, можешь отвечать, что собираешься наняться в армию Илдиза или к кому-нибудь в телохранители. Лучше всего избрать крупный город, и хоть тебе будет трудно во всей этой суете, но среди множества людей проще затеряться. Прощай, друг мой. Мне будет тебя не хватать.

— Прощай, — эхом отозвался дарфарец. — Спасибо тебе за все.

Тихая и сытная жизнь Кави кончилась, едва успев начаться. Как только на Аббедрах спустились сумерки, он бесплотной тенью выскользнул из дома Исакара и растворился в темноте...

* * *

Увлекательная история была прервана жутким грохотом. «Длань Митры» подпрыгнула, резко накренилась и замерла, словно морская вода мгновенно превратилась в лед и крепко зажала судно, как в тиски. Конан вскочил и бросился на палубу. Фонарь, вывешенный на носу корабля, почему-то не горел, а фонари на мачтах давали слишком мало света, чтобы в ночной тьме можно было разглядеть, что произошло. Справа по борту черной громадой выселись скалы, между которыми едва угадывалась крохотная бухточка.

— Что случилось? — схватил киммериец за рукав пробегавшего мимо матроса.

— Пробоина! — крикнул тот на ходу и растворился в темноте.

Варвар помчался на нос судна, чтобы разыскать Харгерда, который взял на себя обязанности кормчего. Несмотря на царившую вокруг суetu ему удалось это сделать довольно быстро.

— Конан! — воскликнул новый кормчий, едва завидев могучую фигуру киммерийца, — Мы получили пробоину! Карта никуда не годится. Рифы обозначены намного левее, вот мы и сдали вправо, а тут... — Он взмахнул руками и тут же безвольно опустил их. — Моя вина. Я оставил у руля Атрана, а у него явно не хватило опыта... Не должен я был ночью уходить отсюда.

— Кто виноват, разбираться будем потом, — быстро ответил Конан. — Сейчас меня волнует только одно: как долго мы продержимся на плаву.

— Ну, тут все в порядке, — нашел в себе силы улыбнуться Харгерд. — Мы не погружаемся. Видимо сели, как задницей на кол.

— Тогда будем ждать рассвета, — решил варвар, — а потом определим, что делать.

Глава XI

Судно слегка покачивалось и при малейшем дуновении ветра раздавался треск, словно невидимый великан долбил дно «Длани Митры» огромным ломом. Побродив по палубе и спустившись в трюм, чтобы проверить, какова пробоина, Конан все же решил не дожидаться утра и, собрав команду, спросил:

— Кто из вас хорошо плавает?

К его досаде, таких оказалось вряд ли более половины. Остальные либо едва могли удержаться на плаву, либо сразу же шли камнем на дно.

— Клянусь копытами Нергала! — гаркнул Конан. — В жизни не встречал таких моряков! Значит так, — добавил он, слегка успокоившись, — все, кто в состоянии это сделать, должны выбираться на берег, прихватив с собой какую-нибудь поклажу. Те, кто боится утонуть, останутся на корабле и будут дожидаться, пока мы не придумаем, как из всего этого выкрутиться. Чем легче будет корабль, тем сильнее надежда, что он не развалится раньше времени.

— Погоди, Конан, — вмешалась неожиданно появившаяся Амарис. — Собак из трюма надо тоже доставить на берег.

— Ты в своем уме? — огрызнулся варвар, — Тут неизвестно, что с людьми делать, а ты о собаках печешься.

— Это не так трудно, как ты думаешь, — заискивающе улыбнулась Амарис. — Они прекрасно плавают, а снадобье делает их совершенно неопасными. Надо только перетащить клетки, чтобы на берегу псов снова запереть. Кроме того, те, кто не уверен в своих силах, могут держаться за их загривки. — Помолчав немного, она добавила: — Это очень важно, спасти собак, ты даже не представляешь, как это важно...

— Хорошо, — после недолгих раздумий согласился Конан. — Не хочу с тобой спорить. Чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше.

Самым трудным оказалось переправить клетки, но киммериец, а также два туранца, Бақдул и Атран, которые были отменными пловцами, справились и с этим. Амарис, прихватив с собой шкатулку со снадобьем, добралась до берега без посторонней помощи, чем в очередной раз восхитила варвара, а ее собаки, как она и обещала, никому не причинили лишнего беспокойства. На берегу их снова загнали в клетки, а потом развели костры и устроились возле них, чтобы обсохнуть и согреться. Постепенно все успокоились и заснули, лишь Конан, бросая встревоженные взгляды на темневший неподалеку корабль, заявил, что не сомкнет глаз. Он прилег возле костра, задумчиво глядя на пляшущие языки пламени, и даже вздрогнул от неожиданности, когда его плеча легко коснулась рука Амарис.

— Я не хочу спать, — заявила она, опускаясь на песок рядом с киммерийцем. — Лучше посижу с тобой.

— Тогда уж продолжи свой рассказ, — попросил Конан.

— Хорошо, — кивнула Амарис.

* * *

Дарфарец не надеялся, что путь до Турана окажется простым и легким, но по-

настоящему испугался, когда на его пути встала пустыня. Ему, лесному жителю, бесконечная гряда светло-желтых безжизненных холмов показалась страшнее Страны Теней, когда лучи все выше и выше поднимавшегося солнца из нежных и ласковых превратились в палящие. Песок нагрелся быстро, и каждый шаг юноши стоил ему большого труда, однако он упорно продвигался вперед, хотя плохо представлял, куда направляется, ибо горячий воздух, ослепительный свет и ставший почти белым песок слились для него в море слепящего пламени. Голову словно стянуло обручем, в висках стучала кровь, что каждый удар сердца юноши отдавался мучительной болью, От острой рези в глазах он плохо видел, то и дело перед взором начинали плавать, струиться или стремительно вращаться разноцветные пятна, в воспаленном мозгу возникали видения. Вот впереди заплескалось лазурное море, которое вдруг сменилось быстро бегущими диковинными зверями, а они взмахнули внезапно выросшими крыльями и исчезли в бескрайней голубизне неба, затем перед путником вырастали деревья, возникали полупрозрачные люди, и снова море дразнило прохладной глубиной...

Падая и снова упорно поднимаясь на ноги, Кави тер кулаками глаза, изо всех сил шлепал себя или щипал, чтобы снова увидеть, что же на самом деле окружает его, но яркие краски мелькали все быстрее и быстрее, складываясь и причудливые картины и мгновенно распадаясь. Только страстное желание выжить во что бы то ни стало и сохранить так неожиданно обретенную свободу заставляло дарфарца двигаться вперед.

Сколько времени провел он в этом пекле — час? день? год? — юноша не знал, но он все-таки дожил до того дня, когда среди опостылевших песков появилась первая чахлая растительность. Кави выкопал несколько наиболее ярких кустиков травы и долго, с наслаждением высасывал из корней крошечные капельки влаги. В тот миг ему казалось, что он приложился к кубку, из которого пьют боги.

Пустыня кончилась. Полуживой дополз дарфарец до крошечного селения, состоявшего всего из пяти домов, на шемитском и туранском языках попросил воды и впал в забытье.

Молодость и сила помогли ему быстро оправиться. Когда он пришел в себя, к его величайшей радости оказалось, что Шем остался позади. Вспомнив советы Исакара, Кави сочинил длинную историю о том, как отправился с друзьями наниматься в войско Илдиза Туранского, но в пустыне потерялся и теперь ничего не знает о судьбе своих спутников. Более внимательный слушатель уловил бы в его рассказе так много странного, непонятного и противоречивого, что мгновенно уличил бы его во лжи, но крестьянам но было дела до мытарств еще одного бродяги, который мечтает разбогатеть на службе их владыки. Едва юноша окреп настолько, что вполне мог покинуть селение, ему дали кое-какую одежду, собрали еды в дорогу, наполнили водой бутыль, сделанную из высущенной тыквы, и простились с ним, вскоре забыв о случайном госте.

Три года мотался Кави по Турану. Больше всего по сердцу ему пришла Замбула, где он встретил множество людей со своей родины. Тут помнили и чтили Йога, и юноша с удовольствием остался бы в этом замечательном городе навсегда, но он был единственным свободным человеком среди дарфарцев, и довольно быстро нажил себе врагов и среди йоггитов, и среди туранцев. С великим сожалением покинул он Замбулу и отправился дальше скитаться по свету.

Кави так часто менял города, что даже не запоминал их названий. Он недолго послужил в охране какого-то жирного и склонного богача, поработал грузчиком в порту и даже вышибалой в аграпурском трактире, но нигде не задерживался надолго и после очередной

жертвы Йогу вынужден был мгновенно смыться. За время своих странствий он добрался до Султанапура. Там он познакомился с Кумаром, предводителем одной из шаек Красного Братства — сообщества вилайетских пиратов. Они быстро нашли общий язык, и полгода Кави бороздил море со своими новыми приятелями. Пиратов вовсе не интересовало, какую печенку предпочитает на обед чернокожий головорез — нежную телячью или жирную купеческую. Так, наверное, и закончил бы дарфарец свою жизнь, если бы однажды попутный ветер не занес их галеру в Шандарат.

Команда сошла на берег и отправилась кутить по кабакам, а Кави, гастрономические вкусы которого сильно отличались от вкусов его дружков, решил развлечь себя каким-нибудь необыкновенным зрелищем. Случай привел его к амфитеатру, где проводились собачьи бои. Горячая кровь дарфарца кипела, когда он смотрел, как красиво боятся роскошные звери, каждого из которых он был готов назвать своим братом. Он так восхищался псами, что сначала даже не заметил их хозяйку, а когда увидел ее, мгновенно понял, что согласился бы влезть в шкуру любой из этих собак, лишь бы провести остаток своих дней у ног этой невероятной женщины.

Подобно каменному изваянию застыл он, глядя на Амарис, и только темно-карие глаза, в которых горели восторг и обожание, говорили о том, что в могучем бронзовом теле есть жизнь, которую дарфарец готов отдать по малейшему знаку изящной тонкой ручки. Молодая вдова, почувствовав на себе обжигающий взгляд, обернулась, и в уголках ее губ задрожала едва заметная улыбка. Амарис окинула оценивающим взглядом статного, сильного великана и поманила его розовым пальчиком. В несколько прыжков Кави очутился возле нее и почтительно припал на одно колено, склонив голову.

— Кто ты? — нежным голосом спросила красавица.
— Твой раб, госпожа, — хрипя от волнения, ответил Кави.
— Как тебя зовут? — рассмеялась польщенная Амарис. — Откуда ты?
— Кави. Из Дарфара, — последовал краткий ответ.
— Из Дарфара? — Тонкая черная бровь слегка приподнялась. — Это интересно... И как же ты попал так далеко от своей родины?
— Это длинная история, госпожа. Если ты позволишь мне побывать у твоих ног, я расскажу ее тебе.

Овдовев больше года назад, Амарис отчаянно тосковала. Несмотря на ее красоту и богатство, претенденты на руку и сердце роковой красавицы не толпились у ее дверей. Душа ее томилась от пустоты, а тело — от жажды ласки. Красивый дарфарец, дикостью и силой в чем-то схожий с ее обожаемыми псами, заинтересовал женщину, а страсть, которую он излучал, согрела Амарис, словно огонь камина долгим зимним вечером.

С этого дня, где бы ни появлялась Амарис, всюду ее сопровождал неразговорчивый темнокожий гигант. Вскоре люди зашептались о том, что, судя по красноречивым взглядам, которыми эта пара изредка обменивалась, забыв, что они не одни, их связывают гораздо более тесные отношения, чем они стремятся показать. Разговоры, как это бывает нередко, оказались небеспочвенными. Гордая красавица впервые отступила от своего твердого правила отдавать свое тело лишь законному супругу. Ее душа иногда бунтовала против этого, но зов плоти был намного громче зова разума.

Четыре раза шандаратский судья скреплял брачные договоры, в которых стояло имя Амарис, но до встречи с дарфарским каннибалом она даже не подозревала, какими могут быть истинные дары любви. Она купалась в волнах обожания, исходивших от Кави, таяла в

его могучих и одновременно таких нежных руках, жадно пила его страсти и не могла остановиться, как дикий зверь, которому неведомо насыщение.

Тем временем молва, поначалу едва слышно шептавшая нелестные для Амарис слова, постепенно начала обретать все более и более громкий голос, и даже такая независимая и самостоятельная женщина, как эта богатая вдова, не могла не прислушаться. Она стала часто задумываться о чем-то своем и однажды, любуясь прекрасным телом своего возлюбленного, темно-бронзовый цвет которого чудесно оттеняли белоснежные шелковые простыни, Амарис спросила:

— Скажи, Кави, тебе хотелось бы стать моим мужем?

— Душа моя, ты согласишься связать свою жизнь с заклейменным рабом из Дарфара? — приподнялся на локте изумленный Кави.

— Твое клеймо доступно лишь моему взору, — улыбнулась Амарис, — а в том, что ты раб, мой раб, и так никто не сомневается. Что же касается Дарфара... Кому какое дело, что ест на обед мой муж?

Амарис сама обманывала себя: людоедство казалось ей не таким уж страшным делом, пока она лишь слышала о нем. Она даже представить не могла, что произошло бы, попытайся ее любовник хоть раз у нее на глазах закусить кем-нибудь из слуг или соседей.

— А кроме того, — продолжила она, — мне кажется, ты не отличаешься религиозным рвением, а твой Йог не преследует тебя за это. Если ты смог служить Золотому Павлину, почему бы не сделать следующий шаг и не признать менее кровожадного бога?

— Я уже признал, — привлек ее в свои объятия Кави, которому очень не хотелось продолжать разговор о богах и тем самым теребить глубокую душевную рану. — Я выбрал для себя бога. Богиню. Тебя.

— Погоди, — тихо засмеялась Амарис, отодвигаясь от возлюбленного. — Ты не ответил на мой первый вопрос.

— Стать твоим мужем? Ты серьезно об этом? О! Я даже мечтать не смел... Я гнал от себя даже тень таких мыслей...

— Тогда решено, — погладила Амарис бронзовое плечо. — Только...

— Что, моя госпожа?

— Я не хочу большого пира. И много гостей не хочу.

— Мы можем вообще не звать гостей, — продолжил ее мысль Кави. — Пусть это будет наш праздник. Твой и мой.

Пятая свадьба Амарис прошла очень тихо. Судья дрожащей рукой подписал еще один брачный договор, с сожалением посмотрел на счастливое лицо дарфарца, печально вздохнул и пожелал молодым любви и радости. Новоиспеченные муж и жена вернулись домой, где их ждал празднично украшенный зал со столом, накрытым для двоих.

Блистательный Шандарат замер в ожидании дня, когда молодая жена сменит яркие одеяния на скромные наряды вдовы, но время шло, а пятый муж Амарис по-прежнему пребывал в добром здравии. Люди пошептались, пошептались и умолкли, потеряв к супружеской жизни полной покоя и неги красавицы всякий интерес.

Прошло несколько месяцев. Взаимная страсть сильно изменила и Амарис, и Кави. Она намного меньше внимания уделяла своим собакам, а он за это время ни разу не отвел человеческой плоти, хотя по-прежнему не ел ничего, кроме едва обжаренного мяса. Однажды за обедом, глядя на роскошную вазу из оникса, наполненную отборными фруктами, Кави заметил:

— Как быстро летит время! Когда я впервые увидел тебя, фруктовые деревья были в цвету, а теперь на них уже созрели плоды.

Амарис ничего не ответила ему, лишь тень озабоченности отчего-то легла на ее лицо. С этого дня она начала ежедневно заходить в помещение, где отдельно от остальных псов содержались племенные суки. Она подолгу пропадала там, ничего не объясняя, только как-то раз вскользь заметила, что приближается беспокойная пора. Зная, с какой нежностью Амарис относится к своим собакам, а особенно к щенкам, Кави не удивился, а лишь посетовал, что сердце его обожаемой госпожи принадлежит не только ему.

Быстро промелькнули еще несколько дней, и как-то вечером Амарис предложила:

— Хочешь, я покажу тебе свою лучшую собаку? Мне кажется, если ты узнаешь их поближе, то не будешь ревновать меня к ним.

Она привела Кави на псарню, где в отдельной клетке сидела великолепная темно-рыжая собака с желтовато-белым пятном на груди. Увидев хозяйку, она резво вскочила с толстой подстилки и, просунув черный блестящий нос между прутьями решетки, ласково лизнула ладонь, на которой лежал кусочек сахара. Затем она исподлобья взглянула на Кави, рыжая шерсть на массивном загривке приподнялась, а из широкой груди вырвалось глухое рычание.

— Успокойся, милая, — нежным голосом обратилась к ней Амарис. — Это друг. Ты должна привыкнуть к нему и полюбить его, как меня.

Затем она повернулась к Кави и предложила:

— Погладь ее.

Кави осторожно опустил руку на лобастую голову и тихонько потрепал ее. Собака все так же неприветливо смотрела на него, но больше не рычала.

— Вот видишь, — обрадовалась Амарис. — Я не сомневалась, вы подружитесь.

С этого дня они стали заходить к собакам вместе, и скоро дарфарец так проникся к этим удивительным животным, что даже сам торопил Амарис, если она не спешила на псарню. Собаки тоже привыкли к новому для них человеку и даже позволяли ему входить в клетки, что, по словам их хозяйки, было знаком большого доверия.

Как-то утром, за завтраком, Кави заметил, что его жена сегодня особенно задумчива и грустна, а обычно розовые щеки на редкость бледны.

— Что с тобой? — взволнованно спросил он, заглядывая ей в глаза. — Ты не больна?

— Я здорова, — сухо ответила Амарис, отводя взгляд. — Просто у меня немного болит голова.

— Ничего, — улыбнулся Кави. — После завтрака пойдем к твоим любимцам, и всю твою хворь как рукой снимет.

— А может, не надо?

— Что не надо? — не понял Кави.

— Давай лучше погуляем немного. Сходим к морю...

— Хорошо, — согласился покладистый супруг. — Посидим у моря, если ты так хочешь, а потом, когда вернемся, пойдем к собакам.

...Они долго сидели на берегу, глядя, как зеленоватые волны лениво лижут мелкий песок, то подползая почти к самым ногам, то стремительно отступая назад. Амарис почти ничего не говорила. Она стояла так близко к Кави, что ему по нужно было даже делать шага, чтобы коснуться ее, и в то же время находилась так далеко, что, даже если бы он закричал во все горло, она не услышала бы его. Вдруг она всем телом прижалась к дарфарцу, замерла на мгновение, потом решительно отодвинулась, тряхнула головой и позвала:

— Пойдем. Они заждались нас.

— Я же говорил, тебе скоро станет намного легче, — заулыбался Кави. — Идем, конечно.

Они пришли на псарню, Амарис прямиком направилась к клетке темно-рыжей собаки и, распахнув дверцу, пропустила вперед Кави. Собака приветливо завиляла хвостом и, встав на задние лапы, а передние положив Кави на плечи, принялась старательно вылизывать его лицо. Он смеялся и шутливо отмахивался от любвеобильной подружки, а Амарис, отступив к стене, пристально наблюдала за их игрой.

Потом она на миг прикрыла глаза, потерла их руками и сосредоточила все свое внимание на псе.

Вдруг с собакой начали происходить странные изменения. Она перестала бить хвостом по бокам, вздрогнула, как от удара, и, никак не показывая, что ее настроение резко изменилось, сомкнула пасть на лице Кави. Не успев даже крикнуть, он упал, а пес начал терзать его.

Тут Амарис словно очнулась от сна. Увидев, как кровь ее возлюбленного брызжет из-под острых зубов зверя, она истошно завопила:

— Назад! Фу! Назад!

Идеально выдрессированная собака тут же отпрыгнула от своей жертвы. Амарис бросилась к Кави и прижалась ухом к его груди, пытаясь услышать, как бьется сердце. Но ее ожидания были напрасными. Сердце, которое еще несколько мгновений назад переполняла любовь к прекрасной женщине, остановилось навсегда.

* * *

Конан поежился не то от услышанного, не то от внезапного порыва холодного ветра, дунувшего с моря. Подняв голову, он с тревогой увидел, что звезды, которые еще совсем недавно горели ярким, ровным светом, затягивают черные тучи. «Не приведи Митра, будет шторм, — подумал киммериец. — Тогда корабль обречен». Однако вслух он сказал совсем другое:

— Значит, все-таки я был прав...

— Ты о чем? — встрепенулась Амарис.

— Об этих псах. — Варвар кивнул на пятерых мастифов, сидевших возле хозяйствки и всем своим видом выражавших любовь и преданность. — Только не понимаю, как же такое могло произойти?

— Что могло произойти? — В голосе женщины послышался вызов.

— Не прикидывайся дурочкой! — разозлился Конан. — Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Рассказывая о своих мужьях, ты была не совсем искренна, моя дорогая. Эти собаки связаны с их смертями. Не знаю как, но связаны.

— Я тоже это плохо понимаю, — тихо, почти шепотом, проговорила Амарис. — Просто каждый раз от собаки, которая загрызла человека, рождался всего один щенок. Кобель. Очень крупный и необычайно смуглый...

— И ты, зная об этом... — начал киммериец, но она не дала ему договорить.

— Да ничего я не знала! — выкрикнула Амарис. — То есть сначала не знала, — добавила она уже спокойнее. — Первый щенок просто удивил меня, ведь у мастифов обычно

рождается по шесть, а то и по восемь детенышней, а тут всего один. После моего второго вдовства вдруг родился такой же пес, и тогда я впервые подумала, что это не просто так.

— А потом решила проверить? — ехидно поинтересовался Конан.

— Мне трудно все тебе объяснить, — печально улыбнулась Амарис. — Для тебя это обычные животные, а я вижу в них близкие мне существа. Ни один человек так и не сумел стать мне дороже мастифов, ближе их и понятнее... Это так сложно... Жизнь любого из этих псов значит для меня больше, чем человеческая. Я с ними сроднилась, что ли...

Конан молчал, не мешая женщине выговориться. Он чувствовал, что еще ни с кем она не была столь откровенна, и боялся это спугнуть. Она всю жизнь несла такую тяжкую ношу, что непонятно, как выдержали ее эти хрупкие женские плечи. «Пусть говорит, — думал он, — может, так она сумеет разобраться в себе? Трудно жить в ссоре со своей душой. Потрясающая женщина!» А она все говорила и говорила. Речь ее, сначала сбивчивая и прерывистая, постепенно становилась более гладкой и ровной, слова лилась потоком, и чем дольше длился монолог Амарис, тем светлее становилось ее лицо.

Слушая затянувшуюся исповедь, в которой Амарис рассказывала даже то, о чем, наверное и сама прежде не подозревала, киммериец не забывал время от времени бросать взгляды на море, откуда дул постоянно усиливающийся ветер. Волны, еще совсем недавно лениво лизавшие ускорили свой бег, взбивая многочисленные буруны, и «Длань Митры», прежде почти неподвижно сидевшая на подводном рифе, начала раскачиваться и угрожающе трещать. Единственное, что слегка успокаивало Конана, — приближался рассвет, а при дневном свете будет легче разобраться, можно ли починить корабль или, наоборот, закрепить парусник так, чтобы хватило времени обыскать его и найти жемчуг.

Взглянув в очередной раз на море, киммериец оцепенел: прямо за кормой «Длани Митры» откуда-то из глубины появилось сияние, оно постепенно разрасталось, поднимаясь ближе к поверхности, пока наконец не приобрело очертания гигантскогоovala...

Глава XII

Свет разгорался все ярче и ярче, по силе соперничая с самим Оком Митры, но в отличие от его животворных лучей был мертвенно-синеватым. Пираты, спавшие возле костров, пробудились, и воздух огласился криками ужаса. Им вторили голоса тех, кто остался на борту парусника.

— Что это? — дрожащим голосом прошептала Амарис, всем телом прижимаясь к Конану.

— Не знаю, — ответил он, — Но что бы это ни было, чувствую, оно несет большую беду.

Огромный овал, поднявшийся из глубин моря, размерами не уступал корпусу «Длани Митры». Вот он замер рядом с кораблем, словно фонарь великана, который рассматривает свою добычу, и вдруг погас, обратившись в черную неподвижную скалу. Затем свет появился снова, но уже не такой сильный, хотя вполне достаточный, чтобы стоявшие на берегу увидели, как чудовище выкинуло щупальце толщиной в два человеческих торса. Щупальце на миг зависло в воздухе, а потом осторожно коснулось кончиком борта корабля и покачало его, словно мать, убаюкивающая ребенка.

Вопли, несущиеся с парусника, превратились в сплошной вой, как будто глотки всех матросов объединились в одну. Осторожно, как соринку из глаза, чудовище сковырнуло с палубы человека, подержало его на весу, затем опустило в воду, снова вытащило, а потом щупальце, резко изогнувшись, отправило жертву куда-то вниз, под брюхо монстра.

Послышался оглушительный свист, сменившийся кошмарным звуком, напоминавшим тяжелое дыхание сотен усталых людей. Вода вокруг неведомого зверя забурлила, и все опять погрузилось в темноту.

— Спаси нас Митра, — пробормотал Атран. — Я даже не слышал никогда ни о чем подобном. Что же это было? И куда оно делось?

Никто не мог ответить ни на один из вопросов, и только Конан вспомнил, как когда-то давно, еще будучи зеленым юнцом, он после неудачной попытки ограбить Неджеса, тогдашнего советника Ашарата, был сослан на Обглоданный остров, где обитали старые и больные мастифы, единственной пищей которых были ссыльные преступники. Пропала бы тогда его голова, не появившись вовремя Шеймис, дух из найденного Конаном кувшина, старый и бестолковый, но бесконечно преданный своему хозяину. С великим трудом, чуть не лопнув от натуги, Шеймис тогда сумел создать довольно приличный плот, на котором они с варварами покинули остров. Но управлять стихиями несчастный дух, конечно же, не умел, а вместо этого вызвал откуда-то из морской бездны неведомое чудовище, которое и дотолкало плот почти до шандаратской гавани. Хилый и не очень-то умный дух ни за что бы не справился с силой, которую сумел вытащить на белый свет, не помоги ему Фарал, воин Митры, который вовремя распознал, где находится пригляднувшийся ему Конан и что с ним происходит. Но даже Шеймис представлял, какую жуткую минуту привлек на помощь. Теперь, глядя на то, что происходило возле парусника, киммериец вспомнил тот леденящий ужас, который вызывала морская тварь, хотя тогда он ее и не видел. Похоже, она опять вылезла на поверхность, только на сей раз по собственной воле.

Море снова забурлило, и в предрассветных сумерках все увидели, как из воды медленно поднимается громадная туша. Теперь она возникла за кораблем, но по-прежнему была отлично видна с берега. Чудовище снова засветилось, но теперь оно горело не голубым

светом. По мокрой блестящей шкуре волнами пробегал то синий, то зеленый, то ярко-желтый огонь, сменяясь так быстро, как настроение капризной женщины. Монстр в очередной раз выкинул вверх щупальце и опять начал раскачивать «Длань Митры», скорее всего, намереваясь снять его с рифа, на котором парус-пик сидел довольноочно.

Корабль трещал, как под ударами топора, от его бортов отлетали доски, и насмерть перепуганные люди бросались в воду, хватаясь за них, чтобы попытаться достичь берега. Однако это не удавалось никому, ибо чудовище, время от времени издавая резкий свист, ловило щупальцами несчастных и погружало их в воду. Когда уродливые конечности, усеянные присосками, опять поднимались над поверхностью моря, людей на них не было.

Непрекращающийся крик летел над морем, волны, поднятые резвившейся тварью, били в искореженный корпус судна, хлестали через него, достигали берега и даже погасили костер, возле которого стояли Конан и Амарис. На скулах киммерийца ходили желваки, его ярко-синие глаза горели ненавистью, на кулаках, сжатых до хруста, побелели костяшки пальцев. Но что он мог сделать против порождения мрака, которое размерами превышало солидный парусник? Даже одно щупальце, с силой выброшенное вперед, могло сокрушить гору. Что уж говорить о человеке, возможности которого небезграничны? Варвар прекрасно понимал все это, но чувства, бушевавшие в его душе, были сильнее доводов рассудка. Он обещал этим людям свободу и щедрое вознаграждение, а они, доверившись ему, нашли страшную смерть в объятиях немыслимой гадины, которую могло породить лишь большое воображение кого-то из Темных Богов.

Морское чудовище тем временем забавлялось со своей новой игрушкой. Держа двумя щупальцами корабль, оно вдруг резко выпрямило остальные восемь конечностей и поднялось на них, зависнув над «Дланью Митры», как огромный купол. Из овальной туши, которая приобрела нежно-розовый оттенок, вылетел длинный ярко-синий язык, усеянный мелкими зубами. Развеселившаяся гадина поболтала им, как ребенок, который дразнит приятеля, и, выбрав жертву, слизнула одного из пиратов. Тот пронзительно завизжал, но его крик прервало громкое чмоканье, тварь свистнула и плюхнулась в воду, обдав парусник фонтаном соленой воды.

Нельзя сказать, чтобы оставшиеся в живых безропотно принимали смерть. Все, кто еще хоть как-то мог сопротивляться, отважно бросались на монстра, нанося по щупальцам удары мечами и кинжалами, но чудище лишь посвистывало и похрюкивало, как будто получало невыразимое удовольствие от легких уколов. Видимо, для того чтобы пробить его кожу или хотя бы расцарапать ее, потребовались бы увесистый таран и общая сила нескольких десятков человек.

Люди на берегу застыли, словно каменные изваяния, и лишь время от времени воздух оглашали страшные ругательства и проклятия, да глухо рычали псы, замершие в боевой стойке. Они выстроились перед Амарис, готовые броситься на защиту своей хозяйки. Однако ни люди, ни собаки были не в состоянии справиться с морским чудовищем, которое, по всей вероятности, даже и не замечало их.

Наконец монстру надоела его игра. Он снова приподнялся над кораблем, крепко обхватил «Длань Митры» щупальцами и сильным рывком сдернул парусник с рифа. Поддержав его перед собой, чудище разинуло бездонную пасть, усеянную тремя рядами зубов разной длины, самый большой из которых был не менее трех локтей, и со смаком откусило корму. Громкий свист, от которого закладывало уши, заглушил треск перемалываемых досок и крики умирающих. Затем гадина снова открыла рот и аккуратно опустила в него то, что

осталось от корабля. Блестящая шкура приобрела темно-красный оттенок, потом по ней побежали синие и зеленые полосы, щупальца погрузились в воду, а вслед за ними и весь разноцветный овал ушел на дно. В том месте, где всего несколько мгновений назад стоял парусник, образовалась огромная воронка с кипящими краями. В чудовищном водовороте кружились обломки досок и камней, видимо, от сломанного рифа.

Вдруг какая-то неведомая сила как будто вывернула водоворот наизнанку, и над морем поднялась громадная волна. Она зависла на миг, с бешеною скоростью помчалась к берегу и со страшным грохотом обрушилась на него. Удар был таким мощным, что никто не сумел удержаться на ногах, однако, к счастью, отступившая волна не унесла с собой никого.

Все кончилось. Поднявшееся из-за горизонта солнце осветило ровную морскую поверхность, тихую и спокойную, словно разыгравшаяся тут трагедия привиделась Конану и его спутникам в кошмарном сне.

Киммериец медленно опустился на землю. Еще никогда п жизни не чувствовал он себя таким усталым и опустошенным, как будто он не смотрел, как кровожадная тварь пожирает корабль, а выдержал битву с ней. Впервые ему привелось встретиться с врагом, против которого он оказался бессильным. Монстр не только погубил людей. Варвару казалось, что морская гадина уничтожила его, Конана, за один миг дважды заставив нарушить слово: он не доставил дань, предназначавшуюся Илдизу Туранскому, и не спас доверившихся ему людей. Да и те, кто остался в живых, — что он может дать им?

Из оцепенения киммерийца вывел громкий крик, прозвучавший у него за спиной.

— Это все ты, дрянь! — Один из пиратов шел к Амарис с обнаженным мечом. — Не вытаскивай мы твоих псов, может, помогли бы кому-нибудь из наших друзей добраться до берега!

— Эй! — крикнул Конан, делая шаг вперед. — Ни один волос не упадет с головы этой женщины, пока я жив!

— Тогда сдохни! — Пират бросился к варвару.

Словно две ослепительные молнии, сверкнули в солнечных лучах скрестившиеся клинки и тут же отскочили друг от друга. Противники закружили в безмолвном смертельном танце, выбирая миг для решительного выпада. Пират прыгнул, но его меч рассек пустоту: киммериец успел увернуться, полоснув острием клинка по открытому боку противника. На задубевшей под морскими солеными ветрами коже проступила яркая красная полоса. Пират выругался и снова ринулся в атаку.

Конан дрался, как разъяренная пантера. Его душили злость, ярость, ненависть ко всему миру и обида. Не будь его противник столь ловким и опытным бойцом, его душа давно бы уже шагала по Серым Равнинам. На плече и бедре киммерийца зияли глубокие раны, но и пират, так упорно сопротивлявшийся, потерял немало крови и, похоже, начинал сдаваться. Наконец варвару удалось, невероятным образом извернувшись, всадить меч по самую рукоять в приоткрывшуюся на миг грудь нападавшего.

Уперевшись ногой в еще теплого мертвеца, Конан выдернул клинок, обтер его о штаны поверженного и выпрямился.

— Кто еще жаждет моей смерти? — грозно спросил он, окидывая всех холодным взглядом.

— Зря ты так, — послышался чей-то голос. — Ни одна баба не стоит...

— Я сказал, — рыкнул киммериец, — ни один волос не упадет с головы этой женщины! Если кто-то жаждет крови, я с удовольствием пущу ее!

С отчаянными криками на него бросились сразу двое: Атран и Бакдул. Прижавшись спиной к скале, Конан отразил первый удар, но два свежих человека против одного изрядно уставшего — это серьезно, и варвар приготовился к нелегкому бою. Окинув быстрым взглядом поле битвы, он мгновенно оценил обстановку. Его противники наступали с двух сторон, но каждый собирался драться самостоятельно, даже не оглядываясь на товарища. Амарис, что-то сказав собакам, отошла в сторону и внимательно следила за исходом поединка. Не вмешивались пока и остальные пираты, видимо, решив дождаться, чем окончится бой. Такой расклад вполне устраивал варвара, ибо ему не раз приходилось противостоять гораздо большему числу врагов.

Зажав в правой руке меч, а в левой длинный кинжал, киммериец бросился в атаку, не давая Атрану и Бакдулу опомниться. Удар — и Бакдул перекинул клинок в левую руку, ибо правая, залитая кровью, перестала ему повиноваться. Однако пират прекрасно владел обеими руками, и в левой его меч не становился менее грозным. Атран сделал резкий выпад, но напоролся на ловко подставленный кинжал и вскрикнул, когда холодная сталь, прорвав одежду, нарисовала на его животе багровую полосу. Конан усмехнулся и снова ударили, на сей раз выбив меч из рук Бакдула. Серебристый клинок, прочертив в воздухе дугу, отлетел далеко в сторону, и пирату пришлось довольствоваться широким кривым ножом, который он тут же выхватил из-за пояса.

Драка затягивалась, и киммериец уже начал чувствовать, что устает, когда один из нападавших, сделав неверный шаг, получил смертельную рану и, рухнув у ног Конана, затих. Теперь варвар остался один на один с Атраном. Мечи сверкали, выбивая снопы искр, в воздухе висел непрерывный звон, но силы противников были равны, и ни один не уступал другому ни на йоту. Снова встретились клинки, но на сей раз вместо звона послышался громкий треск, и оба меча, обломившись у самых рукояток, полетели в разные стороны. Кинув на землю обломок, варвар покрепче сжал рукоять кинжала.

Расставив руки, слегка нагнувшись вперед, Конан и Атран закружились по истоптанному, залитому кровью песку. Каждый следил за действиями соперника, выжидал, когда тот сделает неверный шаг, но ни один не нападал первым. Вдруг туранец резко нагнулся, набрал горсть песка и швырнул его в лицо Конану. Резкая боль полоснула по глазам, и на мгновение киммериец ослеп. Глухая ярость ударила ему в голову и, издав боевой клич своей далекой родины, от которого цепенели даже самые лихие вояки, варвар кинулся на врага. В синих глазах полыхнуло обжигающее пламя, тонкие губы искривились в злобном, почти зверином оскале. В этот миг он походил на саму Смерть, принявшую ненадолго человеческий облик.

Атран ожидал совсем другой реакции и замер, увидев, что Конан не валяется на песке, вопя от боли, а движется на него. Эта заминка и погубила туранца. Не успел он даже поднять руку с кинжалом, как клинок варвара вонзился ему в шею. Киммериец резко дернул рукой вправо, и почти отделившаяся от тулowiща голова Атрана повисла за его плечами, как капюшон. Пошатываясь от усталости, Конан побрел к морю, зачерпнул полные пригоршни воды и опустил в них лицо, чтобы вымыть из глаз песок, причинявший нестерпимую боль.

Когда он вновь обрел способность нормально видеть, к нему тихо подошла Амарис.

Ты настоящий мужчина, киммериец. — В глазах женщины горел восторг. — Это было незабываемое зрелище.

— Где остальные? — хмуро поинтересовался Конан.

— Вон там, — усмехнулась Амарис и показала рукой на скалу, по которой, цепляясь изо

всех сил, быстро карабкались оставшиеся пираты. — Они начали улепетывать, когда Атран напоролся на твой клинок.

— К Нергалу под хвост этих дурней! — злобно прорычал киммериец. — Какая муха их укусила? Как будто это я сожрал несчастный парусник вместе с их приятелями.

— Они ничего не имели против тебя, — виновато опустила глаза Амарис.

— Пока я жив, ни один мерзавец не посмеет обидеть женщину! — воскликнул варвар.

— Любую? — внимательно взглянула на него Амарис.

— Любую! — отрубил Конан.

Она тяжело вздохнула и перевела разговор на другую тему:

— Ты весь в крови. Позволь мне заняться твоими ранами.

Разорвав на широкие полосы рубашки убитых пиратов, Амарис сначала омыла, а потом забинтовала плечо и бок киммерийца, наиболее пострадавшие в недавней схватке. У нее были мягкие и умелые руки и, казалось, вместе с грязью и подсохшей кровью она смывает и боль. Хлопота возле киммерийца, она все время что-то бормотала, не то уговаривая его потерпеть немного, не то молясь Светлым Богам, не то творя излечивающие заклинания. Так или иначе, но когда Амарис закрепила последнюю полосу материи, Конану неудержимо захотелось спать и он, опустив отяжелевшую голову на колени прекрасной целительницы, мгновенно провалился в глубокий сон.

Сны, посетившие его, были светлыми и радостными. Ему привиделась родная Киммерия, где он так давно уже не был, ее суровые горы, покрытые ослепительно белыми снегами, высокие леса и быстрые реки. Родители, молодые, крепкие, красивые, радостно улыбались своему повзрослевшему сыну, но не просили остаться, а благословляли избранный им путь, и только отец слегка досадовал на то, что прервалось на Конане его чудесное ремесло и не будет больше в их роду кузнецов.

— Иди, сынок, тебя ждут великие дела, — сказала ему мать.

— Будь счастлив, сын. Никогда не изменяй себе, — напутствовал его отец.

— Куда ты теперь? Куда?.. Куда?.. Куда?.. — эхом разнесся мучивший киммерийца вопрос, и он пробудился.

Амарис пристально разглядывала его, не произнося ни слова, но на ее лице читалась тревога, а в глазах застыл тот же вопрос, который заставил Конана проснуться. Он сел, с хрустом потянулся и огляделся по сторонам. Если ему не изменяла память, а такого с ним еще ни разу не случалось, до Султанапура от бухты, куда занесла их судьба, осталось не более дня пути. Амарис ни за что не согласится бросить тут своих питомцев, а значит, ей нужно добраться до города и прислать за ней людей, которые помогут женщине доставить ее необычный груз. В конце концов, из всех плывших на «Длани Митры» только ей посчастливилось и выжить самой, и сохранить почти все, что она везла. Так не терять же все это сейчас!

— Отсюда рукой подать до Султанапура, — сказал киммериец. — Я могу дойти туда примерно за день, и пожег, и быстрее. Если ты не боишься оставаться одна, подожди здесь. Я пришлю подмогу. Но расплачиваться с этими людьми придется тебе. У меня не осталось ничего, даже меча. — Он горько усмехнулся.

— Я ничего не боюсь, — спокойно ответила Амарис. — Но ты... Ты вернешься за мной?

— Вряд ли, — пожал плечами Конан. — Мне надо в Аграпур. А что со мной будет в столице, этого и сам Митра не знает. Но думаю, торжественная встреча не намечается.

— Ну зачем так мрачно? — улыбнулась Амарис. — Ты жив. Ты по-прежнему силен и

ловок. Или у Илдиза так много блестящих воинов, что он откажется от твоих услуг только потому, что парусник, на котором ты плыл, потерпел крушение?

— Все гораздо серьезнее. — Конан умолк, задумавшись, может ли он открыть этой женщине тайну, доверенную ему Ашаратом. Но ведь корабля нет, а вместе с ним в бездонной угробе морского чудовища сгинул и жемчуг, так что какая теперь разница, узнает о нем еще кто-нибудь или нет. Решительно тряхнув головой, словно отгоняя последние сомнения, варвар продолжил: — Видишь ли, накануне отплытия Ашарат сообщил мне, что «Длань Митры» повезет дань с Жемчужных островов. Я должен был сопровождать ее до Аграпура, чтобы доказать Илдизу, что такой способ перевозки жемчуга — самый надежный.

— И что? — На лице Амарис мелькнула лукавая улыбка, но Конан не обратил на это внимания.

— Как что? — мрачно буркнул он. — В Аграпуре меня ждут с ларцом, полным отборных перлов, а я явлюсь с голым задом! Вместо несметных богатств могу предложить лишь невероятную сказку о светящейся твари, которая сожрала корабль и даже не подавилась!

— Пусть это будет самой большой неприятностью в твоей жизни, — рассмеялась Амарис и подозвала одного из псов: — Корди, ко мне!

Послушный зверь мгновенно подбежал к хозяйке и сел у ее ног, слегка повиливая хвостом. Амарис положила руку на массивный ошейник, плотно охватывавший могучую шею пса, пробежалась по нему пальцами, нажимая на шипы в определенном порядке, и ошейник сначала расстегнулся, а потом распался на две половины, открыв самый надежный тайник, какой только мог представить человеческий разум. В тайнике, к непередаваемому изумлению Конана, мерцали, переливаясь всевозможными красками, крупные, отборные жемчужины.

— Так это ты... — задохнулся киммериец. — Так значит... О Боги! Ты невероятная женщина!

— Самая обыкновенная, — улыбнулась Амарис, хотя ее глаза говорили обратное. — А вот ты... Как жаль, что мы не сможем быть вместе, — вздохнула она.

— А ты скормила бы меня своим псам? — расхохотался Конан, к которому вернулось прекрасное настроение.

— Не знаю... — задумчиво протянула Амарис, и взгляд ее стал серьезным. — Но, — наклонила она набок голову, — соблазн был бы очень велик...

ЭПИЛОГ

Хаккан надолго умолк, глядя на безбрежную лазурь, которая когда-то давно, полжизни назад, унесла жизни многих его приятелей. Боль от потерь давно затихла в его душе, да и сам он неизвестно изменился с тех пор. Сейчас, когда старик по доброй воле разбудил те давние воспоминания, ему казалось, что это не он, а кто-то другой плавал на лихой галере, отчаянно дрался, гулял в портовых кабаках, любил женщин, но так и не встретил ни одной, что смогла бы затмить в его сердце образ прекрасной Амарис, единственной на свете, которая до сих пор являлась в его сумасшедших снах. И хоть тогда ему уже давно мирилось тридцать, это была его первая настоящая любовь. Он помнил каждую черточку ее лица, каждую прядь роскошных каштановых волос. И еще Хаккан помнил, какими были желто-зеленые глаза, когда красавица смотрела на Конана. Ему ли, обычному бродяге, искателю приключений было тягаться с могучим киммерийцем!

Сейчас, сидя в плавно покачивавшейся лодке, старик снова вспоминал тот далекий день, когда, поддавшись общей панике, бежал от меча разъяренного варвара. Но он не последовал за остальными, а, укрывшись за скалой, долго ждал, всей душой желая вернуться и предложить блестящему воину свою дружбу, готовый отдать жизнь за его рукопожатие. И когда Конан, оставив свою отважную спутницу на песчаном пляже крошечной бухты, направился в Султанапур, Хаккан робко окликнул его. А ты откуда взялся? — с удивлением спросил киммериец.

— Я не пошел со всеми, — ответил Хаккан.

— Ну что ж, — улыбнулся Конан. — Я обещал вам награду и теперь могу сдержать слово. Пойдешь со мной?

А дальше была целая жизнь. Но сколько ни носила Хаккана судьба по свету, в конце концов боги указали ему на Жемчужные острова. Он бредил морем, ему безумно хотелось хоть раз в жизни опуститься на дно и одним глазком взглянуть на подводное царство, а потом вернуться к солнцу и зеленой траве. Собрав то немногое, что сумел накопить, Хаккан навсегда поселился на одном из островов Архипелага и с тех пор никогда не покидал его.

Старик знал, что мечта Конана сбылась, и теперь воинственный киммериец — король Аквилионии, мощного и прекрасного государства. Собственно, он никогда не сомневался, что варвара ждет великое будущее, и в душе гордился, что ему выпало счастье, пусть недолгое, быть спутником этого человека, который еще при жизни стал легендой. Правда, Хаккан редко рассказывал об этом, не желая прослыть хвастуном и, чего таить, опасаясь лишний раз бередить свою сердечную рану. Он ничего не знал об Амарис, да и не хотел знать, ибо она стала для него светлой сказкой, глубинной тайной, о которой старик не говорил никому.

Ну ладно, разговоры разговорами, а ты не забыла, зачем мы вышли в море? — повернулся он к Аделле, которая тоже притихла и задумалась о чем-то своем. — Морские божества дали тебе знак, и к этому надо отнестись серьезно.

— Скажи, Хаккан, — начала девушка, — а тебе никогда не хотелось...

— Хватит болтать! — резко оборвал ее старик. — Я и так сегодня разговорился сверх меры. Старею, видать, язык длинным становится.

Очаровательная аки печально вздохнула, но не стала больше приставать к своему спутнику с расспросами. Она поднялась, с удовольствием потянулась и начала готовиться к следующему прыжку...

Солнце уже погрузило свои лучи в голубые воды, когда их лодка подошла к берегу. — Хороший был день, — сказала Аделла. — Теперь я могу позволить себе немного отдохнуть. Две жемчужины — тебе, две — сборщикам дани, а остальных мне хватит надолго. Ты какие перлы возьмешь?

— Все равно, — пожал плечами Хаккан. — Мне одному и малого достаточно. Вот сборщикам, боюсь, придется отдать черные или синие. А вон и они, — показал он рукой на берег, где стояли трое в цветастых шелках. И подумал: «Кто-то опять повезет жемчуг в Туран, и, как знать, может, это круто повернет его судьбу».